

Тбилисский государственный университет
имени Иванэ Джавахишвили
факультет гуманитарных наук

Теоретическое и сравнительное языкознание

Мирианашвили Мария

**ЛИНГВОПРАГМАТИКА ДИАЛОГИЧЕСКОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Д и с с е р т а ц и я,
представленная на соискание академической степени доктора филологии
(Ph.D.) Тбилисского государственного университета имени Иванэ
Джавахишвили

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Д. Гоциридзе

Соруководитель –
доктор филологических наук,
профессор И. Меликишвили

Тбилиси

2008

თბილისის
უნივერსიტეტის
ბაზოცემოლა

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Проблема речевого и социального взаимодействия	7
1.1 Функции и виды коммуникации	8
1.2 Социальные и психологические роли говорящих. Этнический элемент языкового сознания	13
1.3 Типология средств общения в зеркале национальной культуры	20
1.3.1 Вербальные средства коммуникации	20
1.3.2 Невербальные средства коммуникации: соматический язык	29
1.4 Другие характеристики коммуникации (мотивированность, активность, единство сознания и подсознания, эвристичность, целенаправленность).....	41
Глава 2 Прагматика речевого взаимодействия	
2.1 Прагматические факторы коммуникации	43
2.2 Целевая лингвистика или теория речевых актов	47
Глава 3. Диалогическая форма коммуникации	51
3.1 Коммуникативное событие и коммуникативная ситуация – полноправные компоненты текста	51
3.2 Специфика диалога	54
3.3 Диалог как место пересечения взаимодействующих сознаний (интер- активность, психологическая «дуэль», правила для говорящих и слушающих, психологический баланс общения, диалог с двойным адресатом)	57
3.4 Лингвистические особенности диалогического текста	65
Глава 4. Связанность вопросно-ответного диалога в русском и грузинском языках	67
4.1 Вопросно-ответные единства в русском языке	68
4.2 Вопросно-ответные единства в грузинском языке в сопоставлении с русским	110
4.3 Вопросно-ответные единства в ортолингвистической интерпретации	124
Заключение	156
Библиография	158

Введение

В последнее время возрос интерес лингвистов к коммуникативно-прагматическому, социальному, этнопсихологическому аспектам языка. Лингвисты взглянули на язык как на механизм, лежащий в основе речевых действий и определяющий возможность целенаправленной коммуникации (теория речевых актов). Коммуникативно-прагматическое направление изучения речевой коммуникации через деятельностный подход выявляет партитурность субъекта речи и ее адресата. Подобный подход к исследованию языка сосредоточивает внимание на речевых действиях автора текста и его адресата в определенной ситуации, при определенных социальных признаках партнеров, при реализации тех или иных коммуникативных намерений, целей, задач говорящих, уточняет, с помощью каких языковых средств эти намерения, цели, задачи осуществляются, как достигается коммуникативная согласованность в действиях партнеров и какие речевые стратегии и тактики при этом используются. Стремление добиться максимального эффекта воздействия порождает планирование, определяющее стратегию говорящего, что дает основание говорить об актуальности изучения речевой коммуникации в аспекте стратегии (с точки зрения цели) и конкретной тактики (с точки зрения способа ее достижения). Лингвистическая прагматика не имеет четких контуров. За минимальную единицу в прагматике принимается не слово, выражение или предложение, а речевое действие: извинение, приказание, благодарность, поздравление, описание, вопрос. Прагматика показывает язык как коллективную речевую практику, тесно связанную с законами жизни социума, психологии личности, с особенностями мировосприятия человека, его когнитивной базы, с культурными стереотипами и национальными традициями.

Известно, что жизненно важные поступки людей материализуются в создаваемых ими диалогах, которые изучались в плане структурной организации. Следует отметить, что ни семантика, ни прагматика диалога при многочисленности попыток их интерпретации не умещаются в рамках единой теории. Чтобы строить адекватные замыслу диалоги, необходимо знание правил построения не только отдельного предложения, но и знание правил объединения этих предложений в диалоги, умение понять предтекстовую и подтекстовую информацию – знание невербальных средств общения, несущих национально-культурную информацию. В речевом общении каждое высказывание воспринимается не само по себе, а как часть единого прагматического комплекса. За ситуацией коммуникативного плана скрывается более сложная система

поведенческих ситуаций – межличностных и этносоциальных. Общение вообще и речевое общение в частности характеризуется высокой сложностью организации.

Мотив и цель речевого сигнала проецируются как коммуникативное намерение (интенция) говорящего и находят выражение в конкретном речевом действии. Для того, чтобы диалог стал возможным и чтобы была достигнута цель коммуникации, необходимо осуществить целый ряд условий. Во-первых, необходимо осуществить обратную связь между адресантом и адресатом. Затем следует соотнести коммуникативное намерение говорящего с содержанием высказывания, а также со средствами его выражения. Возникает вопрос: всегда ли информация, воспринимаемая получателем, равна по объему информации, посылаемой адресантом, и от чего это зависит? Эта проблема уже давно интересует исследователей самого разного профиля: психологов, философов, социологов, этнологов, лингвистов.

Актуальность данного исследования. В наше время особенно актуально исследование вопросно-ответных единств с точки зрения прагматики, а также изучение вербальных и невербальных средств общения, что предполагает учет специфики диалога, коммуникативного события и коммуникативной ситуации, психологических и социальных ролей говорящих, национальных особенностей коммуникации. В грузинском языкознании проблема вопросно-ответных единств с точки зрения прагматики оставлена без внимания. Специально не изучены также невербальные средства коммуникации. Исходя из этого, исследование данных вопросов, а также выявление структурно-функциональной асимметрии вопросительных конструкций и описание лингвистической интерференции в типологическом плане представляется нам довольно актуальным.

Научная новизна работы заключается в том, что прослеживается специфика связанности вопросно-ответного диалога в русском и грузинском языках. Впервые предпринята попытка изучения категории вопросительности в прагматическом разрезе в русском и грузинском языках и включения в исследуемый комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, с их взаимодействием в коммуникации (с учетом этнических, социальных и психологических признаков говорящих) и ситуацией общения. Предпринята попытка изучения и классификации асимметрических отношений между вопросительной формой и вопросительным содержанием высказывания в названных языках. Исследуется явление интерференции с позиции субординативного билингвизма.

Рассмотрение диалогических единств в таком широком аспекте в исследуемых языках уже само собой представляет научную новизну работы. Насколько нам известно,

подобного рода исследование не проводилось в сопоставлении русского и грузинского языков.

Цель работы – а) выявление механизмов общения в свете этносоциальных отношений между коммуникантами в связи с конкретной ситуацией общения; б) описание лингвистических особенностей диалога; в) рассмотрение конструирующих единиц вопросительности в прагматическом аспекте; г) сопоставление этих единиц в русском и грузинском языках. Для достижения данной цели необходимо решение следующих **конкретных задач**:

- разграничить социальные и психологические роли говорящих;
- выявить этнолингвистическую специфику диалогической коммуникации на материале вопросно-ответных конструкций;
- охарактеризовать национальный феномен вербальных и невербальных средств коммуникации;
- описать прагматические аспекты коммуникации; охарактеризовать коммуникативное событие и коммуникативную ситуацию, а также специфику диалога и психологический баланс общения;
- проанализировать вопросно-ответные единства в русском и грузинском языках;
- описать структурные средства выражения вопросительности в обоих языках;
- выявить явные и скрытые цели вопросительных высказываний;
- понаблюдать за асимметрией формы и содержания вопросительных конструкций;
- классифицировать косвенные смыслы вопросительных конструкций;
- исследовать правила вывода косвенных смыслов из прямого значения высказывания;
- сопоставить результаты анализа языков с целью выявления универсальности;
- описать лингвистическую интерференцию с позиции субординативного билингвизма, когда происходит частичное подчинение изучаемого языка родному;
- классифицировать ошибки и дать их типологический анализ.

С решением данных задач будет достигнута основная цель данного исследования.

Материал исследования. Для исследования многообразия значений, выражаемых вопросительными конструкциями, и для уточнения их роли в целостной ткани художественного произведения нами были проанализированы ситуативные диалоги по

произведениям А. П. Чехова и И. Чавчавадзе; типичные ситуативные диалоги-клише; вопросы в анкетах, таможенных декларациях, загадках и кроссвордах.

Методы исследования. В процессе исследования применялись различные методы: дескриптивный, психологического эксперимента (для определения интенций и восприятия речи адресантом) и сопоставительно-типологический метод (позволяющий выявить общие и национально-специфические особенности), а также социальной интеракции.

Теоретическая и научная ценность работы заключается в том, что речевая деятельность коммуникантов изучается в рамках общей теории человеческой деятельности; учитываются социальные и психологические роли говорящих; уточняется и углубляется понятие речевой ситуации и речевого акта; дается определение прагматического поля вопросительности, описывается явление интерференции с позиции субординативного билингвизма..

Практическая ценность работы заключается в том, что поставленные в ней вопросы актуальны для целого ряда наук, таких как этнолингвистика, социоллингвистика, психоллингвистика, лингвистика текста, теория речевой коммуникации, межкультурная коммуникация, логика, риторика и др. Результаты исследования могут быть использованы на спецкурсах по теории речевых актов, по теории коммуникации, которые будут развивать у студентов навыки лингвистического анализа, расширят понимание прикладной сопоставительной лингвистики, также могут быть использованы на практических занятиях по изучению русского или грузинского как иностранного, преследуя цель – создать у учащихся автономный механизм порождения речи и оптимизировать процесс овладения неродным языком. Без знания невербального языка, имеющего огромную силу воздействия на психику изучающих язык, и функционального взаимодействия языковой формы и коммуникативного содержания (на примере асимметрических отношений между вопросительной формой и вопросительным значением) невозможно в совершенстве овладеть языком. Исследования в сфере коммуникативного поведения народов имеют также культурологическую, страноведческую и лингводидактическую ценность. Учет представленных в работе выводов и их использование в практике позволит избежать целый ряд ошибок.

Глава 1

Проблема речевого и социального взаимодействия

С конца XX века большое внимание в языкознании уделяется теории коммуникации. В настоящее время язык рассматривается главным образом как средство общения, внимание лингвистов сосредоточивается на коммуникативном аспекте языка. «Язык в нашем определении является средством, с помощью которого происходит общение между людьми, а общение между людьми и есть коммуникация. Однако коммуникация есть общение как составная часть глобального культурного общения коммуникантов. Язык же является системой человеческой культуры, к тому же самой важной системой, другими словами, системой, в которой отражаются в принципе другие системы. Культура и уникальный адаптированный механизм человека становятся возможным благодаря владению человека языком» (Große, 1976: 90).

Язык, как система коммуникации, свойствен людям – это атрибут человеческой деятельности. Жизнь общества во всех сферах его деятельности обеспечивается языковым общением. Общение (коммуникация) – это сложный и многогранный процесс, который изучается целым рядом наук: психологией, социологией, лингвистикой и психолингвистикой, этнографией и даже медициной (врачи-психиатры изучают виды общения с точки зрения различных нарушений и способов их преодоления). Языковое общение человека – это, прежде всего, сообщение какой-то **мысли**. Цель общения – установление взаимопонимания. Но: «Общение может выступать в одно и то же время как процесс взаимодействия индивидов, и как информационный процесс, и как отношение людей друг к другу, и как процесс их взаимовлияния друг на друга, и как процесс сопереживания и взаимного понимания друг друга» (Парыгин, 1971: с.178). Это дает возможность рассматривать язык в его единственной функции – **служить средством коммуникации в человеческом обществе, средством установления взаимопонимания в процессе коммуникации**. Коммуникация представляет собой сложное «интегрированное явление, в котором интегрированы все свойства языка» (Колшанский, 2005: с. 3).

Коммуникативная функция языка исследовалась в лингвистике на протяжении всей ее истории. Коммуникативная лингвистика включает в себя следующие аспекты исследования: а) лингвистический (вербальный и невербальный); б) психологический; в) социально-культурный и г) семиотический. Коммуникативный подход к языку

особенно актуален в настоящее время – в век научно-технического прогресса, в век глобализации и интеграции. Коммуникация всегда осуществляется в определенных условиях. Она является продуктом не только конкретного человека, но и человека, находящегося в конкретных социальных условиях. Ясно, что теория коммуникации должна охватывать весь речевой процесс в обществе глобально и обобщенно. Умение осуществлять коммуникацию есть глобальная коммуникативная компетенция.

Слово «коммуникация» предполагает четыре элемента. Во-первых, существует участник коммуникации (коммуникатор, адресант, отправитель, реципиент, деятель, агент – термин принадлежит Арутюновой Н.Д.), который обычно выступает в роли говорящего или пишущего и который посылает или создает необходимость для посылки сообщения. Во-вторых, сообщение получает второй человек, читатель или слушатель. Иногда его называют коммуникант (адресат, продуцент) или получатель сообщения. В-третьих, существует элемент обмена или передачи, который объясняет механизм передачи и получения сообщения. В-четвертых, само сообщение также является одним из основных элементов.

1.1 Функции и виды коммуникации

Единства в выделении функций общения не существует.

Одни ученые различают две группы функций: 1) социальные – планирование и координация коллективной трудовой деятельности, управление или социальный контроль (предписания членам общества), обеспечение межгруппового взаимодействия; 2) социально-психологические функции контакта, отождествления и противопоставления (субъект общается, чтобы подчеркнуть, что он «свой» или наоборот, «чужой») и др. (Социальная психология, 1975).

Другая группа ученых выделяет три класса функций: 1) информационно-коммуникативные (связанные с передачей и приемом информации, познанием людьми друг друга); 2) регуляционно-коммуникативные (регуляция людьми поведения друг друга, организация совместной деятельности); 3) аффективно-коммуникативные (которые определяют эмоциональные сферы человека) (Проблемы общения в психологии, 1981).

Третьи называют познавательные, эмоциональные и воспитательные функции (Ковалев, 1975).

Однако все они сходятся в одном, что в реальном акте коммуникации все функции переплетаются, что общение во всех случаях – процесс взаимовлияния. Сила его во многом зависит от духовного богатства личности, а также от личных качеств, таких как обаяние человека, его авторитет, коммуникабельность, доброжелательность к адресату, открытость, приветливость и др.

Речевое общение – это обмен информацией. В таком обмене участвуют по меньшей мере двое – передающий и воспринимающий, адресант и адресат. Наиболее принятая схема классификации видов общения такова:

1. По положению коммуникантов в пространстве и времени различают общение
контактное – дистантное.

При контактном общении коммуниканты находятся рядом. Налицо определенная ситуация, жестово-мимические и интонационные сигналы. Здесь все на виду, все понятно с полуслова, а иногда мимика, жест, фразовое ударение, интонация, выражение глаз и т.д. в целом говорят больше, чем слова.

При дистантном общении собеседники разделены пространством, а подчас и временем (например, разговор по телефону, письма).

2. По наличию или отсутствию какого-либо опосредующего «аппарата» различают общение
непосредственное – опосредованное.

Непосредственное общение связано с контактным – это обычный разговор, беседа, доклад и т.д.

Примеры опосредованного общения – разговор по телефону, письмо, передача информации по радио, телевидению, через книгу.

3. С точки зрения формы существования языка различают общение
устное – письменное.

Каждая имеет свои специфические черты. Устная форма характеризуется: а) богатством интонационного оформления; б) огромной дозой невербальной информации (мимика, жесты); в) определенным темпом, иначе будет утеряна временная связь с ситуацией; г) высокой степенью автоматизированности, на чем и основан темп речи; д) контактностью с собеседником (если это не выступление по радио); е) специфическим набором речевых средств и своей структурой; ж) линейностью во времени, т.к. нельзя вернуться к какому-либо отрезку речи. Устный текст позволяет всякого рода недомолвки, он подчиняется иным правилам лексического и грамматического отбора. В обиходно-бытовой сфере употребляются специфические для разговорной речи слова и конструкции.

При устном общении невозможна переработка текста, возможны лишь уточнения и оговорки.

Для письменного вида общения характерны иные черты: а) более сложные формы мышления, отражаемые в более сложных языковых формах, - специфический набор речевых средств (в письменной речи часто используется то, что в устной речи не имеет места: разного рода обособленные обороты, в том числе причастные и деепричастные; ряды однородных членов; сложные предложения и др.); б) бóльшая, чем в устной форме структурная сложность; в) бóльшая сознательность в оформлении, т.к. у пишущего есть возможность спланировать, обдумать, проговорить текст про себя и т.п., у читающего – подумать; г) полнота и развернутость, поскольку отсутствует постоянная обратная связь с собеседником; д) иной способ интонационного оформления, актуального членения.

Устный или письменный тексты имеют свои особенности, они отличаются и в лингвистическом, и в психологическом планах, и с точки зрения коммуникации. Устное общение связано с признаками контактности и непосредственности, а письменное – с признаками дистантности и опосредованности. Письменный текст требует обдумывания, подготовки, он подчиняется более строгим правилам лексического и грамматического отбора, т.к. это зафиксированный текст. К письменному тексту возможен возврат, возможна его переработка, чего нельзя сказать по отношению к устной форме общения.

4. С точки зрения переменной/постоянной позиции «я»-говорящего и «ты»-слушающего различают общение

диалогическое – монологическое.

Диалог – это беседа, разговор двоих, состоящий из обмена высказываниями между «я» (адресантом) и «ты» (адресатом). Иначе говоря, это чередование реплик адресанта и адресата. Диалогическая форма высказывания восходит к устно-разговорному стилю, для которой характерны краткость и специфические простые синтаксические конструкции, а также их структурная «неполнота» – эллипсис. Это может быть пропуск того или иного члена предложения, компонента высказывания, легко восстанавливаемого из речевой ситуации, т.е. он обусловлен ситуативностью и наличием невербальных средств речевого общения (интонация, мелодика, жесты, мимика и др.).

Для монологической речи, когда «я»-говорящий (или пишущий) выступает в своей коммуникативной роли, типичны значительные по размеру отрезки текста, состоящие из высказываний, имеющих смысловую завершенность; лексический отбор; виды взаимодействия элементов разговорной и книжной речи и др. Монологическая речь рассчитана на пассивное и опосредованное восприятие. Текст монологической речи может

быть адресован конкретному лицу (лицам), в той или иной мере он «диалогизирован», т.е. в нем при помощи определенных средств выражается стремление говорящего повысить активность адресата.

И монологическая и диалогическая речь многожанровы.

5. С точки зрения количества участников различают общение
межличностное – массовое.

Для межличностного общения характерно количественное отношение «1 – 1» и «1 – несколько», отношение «1 – много» – для массовой коммуникации. Лекция, доклад, публичное выступление – примеры массовой коммуникации, требующей отбора лексического и грамматического материала, имеющей особую силу воздействия на слушающего – определенную адресацию. Адресация текста при межличностном общении естественна и обычно не требует специальных усилий адресанта.

6. С точки зрения обстановки общения и взаимоотношений общающихся различают общение
частное – официальное.

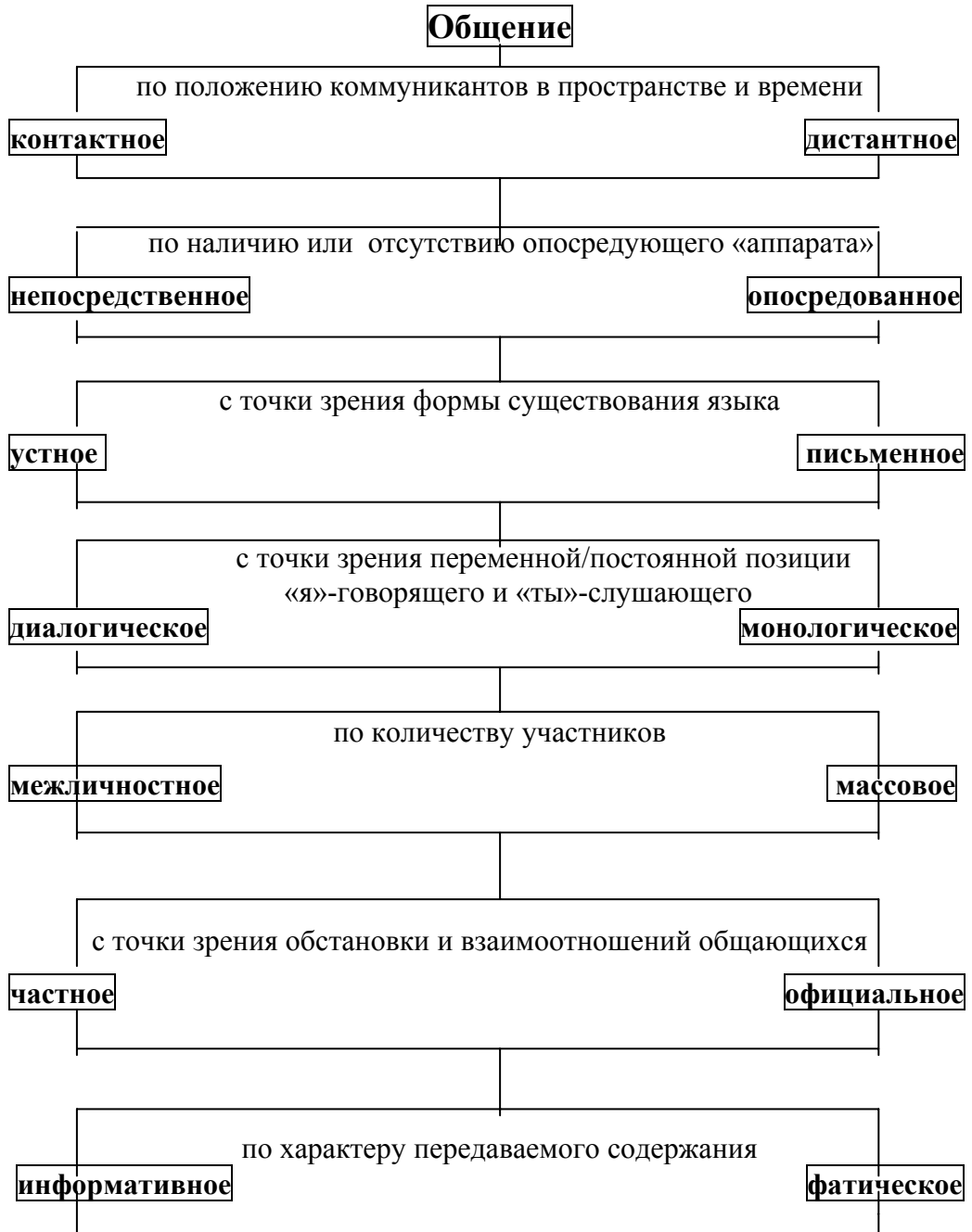
Для частного общения характерны конструкции и лексика разговорной речи. Это непринужденное, дружеское общение.

Официальное общение подчиняется строгим правилам «протокола», требует от коммуникантов определенного отношения и поведения. Это тексты деловых переговоров, дипломатических документов, протоколов, официально-деловых бумаг.

7. С точки зрения характера передаваемого содержания различают общение
информативное – фатическое.

Научные, официально-деловые, публицистические тексты – примеры информативного общения, в состав которых входят логико-содержательные аспекты. «В фатическом общении передаются знания об эмоциональном, оценочном отношении к предмету и к адресату, о характере взаимных отношений коммуникантов, их желаниях, предпочтениях и т. д., то есть о психическом мире говорящих. Таков бытовой разговор, болтовня с подругой по телефону и т. д. Однако это только кажущаяся «пустота». Здесь совершается общение ради общения и передаются важные сведения: «я тебя понимаю, разделяю твое мнение, сочувствую твоим намерениям, признаю твои права» и т. п. «Конечно, каждый текст содержит долю информатики и фатики, однако доли эти разные: сравним научный доклад и разговор влюбленных» (Формановская, 2002: с.14).

Классификация видов общения

1.2 Социальные и психологические роли говорящих

Этнический элемент языкового сознания

Термин **социальная роль** используется в социологии, в социальной психологии, в лингвистике и т.д. Лингвисты используют его по отношению к говорящим людям.

Люди живут в обществе, где каждый выполняет множество социальных функций. Языковое общение посредством отдельных коммуникативных актов обусловлено прежде всего общественным характером сознания человека и социальным статусом индивида. Речевой коммуникативный акт регулируется поэтому идеологическими и социально-психологическими мотивами деятельности человека.

Психологи считают, что в жизни люди играют роли, выдвигая в разных ситуациях одно из присущих человеку психических состояний: ребенка, родителя, взрослого. Каждому из них свойственны определенные черты: жизнерадостность, доверчивость, любопытство, раскованность...; уверенность, покровительство, превосходство...; трезвость в оценках, знание жизни, контроль, расчет и т. д. В зависимости от социальных признаков людей проигрываются эти роли. Например, ребенок в среде равных может играть роль взрослого, жена – роль ребенка для мужа, а на работе быть и родителем и взрослым (Э. Берн). Социальная роль – это нормативное сочетание *позиции* и *функции*. Позиция – это общее положение человека в социальной среде. Например, *позиция младенца, ребенка, школьника, студента, работающего, пенсионера; отца, матери, сына, дочери, деда, бабушки, внука, внучки и т.д.; директора и подчиненного и т.д.* Можно перечислить бесконечное множество социальных позиций, всем этим позициям свойственны специфические функции, которые необходимо исполнять. Каждый человек – неповторимая индивидуальность, и одновременно он находится в рамках социальных отношений с окружающими (что человек обязан делать в этой роли, на что он имеет право) и действует в соответствии с усвоенными правилами. Так, например, старушке не положено бегать по лужам или кататься с горки, для ребенка же это нормальное явление. Таким образом, *позиция, функция, права, обязанности, ожидания* – это нормативный образец социальных ролей.

Естественно, человек говорит в соответствии с ролью, т. е. его речевое поведение напрямую связано с ролевым поведением. Каждый человек находится во множестве ролевых ситуаций. Такое общение регламентировано и по содержанию, и по форме: положение обязывает делать то-то и говорить то-то. В данном случае разные люди будут действовать одинаково. Это формальное или ролевое общение. Знание социальной роли

здесь важнее знаний о личности человека. При неформальном или личностном общении люди видят друг в друге не их социальное положение, должность и т. д., а личность человека. Людей не устраивает ролевое общение, они стремятся к человеческим контактам.

Ученые выделяют **симметричную** (или **горизонтальную**) ситуацию общения, когда собеседники равны по служебному положению, возрасту, по общественному статусу, и **асимметричную** (или **вертикальную**) ситуацию, когда общаются неравные по возрасту, положению собеседники (*начальник – подчиненный, учитель – ученик, родитель – ребенок* и т. п.). «Ограничения по статусу общающихся позволяют говорить о двух разновидностях коммуникативного поведения – **вертикальном** (*вышестоящий – нижестоящий*) и **горизонтальном** (*равный – равный*). В вертикальном коммуникативном поведении можно разграничить **нисходящее** (сверху вниз) и **восходящее** (снизу вверх)» (Прохоров..., 2007: с. 29). В ситуативных нормах общения может также присутствовать национальная специфика: общение мужчины и женщины в русской традиции – горизонтальное коммуникативное поведение, в грузинской культурной традиции – промежуточное положение между горизонтальным и вертикальным, а в мусульманской – вертикальное; общение старшего с младшим у грузин более вертикально, чем у русских.

Большое влияние на язык оказывает социальная и культурная среда. Здесь важно учитывать такие постоянные признаки как:

возраст (речь ребенка своеобразна; молодежи свойственны **ты-формы** обращения, жаргонные слова, раскованность, непринужденность; речь среднего поколения наиболее богата и наименее связана с возрастными границами, они должны понимать и молодых и стариков; старшее поколение консервативно, речь последующих поколений с их точки зрения только засоряет и портит язык, пожилые часто используют в речи такие слова и грамматические конструкции, которые не свойственны молодежи. Например:

- *Привет, брат. Как дела?*; -*Приветствую вас. Как изволите себя чувствовать?*; не составит труда догадаться, кому принадлежат эти слова);

место жительства (не говоря о географических зонах, выделяют представителей городского и сельского населения, речь которых сильно отличается особенно у представителей старшего поколения. Здесь речь не идет о диалектах, которые свойственны почти всем языкам, мы имеем в виду определенную лексику, а иногда и фонетические и грамматические отличия, характерные для городского населения. Например:

– Денис Григорьевич! – начинает следователь. – Подойди поближе и отвечай на мои вопросы. Седьмого числа сего июля железнодорожный сторож Акинфов... застал тебя за отвинчиванием гайки. Вот она, эта гайка!.. Так ли это было?

- Чаво?

- Так ли все было, как объясняет Акинфов?

– Знамо было... Мне идтить? Чехов А.П., «Злоумышленник».);

степень образованности (по этому признаку люди делятся на носителей литературного языка и носителей просторечия);

профессию (которая накладывает отпечаток на речь. Например:

- Оставь свой директорский тон!; - Не кричи, как базарная баба!);

положение на работе и в семье;

пол (наблюдается существенная разница между речью женщины и мужчины. Женщины чаще употребляют уменьшительно-ласкательные суффиксы, строят эмоционально-экспрессивные высказывания, их речь мягче, у них особая интонация. Их речь, по мнению ряда авторов, приближается к литературному языку. Есть ряд слов, которые мужчины не используют в своей речи, и наоборот) и т. д.

Особо следует отметить связь **языка и сознания с этнической точки зрения**. Язык, как и этнос, одновременно является биологическим (подразумевается анатомическое строение звукового аппарата) и социально-культурным феноменом.

В этом плане интерес представляют две позиции в западной этнолингвистике (в лингвистической антропологии).

Первая гипотеза, автором которой является американский лингвист, антрополог и политолог Ноам Чомски (Наум Хомский), известна под названием **трансформативно-генеративной грамматики**. Согласно этой гипотезе, язык не является поверхностным феноменом (звуки, слова, предложения и правила их сочетания). За этим поверхностным различием стоит общий для всех языков организационный строй. Чомски различает лингвистическую компетенцию и перформацию (подразумевается личность, говорящая на родном языке). Компетенция – это то, чем человек владеет, чтобы говорить или понять разговор на этом языке. Это – сформировавшаяся в детстве подсознательная структура. Перформация же – это то, что реально говорит индивид, т.е. выражение его мысли Чомски утверждает, что люди независимо от своей этнической принадлежности мыслят почти одинаково, но выражают свои мысли по-разному. Желая выразить свое мнение, человек формирует высказывание в разуме, или в «глубинной структуре», затем фонологически или при помощи звуков происходит его трансформация в «поверхностной структуре» – в

обычном разговорном языке. Слушатель воспринимает эти звуки, осознает их в «поверхностной структуре», потом происходит его трансформация в «глубинной структуре» и расшифровка в смысловом плане. Лингвистика изучает только «поверхностную структуру», т.е. разговорные языки. Многообразие языков всего лишь воображение. На самом деле существует один общий для всех народов внутренний язык, а проявляется он у каждого народа по-иному. Язык, практически, отличается от других средств коммуникации, которые характерны для животных. Любой нормальный ребенок, который воспитывается в человеческом обществе, без проблем автоматически овладевает разговорным языком этого общества. Это происходит благодаря тому, что в человеческий мозг генетически по наследству заложен код, определенная базовая лингвистическая схема, на которой развивается его разговорный язык (Chomsky, 1996).

Вторая гипотеза дает иное представление о связи языка и мышления в этнолингвистике. Авторами этой теории являются известный американский этнолог и лингвист Эдуард Сапир и его ученик Бенджамин Ворф. Согласно их гипотезе, причиной множества и разнообразия языков является разнообразие мышления, что, в свою очередь, является результатом разнообразия культуры. У каждого этноса отличительная культура, это определяет разнообразное мышление, язык же – внешнее выражение этого мышления. Другими словами, народы, говорящие на разных языках, по-разному мыслят, по-разному воспринимают мир и имеют разные ценности (Sapir, 1964).

Эту гипотезу называют принципом **лингвистического релятивизма**. Крайний вариант этой теории – лингвистический детерминизм – считает грамматику данного языка выражением культуры и мышления народа, говорящего на этом языке, формирование которого во многом определяется географической средой.

Мышление невербально, язык же выражает его коммуникативно релевантные результаты. Язык является орудием мышления. Подчас большинство наших мыслей, суждений вовсе не предназначены для сообщения, они обслуживают лишь сферу мышления. Существует национальная специфика мышления, которая присутствует в стереотипах мышления. Национальная специфика мышления обусловлена не национальным языком, а национальной действительностью. В последнее время в связи с расширением межнациональных контактов ученые проявляют большой интерес к межкультурной коммуникации, к национальной специфике общения того или иного народа, к его коммуникативному поведению, являющемуся компонентом национальной культуры. **«Коммуникативное поведение** – это поведение (вербальное и сопровождающее его невербальное) личности или группы лиц в процессе общения,

регулируемое нормами и традициями общения данного социума. **Национальное коммуникативное поведение** – совокупность норм и традиций общения определенной лингвокультурной общности – народа, объединенного языком и культурой» (Прохоров..., 2007: с. 42).

В структуре национальной культуры вычленяются **ценности** (ядро), «окруженные» **принципами**, которые, в свою очередь, реализуются в **нормах и правилах** (Касьянова, 1992). Ценности – это социальные, социально-психологические идеи и взгляды, разделяемые народом и наследуемые каждым новым поколением. У каждого народа есть свои ценности, которые не нуждаются в аргументации. Они являются образцом для подражания, окрашены чувствами, побуждают людей к определенным действиям, к ним стремятся. Не соблюдение их или даже отклонение от ценностей осуждается общественным мнением.

К основным ценностям грузинского этноса относятся: стремление к независимости, обостренное чувство национальной гордости и национального достоинства, свободолюбие и оптимизм, смелость и храбрость, которые порождены безграничной любовью к своей стране; самоуважение и самолюбие; стремление к образованию и культуре, способствующее формированию в стране образованного слоя интеллигенции, кадров высококвалифицированных научно-технических работников, стремление к хорошей физической подготовке; упорство и настойчивость в достижении поставленной цели, находчивость; повышенная чувственность, взрывная эмоциональность и горячность, но в то же время психология такта, терпимости и сотрудничества в межнациональном общении и взаимоотношениях с представителями других этнических общностей; огромное человеческое дружелюбие и жизнелюбие, доброта, сострадание и всепрощение; общительность, свобода вступления в контакт и стремление к неформальному общению, тонкий юмор в общении; религиозность; гостеприимство; вежливость и подчеркнутое уважение к женщинам и пожилым, к людям, обладающим знаниями; любовь к народным мелодиям и хорошему исполнению песен и др. (Крысько, 2002: с. 266-269).

Принципы основываются на ценностях и вытекают из них. Они как бы направляют мышление и поведение людей, принадлежащих к данному этническому коллективу, по определенным «стереотипизированным, шаблонным путям». «Принципы – это конкретные стереотипы мышления и поведения; это «общие мнения», представления, убеждения, устойчивые привычки в деятельности, механизмы каузальной атрибуции... В форме принципов национальная культура как бы определяет для человека, что он должен делать в той или иной типовой ситуации, как он должен воспринимать те или иные

события, как строить свои отношения с другими членами общества, что можно делать и чего нельзя» (Прохоров..., 2007: с. 36-37).

Принципами грузинской национальной культуры являются: *законы существуют не для меня, хотя последнее время в связи со становлением грузинской государственности этот принцип все меньше проявляется в действительности, прослеживается уважение к законам и их исполнение; проблемы можно решить сообща – сила в единстве; добрым словом можно все сделать; деньги нет смысла хранить: либо враг отберет, либо потеряешь, поэтому их надо тратить (последнее время этот принцип также стремительно меняется)* и др.

Принципы часто имеют яркую национальную специфику. Например, для европейцев или американцев «богатый - значит умный, смог заработать и разбогатеть», а для грузин и русских «богатый–значит жулик, нечестно разбогател», видимо потому что грузины не занимались торговлей. Общественный строй также наложил свой отпечаток на стереотип мышления: для русских, да и для большинства народов бывшего СССР «богатый – значит жулик», а может быть объяснение этого явления надо искать в православной религии.

Нормы и правила должны соответствовать принципам и отражать их, это своего рода предписания по поведению. «В различной культуре очень много норм-правил. Ими охвачены все сферы жизни: и трудовые процессы, и семейные отношения, и досуг, и воспитание детей, ухаживание, рождение ребенка, похороны – все приведено в систему, соотнесено друг с другом» (Касьянова, 1992: с. 19). Изменение культуры происходит с изменением норм. Возникновение новых норм и изменение традиционных культура всегда воспринимает враждебно и до определенного момента оказывает им сопротивление, т.к. они находятся в «оппозиции» и противоречат некоторым принятым принципам. Резкое осознаваемое расхождение в нормах и традициях общения народов, проявляемое в условиях межкультурной коммуникации и вызывающее удивление, неприемлемое представителем иной лингвокультурной общности с позиции собственной именуется коммуникативным или культурным шоком. В своей книге «Исповедь идеалистки» Сандра Элисабед Рулофс (голландка по происхождению) описывает случай, когда без приглашения и предварительного предупреждения к ней в гости пришла ее свекровь повидать внука, которому было всего несколько месяцев. Сандра Рулофс, выглянув в окно, сказала, что ребенок спит и ей самой тоже надо отдохнуть. Свекровь – грузинка – была шокирована. Шокирована была и Сандра, как можно приходить в гости без приглашения (даже близким людям). Шокирован был и муж, вернувшийся вечером с

работы, узнав от Сандры о «некорректном» поступке своей матери. По грузинской традиции гость (даже если он враг) – от Бога, и его примут как лучшего друга в любое время суток. Сейчас Сандра Рулофс вспоминает об этом случае с улыбкой (ბუღოჭი, 2005: 82). Это яркий пример расхождения культур двух народов во время их непосредственного контакта, сопровождающийся непониманием или даже прямым неприятием чужой культуры с позиции собственной.

Таким образом, ценности, принципы и нормы-правила представляют национальную культуру в менталитете народа. Под национальным менталитетом подразумевается национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации. Нами уже приводились примеры различий менталитета разных народов. Можно еще дополнить. *Опоздание в гости у грузин считается нормальным явлением, а европейцы, и особенно немцы, считают неуважением к хозяевам. Или: Отсутствие новостей от близкого человека грузинский менталитет воспринимает как признак неблагополучия, английский же менталитет - как признак того, что все в порядке.* Менталитет народа формируется под влиянием бытовых, социально-экономических условий, социально-политических процессов в обществе, контактов с другими этническими группами и т.д. Он проявляется в определенной стандартности поведения, действий представителей этнической группы в сходных ситуациях, а также в общении, в коммуникативном поведении народа. Национальный менталитет обуславливает черты национального коммуникативного поведения. Часть познавательной деятельности этнос осуществляет через коммуникацию, коммуникативную деятельность.

Каждый национальный язык – это зеркало культуры своего народа, в котором отражается не только окружающий человека мир, но его видение мира, менталитет народа, его национальный характер, традиции, мораль, система ценностей. Главной причиной коммуникативных неудач в межкультурном общении является восприятие других культур через призму своей культуры. С большим трудом мы воспринимаем значения слов, выражений, действий, которые не характерны для нашей лингвокультурной общности.

1.3 Типология средств общения в зеркале национальной культуры

Коммуникативная лингвистика по своему существу – интегральная наука. В ней органически сочетаются два аспекта – **коммуникативный** и **познавательный**. Для коммуникации характерны два вида средств общения: **вербальное** (лингвистическая система) и **невербальное** (соматический язык).

1.3.1 Вербальные средства коммуникации

«Вербальное общение имеет свои универсальные качества и независимо от разнообразных трансформаций языкового поведения людей в различных социальных коллективах, в различных культурных сферах его языковая сущность остается единой, не претерпевающей принципиальных изменений в различных национальных вариантах языков, хотя и приобретает свой национальный колорит в надстроечной культурной и экстралингвистической областях» (Колшанский 2005: с.8).

К вербальным средствам общения относятся четыре вида речевой деятельности: **говорение, письмо, аудирование и чтение**, составляющие систему нашего «языкового существования». Речевая деятельность – это деятельность, орудием которой является язык и у которой есть свой мотив, цель и конечный результат. Это – активный, целенаправленный процесс передачи или приема сообщения. Речевая деятельность имеет диалоговую природу. Человек действует, когда он говорит, пишет, читает, слушает другого.

Поскольку в любом акте коммуникации присутствуют как минимум два участника и соответственно протекают два процесса (выдача информации и ее прием), то выделяют **продуктивную** и **рецептивную** речевую деятельность. Продуктивная речевая деятельность направлена на порождение и выдачу информации. Говорение и письмо относятся к продуктивным видам речевой деятельности, они производят текст. Рецептивная речевая деятельность, напротив, ориентирована на восприятие и последующую переработку полученной информации. Аудирование и чтение относятся к рецептивным видам деятельности, они осуществляют восприятие текста. Для каждого вида речевой деятельности существует свой путь усвоения, язык воплощается здесь в письменной и устной форме. Каждой из этих форм присущи специфические экстралингвистические и лингвистические особенности.

В экстралингвистическом плане *устную форму* характеризуют: контактность с собеседником; ситуативность; большая доля соматической информации (мимика, жесты, наблюдаемая зрительная артикуляция, позы и т.д.), которая вместе с контактностью, ситуативностью помогает поддержать постоянную и непосредственную обратную связь; линейность во времени; необратимость отзвучавшего отрезка времени; темп, задаваемый говорящим; высокая степень автоматизированности.

Среди лингвистических особенностей устной речи наиболее существенными являются: богатство интонационного оформления; обилие лексических единиц; сравнительно несложное грамматическое оформление; распространенные в диалогах эллиптические конструкции, обусловленные контактностью, ситуативностью, компенсирующей ролью интонационных средств; возможен инверсированный порядок слов; изменение на ходу внешнего оформления программы высказывания; характерно наличие семантически незначимых слов – заполнителей пауз.

Письменную речь в экстралингвистическом плане отличают: дистантность (отсутствие непосредственного контакта между коммуникантами); отсутствие общей для адресанта и адресата ситуации общения, а, следовательно, невозможность использования речевых каналов и синхронной обратной связи.

К лингвистическим характеристикам письменной речи относятся: ограниченные возможности выражения интонацией своего отношения к предмету речи; полнота, развернутость и детальность изложения; использование более сложных, чем в устной речи, синтаксических структур; продуманное, четкое, стилистическое и структурно-логическое оформление текста.

Постараемся подробнее остановиться на каждом из видов речевой деятельности.

Говорение определяется как вид речевой деятельности, с помощью которого (совместно с аудированием) осуществляется устное (вербальное) общение. Говорение как вид речевой деятельности имеет место, если у человека возникает коммуникативная потребность, желание войти в речевое взаимодействие и добиться определенной цели, т. е. когда появляется мотив деятельности. Говорение может сопровождать какую-то деятельность (трудовую, учебную) или быть самостоятельным видом речевой деятельности (выступление с докладом, лекцией).

Желание добиться конкретной коммуникативной цели (получить подтверждение, согласие, совет), называемое коммуникативным намерением (интенцией), определяет коммуникативную роль говорящего как участника общения и обозначает конкретную

цель его высказывания. Говорение как вид речевой деятельности должно быть обеспечено предметом общения.

Предмет общения в речевой деятельности реализуется в высказывании. Высказывание характеризуется предметно-смысловой содержательностью и грамматической оформленностью. Умение говорить предполагает выработку умений выражать свою мысль коммуникативно осмысленно, грамматически нормативно. У говорящего определенная цель, им движет определенный мотив – сообщить новую информацию; спросить о чем-либо; побудить собеседника к действию, убедить в чем-либо и т.д. Исходя из этого, выделяют высказывания-сообщения, высказывания-побуждения, высказывания-вопросы. Строятся разнообразные тексты, дискурсы, в которых отражаются самые разные намерения говорящего: согласиться, отказаться, попросить, посоветовать, разрешить, запретить, поблагодарить и т. д. На этом основании возникла и развивается достаточно сложная теория речевых актов (действий), которая рассматривает подобные речевые проявления в высказываниях-действиях, многообразные способы выражения коммуникативных намерений (речевых интенций) говорящего.

Признаки осуществления говорения – громкость, темп (быстрота) и четкость произношения. Они зависят от индивидуальных особенностей говорящего, национально-специфических и социально принятых закономерностей.

Говорение тесно связано со слушанием – одним из самых сложных коммуникативных умений, непосредственно относящихся к культуре общения. Очень важно уметь слушать и понимать партнера, извлекать ту информацию, которую вложил в текст говорящий и правильно себя при этом вести.

Как и говорение, **письмо** является продуктивным видом речевой деятельности. Но между ними есть существенные различия, как в психологическом, так и лингвистическом планах. Это – прежде всего отсутствие непосредственного реципиента и промежуточной обратной связи. Говорящий видит реакцию слушающего и регулирует свою речь, пишущий лишен такой возможности, он может лишь предугадать эту реакцию, поэтому его речь более развернута и обоснована. Или же ему нужно ввести реципиента в ситуацию общения, а потом уже высказать свои суждения. Пишущий не может интонационно выразить свою речь, поэтому ему необходимо тщательно подбирать синтаксические конструкции. Говорящий испытывает дефицит времени, пишущий практически не во времени, поэтому его внимание направлено не только на содержание, но и на форму. Пишущий может планировать свою речь, подобрать более точное слово, разнообразить лексический состав своей речи, отчего его речь станет понятной и логичной. Но пишущий

лишен использования мимики, жестов, не может недоговаривать фразы, поэтому его речь грамматически оформлена более строго.

Таким образом, письменная речь отличается от устной полнотой, предельной ясностью, развернутостью.

Письмо может быть коммуникативно направленным, если в том или ином тексте передается информация для адресата (например, тексты научные, официально-деловые, газетно-публицистические, общественно-политические, религиозные, обиходно-бытовые), и некоммуникативным (графическая фиксация речи и ее элементов), где адресат отсутствует. В зависимости от этого деятельность, связанную с выражением мыслей в письменной форме будем именовать письменной речью, а графическую фиксацию речи назовем письмом. Цель письменной речи – передача информации в письменной форме (построение письменного высказывания, его лексическое и грамматическое оформление) в соответствии с ситуацией общения. Ситуации общения бывают самые разные, в зависимости от того, между кем происходит коммуникация.

Термин **аудирование** означает «слушание с пониманием» или «понимание речи на слух» и предполагает одновременное восприятие и понимание звучащей речи. Аудирование находится в тесной связи с другими видами речевой деятельности. У аудирования много общего с говорением, они взаимосвязаны и взаимообусловлены, поскольку представляют две стороны одного явления, именуемого «устной речью». Но еще больше общего с чтением. И аудирование, и чтение относятся к рецептивным видам деятельности, они направлены на восприятие и смысловую переработку информации, у них много общих речевых механизмов, обслуживающих рецептивные виды речевой деятельности. Несмотря на тесные связи с другими видами речевой деятельности, аудирование – самостоятельный ее вид.

Чтение относится к рецептивным видам речевой деятельности, т.к. опирается на восприятие (рецепцию) информации, содержащейся в письменном тексте. Целью чтения является извлечение информации, раскрытие смысловых связей, осмысление зрительно воспринимаемого речевого сообщения. Это относится к научным и деловым текстам.

Целью чтения художественной литературы является эстетическое наслаждение, отдых, развлечение, хотя при этом в большей (например, исторический роман) или меньшей (поэзия) степени присутствует и познание.

Этот вид речевой деятельности некоммуникативен. В зависимости от коммуникативных задач, которые ставит перед собой читающий различают чтение просмотровое, ознакомительное и изучающее.

При просмотрном чтении читающий ставит перед собой задачу получить представление о тексте или найти в нем нужную информацию. Для этого достаточно прочитать заголовки, отдельные абзацы или предложения. В результате читающий решает для себя нужен ему этот текст для дальнейшего изучения или нет, это – чтение для общего впечатления.

Цель ознакомительного чтения – выяснение вопросов, затрагиваемых в тексте, и способов их решения. Поскольку читающий уделяет внимание только основной информации, его (этот вид) иногда называют «чтением с общим охватом содержания».

Изучающее чтение направлено на максимально полное восприятие информации текста, на извлечение заложенного смысла. Этот вид чтения предполагает запоминание содержания текста и его использование в работе.

Таким образом, чтение – сложный вид речевой деятельности. При письме мы закладываем, кодируем информацию в текст, а при чтении – вынимаем, декодируем смысл из текста, хотя в обоих случаях имеем дело с письменной формой существования языка.

Умение общаться – довольно сложное явление. Оно представляет собой целую систему умений. На основании видов речевой деятельности выделяют четыре вида речевых умений: умение говорить (излагать свои мысли в устной форме); умение писать (излагать свои мысли в письменной форме); умение аудировать (понимать речь в ее звуковом выражении); умение читать (понимать речь в ее графическом выражении). Во всех видах речевой деятельности существуют «оппозиции»: *проговаривание – говорение; писание – письмо; слушание – аудирование; прочтение – чтение*. Под первым понимается фиксация материала в письменной форме (в учебных целях), под вторым – изложение своих мыслей. При формировании речевых навыков необходимо отбирать такой материал – упражнения, которые соответствуют правым частям «оппозиций». И в устной, и в письменной форме общения человек мотивирован, преследует какую-то цель, в соответствии с которой должен уметь начать сообщение, построить и закончить его. Говоря об устном общении, можно выделить следующие группы умений.

Собственно речевые умения. Они связаны с говорением и аудированием и средствами общения. Здесь можно выделить следующие виды умений.

Умение вступать в общение. Необходимо владеть специальными языковыми и неязыковыми средствами, чтобы вступить в общение. Нужно знать, как и когда начать разговор со знакомым или малознакомым человеком, с человеком, который разговаривает с другим или занят делом, с людьми разного ранга...

- Здравствуйте! - сказал он, входя в магазин. - Позвольте мне...

Маленький немец, стоящий за стойкой, вытянул ему навстречу свою шею и состороил на лице улыбающийся вопросительный знак.

- Что прикажете?

- Позвольте... Забыл!!

А.П.Чехов, «Забыл!!».

Умение поддерживать общение – это умение слушать и слышать собеседника, выслушать и быть выслушанным. Это знаки вежливости, контактности, проявляющиеся в незначительных репликах, возгласах, междометиях и т.д., а также в выражениях лица, мимике, позах, жестах, показывающих, что вас слушат и воспринимают.

- Говорил ей запиши! Так нет... Да, может быть, вы сами знаете? Пьеса заграничная, громко так играет... А?

- У нас так много, знаете ли, что...

- Ну да... Понятно! Мм... Дайте припомнить...

- Спойте...

- Вспомнил!!! То-то-ти-то-то. - заголосил он.

- Ах... Ну, теперь понятно. Это рапсодия Листа, номер второй... Hongroise...

- Да, да, да... Лист, Лист! Оно самое и есть! Родненький! А.П.Чехов, «Забыл!!».

Умение завершить общение. Умело употребить слова прощания. Найти необходимые фразы, чтобы выразить свое удовлетворение/неудовлетворение общением (не обижая при этом собеседника).

- Профессор! Даю вам честное слово, что если вы поставите мне «удовлетворительно», то я...

Как только дело дошло до «честного слова», я махаю руками и сажусь за стол.

Студент думает еще минуту и говорит уныло:

- В таком случае прощайте... Извините.

- Прощайте, мой друг! Доброго здоровья.

А.П.Чехов, «Скучная история».

Умение проводить свою стратегическую линию – условие успешного воздействия на собеседника. Высказывание будет успешным и сможет воздействовать на собеседника, если говорящий все время будет иметь в виду свою стратегическую задачу – доказать, при этом он может использовать промежуточные тактические задачи.

- Садитесь, Юлия Васильевна! Давайте посчитаемся... Договорились мы с вами по тридцати рублей в месяц...

- По сорока...

- Нет, по тридцати... У меня записано... Ну, прожили вы два месяца...

- Два месяца и пять дней...

- Ровно два месяца... У меня так записано. Вычесть девять воскресений... да три праздника... Четырнадцать дней Коля болел и не было занятий... Три дня у вас болели зубы. Под Новый год разбили чайную чашку с блюдцем. Коля полез на дерево и порвал себе сюртучок... Долой еще десять. Вы должны за всем смотреть... Десятого января вы взяли у меня десять рублей...

- Я не брала, шепнула Юлия Васильевна.

- Но у меня записано!

- Ну, пусть... хорошо.

- Я раз только брала, - сказала она дрожащим голосом. - Я у вашей супруги взяла три рубля... Больше не брала...

- Да? Ишь ведь, а у меня и не записано! Долой из четырнадцати три, останется одиннадцать... Вот ваши деньги, милейшая! Получите!

И я подал ей одиннадцать рублей... Она взяла и дрожащими пальчиками сунула их в карман.

- Мерсі, - прошептала она.

А.П.Чехов, «Размазня».

Умение учитывать компоненты ситуации общения. Ситуации общения никогда не бывают стандартными. В них всегда что-то меняется: говорящий что-то вспомнил в ходе беседы, изменилось у него настроение, появился новый собеседник, соответственно меняется и ход беседы. В ситуацию входят и сами собеседники с присущими им индивидуальными свойствами: интересами, мировоззрением, чувствами, статусом в коллективе. Все это проявляется в общении и обязательно должно быть учтено. Не учитывать этого – значит не достичь цели общения. А учет всего этого возможен, если у говорящего развита коммуникативная функция мышления.

Умение прогнозировать результат своего высказывания или реплику собеседника. Это умение – продукт ума, интуиции, речевого опыта, знание собеседника...

Умение понимать сказанное собеседником в нормальном темпе однократно.

Умение переспрашивать собеседника.

- Простите, я не расслышал. Что вы сказали?

- Будьте добры, повторите еще раз.

Умение захватить и удержать инициативу общения. При общении собеседники преследуют определенные часто не совпадающие цели, поэтому в определенные моменты общения каждый из них становится «ведущим», стремится реализовать свой замысел, с которым он вступил в общение. Захватив инициативу общения и удержав ее,

нужно уметь вовремя предоставить ее другому собеседнику, чтобы сохранить баланс общения. Иначе получится монолог, вместо диалога.

Умение спровоцировать желаемую реакцию собеседника. Этого можно добиться и вербально, и невербально.

Умение выразить основные речевые функции. Речевые функции могут быть разнообразными: пообещать что-то, согласиться, удивиться, возразить, пригласить, узнать, попросить, предложить, усомниться, подтвердить и т.д.

Умение говорить выразительно. При общении человек должен правильно выбрать тон разговора, интонацию, правильно расставить фразовое и логическое ударения, служащие средством выделения речевых отрезков, использовать соответствующие ситуации жесты, мимику, позу.

Умение высказаться целостно. Любое высказывание должно быть целостным и в структурном, и в смысловом плане. Все уровни высказывания – слово, словосочетание, фраза, сверхфразовое единство, текст – имеют свою структуру. В высказывании может быть несколько мыслей, объединенных общим замыслом, общим содержанием, которые должны соответствовать обсуждаемой проблеме.

Умение высказаться логично и связно. Это значит уметь последовательно излагать свои мысли, суждения, связать их в смысловом отношении и соотнести с задачей высказывания. Для этого необходимо уметь соединять отдельные фразы и сверхфразовые единства определенными средствами языка. Логичность, связность, целостность, выразительность - залог успешного диалога.

Умение высказываться продуктивно. Без этого умения невозможно воздействовать на собеседника. Нельзя заучить высказывания (сверхфразовые единства и тексты) на все случаи жизни. С любым количеством заученных высказываний в новых ситуациях человек не сможет общаться. Он должен уметь при надобности на ходу перестроить свою стратегию и тактику, т.е. развивать умение высказываться продуктивно путем комбинирования и трансформации усвоенного материала. Достижение цели общения при этом будет зависеть от уровня информативности говорящего, а также от ценности сообщения для собеседника. Сообщение может быть содержательным, но неинформативным для конкретного собеседника.

Умение говорить самостоятельно. Собеседник самостоятельно выбирает стратегию высказывания, адекватную ситуации, строит план своего разговора, говорит без опоры на запись.

Умение высказаться экспромтом очень важно при групповом и коллективном общении. Это беседа без специальной предварительной подготовки и обдумывания. Благодаря чему вырабатывается быстрая реакция на реплику.

Умение говорить в нормальном темпе - это прежде всего правильное членение высказывания на синтагмы – речевые отрезки, имеющие свой смысл и логическое ударение. Паузы между синтагмами необходимы для осуществления речевой тактики – для продумывания дальнейшего хода высказывания.

Умение передать увиденное. Человек должен уметь пересказать увиденное происшествие, свидетелем которого он стал.

Умения речевого этикета. Речевой этикет - это «правила речевого поведения, определяемые взаимоотношениями говорящих. Такие правила приняты данным национальным коллективом носителей языка, а также малыми социальными группами в зависимости от возраста, социальной принадлежности, обстановки общения и т.д.» (Акишина..., 1975: с. 3). Речевой этикет – это и знакомство, и обращение, и приветствие, и просьба, и согласие, и отказ, и приглашение, и извинение, и упрек, и поздравление, и благодарность, и прощание...

Умения невербального общения. Эти умения не существуют вне речевого общения. Они связаны с самыми разными ситуациями, возникающими между людьми независимо от возраста, статуса, сферы общения, сферы деятельности. Они обладают определенной национальной спецификой и не всегда совпадают в родном и изучаемом языках, а подчас и вообще разнятся.

Умение общаться на разных уровнях: в паре, в группе, в коллективе. Существует также уровень массового общения – лекция, митинг.

Многие умения устной формы общения характерны также и письменной форме. Читающий или пишущий также имеют цель и мотив. Но у пишущего нет немедленной обратной связи, он не видит (может лишь предвидеть), как реагируют на его слова; нет тех средств выразительности, которыми располагает говорящий (интонация, мимика, логическое ударение, выражение лица и т.д.); нет обстоятельств, в которых совершается общение, поэтому он должен быть более логичен, последователен и многословен, чтобы объяснить в чем дело. Однако время относительно не ограничено, поэтому он может хорошо обдумать то, о чем собирается написать.

Если вся деятельность говорящего направлена на собеседника, то деятельность читающего направлена на себя, на удовлетворение своих интересов и желаний (получить новые сведения, изучить что-либо, проверить данные, удостовериться в чем-либо,

развлечься, получить удовольствие). Но побуждают ее сложившиеся обстоятельства, определенная ситуация. Говоря об умениях письменной формы (такое деление носит условный характер) можно выделить следующие умения: *умение выбрать материал для чтения; умение читать быстро, самостоятельно и предвосхищать события; умение догадываться; умение читать тексты разного жанра; умение понять основную идею и общее содержание; умение выбрать главное (нужное) из текста; умение пользоваться словарем; умение выписать необходимое; умение написать письмо.*

Все эти умения необходимо развивать.

1.3.2 Невербальные средства коммуникации: соматический язык

Процесс непосредственного общения коммуникантов совершается не только с помощью вербальных средств общения, но и с помощью невербальных компонентов, к которым относятся мимика, жесты, голосовые и интонационные модуляции речи и т. д.

Изучением невербальных средств общения заняты философы, психологи, социологи, этнологи, лингвисты, т. к. невербальные средства являются источником информации о говорящем (пишущем), о его социальных и возрастных чертах, поле деятельности, свойствах характера, национальной принадлежности и пр.

Главное в человеческом общении – это понимание смысла, который нередко находится не в тексте, то есть не в значениях, а в подтексте. В человеческом общении мы к этому привыкли. Смысл ищется не только в словах, а в поступках, выражении лица, в оговорках, обмолвках, в произвольной позе и жестах.

Невербальные средства маркированы ситуативно и слиты с речевым общением. Они используются не только в продуктивных видах речевой деятельности. Пиктограммы, шрифты, абзацы, значки, расположение текста и т.п. – все это невербальный язык для чтеца. Слушающий также должен уметь «читать» и мимику, и интонацию, и жесты, и телодвижения, и паузы, и взгляды. Прохожий, желающий к нам обратиться, подает нам невербальные сигналы, которые легко распознать по его позе – позе адресации, по выражению «вопрошающих» глаз, движениям рук... При этом мы сами принимаем позу слушателя – замедляем движение, полны внимания, готовы выслушать просьбу или вопрос.

Телодвижения могут быть чисто физиологические и коммуникативно значимые (например, *развести руками; пожать плечами; почесать в затылке; приподнять брови;*

потереть лоб; сморщить лоб и т.д.), передающие определенную информацию, понятную для собеседника. Если при разговоре один из коммуникантов краснеет от стыда или бледнеет от гнева – независимо от воли выражает свои эмоции, собеседник воспринимает их определенным сигналом.

- *Что? Какой Марк Иванович? – залепетала становиха, и ее большое лицо вдруг, в один миг, залилось алой краской. Я... не понимаю.*

- *Он на верхней полочке! - прошептала становиха, все еще бледная и дрожащая.*

- *...Я тебя не понимаю, - сказал следователь, разводя руками.*

А.П.Чехов, «Шведская спичка».

Подтягин пожимает плечами и медленно уходит за начальником станции.

А.П.Чехов, «Ну, публика!».

Невербальные средства общения выполняют следующие функции:

- акцентируют часть вербального сообщения;
- предвосхищают то, что будет передано вербально;
- выражают значение, противоречащее содержанию высказывания;
- заполняют или объясняют паузы, указывая на намерение продолжать свое высказывание, на поиск слова и т.п.;
- сохраняют контакт между собеседниками и регулируют поток речи;
- заменяют отдельное слово или фразу;
- с опозданием дублируют содержание вербального сообщения.

Е.И. Пассов выделяет следующие средства невербального общения:

- 1) паралингвистические (интонация, паузы, дикция, темп, громкость, ритмика, тональность, мелодика);
- 2) экстралингвистические (стук в дверь, различные шумы, смех, плач и т.п.);
- 3) кинесические (жесты, мимика, контакт глаз);
- 4) проксемические (позы, телодвижения, дистанция – пространственно-временная организация общения) (Пассов, 1989: с. 18).

Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров в своей книге «Язык и культура» целую главу посвящают невербальным средствам общения, невербальным языкам, как носителям национально-культурной информации, подробно описывают жестово-мимические коммуникативные знаки. Авторы выделяют «немые» (отсутствует звучащая речь) и соматические языки (когда в коммуникацию вовлечено тело – телесный язык). Невербальные языки – это не интернациональное явление, кроме описательных жестов.

«Жестовая коммуникация – в значительной мере такой же национальный феномен, как и вербальные языки» (Верещагин..., 2005: с. 391).

Термином **кинема** (от греч. kinēsis – движение), по мнению Верещагина Е. М. и Костомарова В. Г., невозможно охватить все виды соматического языка и предлагают термин **соматизм** (от греч. soma – тело). «Пусть соматизмом называется любой значащий признак, положение или движение лица и всего тела человека. Соматический язык соответственно подразумевает совокупность, во-первых, соматизмов (т.е. их инвентарь, аналог словарного состава в вербальном языке) и, во-вторых, правил их исполнения, сочетания друг с другом, редукции, усиления, включения в речевую ситуацию, а также восприятия адресатом (т.е. аналог грамматики)» (там же, с. 395).

В состав соматического языка входят:

- 1) жесты – значащие телодвижения (в основном рук), которые исполняются сознательно и рассчитаны на наблюдателя;
- 2) мимика – тоже значащие движения, но только лицевой мускулатуры;
- 3) позы – «значащие положения человеческого тела, сохраняемые в течение определенного времени – краткого или продолжительного» (как бы застывший жест);
- 4) выражения лиц – «значащие фиксированные положения лицевых мышц», которые не присущи человеку постоянно (как застывшая на какое-то время мимика);
- 5) разнообразные симптомы душевных движений и физиологических состояний, например, человек покраснел, побледнел, покрылся пятнами от возмущения; нечленораздельные звуки, издаваемые от радости, испуга; плач, вой, вздохи, визги и т. д.

Постараемся охарактеризовать каждое из них.

Человеческое общение изобилует коммуникативными жестами. В античные времена искусству жестикуляции при публичном высказывании придавали большое значение. Цицерон писал, что каждое движение души имеет свое естественное выражение в жесте и мимике, они должны отвечать смыслу слов, каждое телодвижение – мысль, каждая мысль – телодвижение. В установлении и поддержании коммуникативного контакта жестам отводится особая роль: с их помощью поддерживается контакт внимания (*глядим на собеседника, киваем головой*), контакт понимания (*кивки, движения рук*), контакт оценочный, эмоциональный, жесты ритмизируют речь, акцентируют в речи самое важное, заполняют паузы, время поиска слов. Механизм языка жестов органически

вплетается в механизм звукового языка, дополняя и усиливая его работоспособность. Одно и то же высказывание, сопровождаемое различными жестами, может приобретать прямо противоположные значения. Любой жест основан на естественном движении. Движение приобретает окраску в связи с обстоятельствами, его породившими. Характер движения меняется в зависимости от вызвавших его причин, от задач, которые оно преследует, от темперамента, возраста, эмоционального состояния говорящего, его национальной принадлежности. Все эти факторы влияют на динамику, темп и ритм движения, его «логику». Все жесты и движения должны быть точными, осмысленными, последовательными и своевременными, соответствующими своему назначению, должны отражать внутреннюю жизнь человека, передавать внутреннее психологическое состояние человека, его эмоциональные чувства. При общении крайне необходимо ограничивать свою жестикуляцию, не размахивать излишне руками, т.к. лишние движения лишены смысла и потому утомляют внимание собеседников. Лучшее движение – минимальное. Воспринимающий речь чувствует себя комфортно, когда жестикуляция собеседника естественна и непосредственна. Не надо утомлять внимание собеседников лишними, случайными и нецелесообразными движениями. В речи жесты формируются раньше по времени, чем начинает произноситься слово, жест предшествует речи. Подчас жест выдает наши мысли и чувства. «Слушатель должен чувствовать, что говорящий посылает ему доброжелательные жестовые и мимические сигналы, дополнительно пробуждает в нем контакт внимания, контакт понимания, ритмизуя с помощью жестов свою речь, жестами выделяя главное» (Формановская, 2002: с. 31).

Итак, «жест должен быть сделан точно и вовремя, он должен быть скуп, но обладать... силой. Жест без мысли его оплодотворяющей, бесплоден» (Румнев, 1964: с.204). Таким бесплодным, нежизненным, неестественным будет любой изолированный жест, употребленный вне взаимной согласованности с высказыванием, нарушающий представление о душевном состоянии человека.

Жесты бывают **простые** (состоящие из одного движения), **составные** (несколько однородных движений) и **сложные** (несколько неоднородных движений). Классифицируются жесты в зависимости от того, какая часть тела участвует в их исполнении и в зависимости от того, замещают ли они речь или только сопровождают, различают жесты по обращенности на себя или на другого, а также взаимные (рукопожатие). Жесты бывают **указательные** (ориентируют собеседника в пространстве, вместо слов можно сделать рукой соответствующий знак, например: *проходите, садитесь, тише*), **изобразительные** (которые как бы «рисуют» фрагмент ситуации,

изображается в воздухе та или иная картина, которая «монтируется» в речь и придает ей особую выразительность, например: *сыт по горло, поправился, похудел*), **символические** (*честь у военных*), **ритуальные** (*жесты религиозных церемоний, постучать по дереву, переплунуть через левое плечо* и др.), **ритмические** (придающие речи тактовое членение, помогающие паузации и выделению особо значимых отрезков речи; они упорядочивают нашу речь), **эмоциональные** (связанные с бурным проявлением чувств, с аффектами, сопутствующие сильнейшим эмоциональным переживаниям, например: *схватиться за голову, грозить кулаком* и т.д.), **вспомогательные** (используемые преимущественно в качестве физической помощи себе или собеседнику в конкретной ситуации, например: *взять под руку, предложить руку, подать руку при выходе, подать пальто, рука к уху – лучше услышать, «козырек» против солнца* и др.), **игровые** (шуточные, используемые для игры, развлечений, например: *«ладушки», сдаюсь*). Некоторые жесты многозначны (*жест рукопожатия при приветствии, прощании, знакомстве, поздравлении*); некоторые могут иметь синонимические ряды (*кивок головой, приподнимание головного убора, поклон, взмах руки, рукопожатие – при приветствии*); могут быть жесты в антонимических ситуациях (*рукопожатие при приветствии и прощании*); и, конечно, у жестов есть стилистическая окрашенность (*все мы знаем какой из жестов дружеский, какой официальный, торжественный, развязный* и т.д.). Только по жесту можно судить о человеке, о его воспитанности и культуре, национальной принадлежности. Подчас всего один жест может полностью изменить смысл произнесенных слов. Когда жесты находятся в противоречии со словами, слушатель больше доверяет жестам, одним движением можно «убить» слово. Жест сильнее, чем слово.

Жест в своем узком значении есть выразительное движение рук. «А чего только мы не выражаем руками! Мы требуем, обещаем, зовем и прогоняем, угрожаем, просим, отказываем, восхищаемся, раскаиваемся, пугаемся, призываем, подбадриваем, поощряем, обвиняем, прощаем, презираем, рукоплещем, благословляем, унижаем, превозносим, чувствуем, радуемся, сочувствуем, огорчаемся, удивляемся, восклицаем», - отмечали философы. Наиболее действенными, выразительными, отзывчивыми являются руки. «Рука только тогда должна действовать, когда нужно дополнить понятия. Холодный разум не имеет права к ней прикасаться, рука движется тогда только, когда ударит в нее сердце» (Акишина ..., 1991: с.141).

Как мы уже сказали, употребление жеста диктуется национальными традициями того или иного народа. Так, для русской культуры характерно сдержанное использование жестикуляции. Чего не скажешь о грузинской культуре, для которой характерно яркое,

очевидное, эмоциональное и интенсивное проявление жестикуляции, вероятно основанное на внутреннем темпераменте и горячности грузин. Молодежь и низкие социальные слои жестикулируют больше, чем средние и более образованные слои общества и старшие по возрасту.

- *Сон в руку!* – *ревел между тем Луарсаб, всплескивая руками и хлопая себя по колену.* И.Чавчавадзе, «Человек ли он?!».

- *Нет у тебя ни совести, ни достоинства!* – *вскричал я. И тут уж я схватился за кинжал.* И.Чавчавадзе, «Рассказ нищего».

Грузинскую коммуникативную культуру можно охарактеризовать как контактную. В процессе общения грузин может дотронуться до собеседника для установления контакта и выражения своих чувств: может дотронуться до руки, плеча, взять его под локоть, за руку, обнять или полуобнять (особенно женщину или ребенка), ребенка может погладить по головке. Перечисленные невербальные сигналы – проявление положительного эмоционального отношения к собеседнику, стремление установить и поддержать с ним контакт, придать своей речи характер достоверности, искренности, показать, что все идет хорошо. Физический контакт в данном случае носит контактно-риторический характер. Мужчины при встрече или при расставании пожимают руки и целуют друг друга, последнее просто удивляет иностранцев.

Люди часто изъясняются при помощи мимики и взглядов, благодаря которым передается многообразная палитра человеческих эмоций, понимая при этом, что этот безмолвный язык более тонкий регулятор отношений, чем речь. Мимика и взгляды передают множество оттенков во взаимоотношениях. Несмотря на то, что трудно установить движения группы мышц, выражающие единые для всех людей эмоции, мы улавливаем малейшие изменения в эмоциональном состоянии собеседника по изменениям его лица. Мимические знаки бесконечны: *он скривился, скорчил рожу, приподнял бровь, надулся, поморщился, задрал нос, недоверчиво усмехнулся, уголки губ опустились/приподнялись, расцвел улыбкой, округлил глаза, вытаращил глаза, глядит искоса, потупившись, часто моргая, подергивая бровью...*

- *Она так грозно свела брови, так сурово взглянула, что я невольно потупился.* И.Чавчавадзе, «Человек ли он?!».

- *Да... - начал Дюковский, подходя к становихе и морща свой длинный нос.*

А.П.Чехов, «Шведская спичка».

Гауптвахтов положил верхнюю губу на нижнюю, сморщил в три погибели свой маленький лоб, поднял вверх глаза и задумался. А.П.Чехов, «Забыл!!».

Глазами можно выразить самые разнообразные чувства: радость, печаль, любовь, ненависть, гнев, презрение, восторг, одобрение, согласие, внимание и т.д. Именно глаза – «зеркало души», «орган душевных движений». С их помощью поддерживается обратная связь.

Из глаз его светилось само милосердие. Бесконечно добрая душа отражалась в зеркале тех глаз. И. Чавчавадзе, «Рассказ нищего».

Равнодушные, стеклянные, испуганные, напряженные глаза – серьезная помеха для общения. Оказывается, в жизни нас «слушают» глазами. «Глаза надежней, чем уши», – утверждали древние мудрецы. Здесь уместно вспомнить наблюдение В. Гумбольдта о способности человека мысленно связывать то, что он видит, со всем, что он уже знает. Увидеть иногда бывает равносильно тому, чтобы понять. Очевидным для человека является то, что видят его очи. «Язык глаз» поддерживает контакт при разговоре, выражает эмоциональное состояние говорящего, но он обладает **национальной спецификой** (у некоторых народов неприлично смотреть в глаза старшему, женщине) и **социальной принадлежностью** (на вышестоящего по статусу, роли смотрят чаще, чем на нижестоящего). В прошлом у народов Кавказа считалось неприличным для женщины смотреть в глаза свекру и свекрови, старшему по возрасту и посторонним мужчинам.

Й. Ричмонд отмечает, что в русском общении контакт взглядом зависит от темперамента, служебного и социального ранга и культуры личности. По его наблюдениям, во время разговора русские могут интенсивно смотреть на собеседника, блуждать взглядом по его лицу, смотреть в пол, как бы принимая важное решение и взвешивая сказанное, – в этом нет нарушения этикетных норм (Richmond, 1996). Русская мимика же отражает «актуальное настроение» человека. «Мимика русского человека характеризуется высокой искренностью. По лицу русского человека практически всегда видно, как он в данный момент относится к собеседнику, какое у него настроение. Нетипична мимика отстраненности, подчеркнутой вежливости – любые мимические сигналы, скрывающие истинное эмоциональное состояние говорящего» (Прохоров..., 2007: с. 222).

В грузинском коммуникативном поведении контакт взглядом обязателен. Собеседники смотрят друг другу в лицо. Смотреть в пол, отвести взгляд в ходе беседы, отвернуться в сторону на короткое время возможно, на длительное время считается неуважением к собеседнику. Допустимо указать взглядом на что-либо. Фиксировать взгляд на глазах длительное время расценивается как давление или агрессия. Грузины могут долго и пристально рассматривать незнакомого человека, но если незнакомец

«среагировал», заметил, они моментально отводят взгляд. В Америке, если вы чуть дольше задержали взгляд на ком-либо, с вами сразу приветливо поздороваются. Мимика в грузинском коммуникативном поведении выражена ярче, чем в русском. В силу эмоциональности грузинского народа мимические сигналы имеют более интенсивный характер, общению присуща мимика подчеркнутой вежливости.

Для поддержания контакта при коммуникации большую роль играет улыбка, создающая «силовое поле положительного знака», имеющая поистине магическую силу. «Гримаса отвращения говорит красноречивее тирад» (Австьян, 1968: с. 9). Но: «Можно взглядом призвать аудиторию к вниманию, осудить человека, выразить просьбу или упрек, но невозможно ни жестом, ни мимикой, ни даже молчанием передать мысль» (там же, с.11). «Русские с точки зрения европейцев – мрачные угрюмые, неулыбчивые. Это связано с феноменом *бытовой неулыбчивости* русского человека, что выступает как одна из наиболее ярких и национально-специфических черт русского невербального поведения и русского общения в целом» (Прохоров..., 2007: с. 145). Прохоров выделяет следующие специфические национальные особенности русской улыбки: русская улыбка выполняется только губами; улыбка не является сигналом вежливости (вежливая улыбка у русских называется «дежурной» и считается проявлением неискренности); в русском общении не принято улыбаться незнакомым, она адресуется в основном знакомым; должна соответствовать коммуникативной ситуации; не принято отвечать на улыбку улыбкой; улыбка у русских – сигнал личного расположения, симпатии. Не принято улыбаться при исполнении служебных обязанностей; для поднятия настроения собеседника, чтобы поддержать его; улыбка русского человека должна иметь вескую причину и должна быть понятной для окружающих.

Грузинскому коммуникативному поведению, наоборот, свойственна бытовая улыбчивость. Улыбка у грузин – это проявление вежливости к собеседнику, знак одобрения. Улыбка может быть адресована как знакомому, так и незнакомому человеку; улыбаются грузины, глядя на маленьких детей; улыбаются, чтобы поддержать собеседника, выразить доброжелательность; на улыбку обычно отвечают улыбкой.

Если жесты и мимика динамичны, то позы и выражения лиц – их статичный аналог. Но все они совершаются намеренно, произвольно. Среди невербальных сигналов выделяют симптомы. Симптомы произвольны, они осуществляются бессознательно и выражают эмоции и чувства, владеющие человеком, его внутренние физиологические состояния. Они не рассчитаны на наблюдателя, их, наоборот, стараются скрыть, хотя это не всегда удается. Симптомы (т.е. внешние признаки физиологических состояний и

эмоций) универсальны, одинаковы для людей всего мира (у всех людей характерные сокращения лицевых мышц и симптоматичные телодвижения, выражающие удивление, интерес, гнев, страх, печаль, счастье, блаженство ...), но их сознательное подавление и видоизменение (в присутствии других людей, либо наедине) в каждой национальной культуре свои собственные. Это: 1) снижение интенсивности (*едва поморщился*); 2) увеличение интенсивности («обязан» *плакать*); 3) симуляция бездеятельности (отсутствие соматизмов, например, *даже не поморщился* от боли); 4) маскировка эмоции (соматизм, относящийся к другой эмоции, например, *беззаботная улыбка* при страхе).

Лицо – наиболее эффективное средство невербальной коммуникации, но одновременно оно – великолепный невербальный лжец (nonverbal liar), т.к. человек способен задерживать адекватное выражение лица и выражать чувства, которые сам не испытывает (Ekman, 1974).

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица его и глаз посыпались искры.

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило.

А.П.Чехов, «Толстый и тонкий».

- Божже мой! – стонет жилистый человек, делая плачущее лицо.

А.П.Чехов, «Ну, публика!».

К звуковым симптомам относятся плач, визги, вздохи, звуки, издаваемые человеком от испуга, радости и т. д.

Некоторые соматизмы сопровождают вербальную речь, хотя часто они употребляются самостоятельно, независимо от вербального языка. «Вербальный и соматический языки принципиально различаются своей специализацией: один нацелен в первую очередь на отражение рациональной сферы человеческой психики, а второй – эмоциональной» (Верещагин..., 2005: с. 397).

– Сказывай, где деньги спрятаны? Артем поджал под себя ноги и замигал глазами.

– Что жмешься? Где деньги? Глаза, как сыч, таращит! Ну? Давай деньги».

А.П.Чехов. «Беспокойный гость».

В данном случае соматизмы более красочно выражают страх человека (испытывающий страх *поджимает ноги, часто мигает и таращит глаза*), который можно выразить и вербально: «ему страшно», «он боится». Соматический язык эффективнее передает

эмоции человека, чем вербальный (хотя бывают и исключения). Безусловно, средствами вербального языка можно выразить эмоции, но при этом эмоции разлагаются на составные элементы. Поэтому в вербальном языке сформировались специальные единицы в виде своеобразной фразеологии (слова и словосочетания, устойчивые фразы, описывающие типизированные коммуникативные жесты и мимику и возобновляющие в памяти определенный соматизм), которые косвенно передают адресату эмоции человека. Эти специализированные слова, словосочетания и фразы, отражающие соматизмы, называются **соматическими речениями**, которые хранятся в памяти говорящего и извлекаются в момент речи (например, *приподнять брови* означает удивление, *сдвинуть/нахмурить брови* выражает гнев, тревогу, озабоченность или *качать головой* означает сомнение, недоверие, сожаление, *хлопнуть себя по лбу* означает понял, вспомнил, *пожать плечами* означает удивление, непонимание), а подчас создаются во время общения. Первые, усвоенные нами еще в детстве, известны всей русскоязычной аудитории. Речения, которые вербальными средствами описывают соматизм со стороны внешней формы (движение от формы к содержанию), Верещагин и Костомаров называют **эйдетическими** (от греч. εἶδος - «образ»), а речения, которые отражают соматизм в содержательном плане и ориентированы на смысл, - **сенсуальными** (адресат должен восстановить жестикуляцию, мимику, позу или другой соматизм, исходя из содержания.). Они либо одновременно встречаются в едином вербальном сообщении, либо могут взаимозаменяться:

Борис потер указательный палец большим, - денежки платить надо.

Этими речениями изобилуют литературные произведения, персонажи оживают перед нами во всем богатстве не только речевых, но и жестово-мимических проявлений.

Любуясь произведенным эффектом, он упал в кресло и радостно захохотал. А впечатление, действительно, произвел он необыкновенное. Все растерянно переглянулись и побледнели, некоторые почесали затылки. А.П.Чехов. «Маска».

Ахинеев поглядел на осетра и ахнул. Лицо его просияло, глаза подкатились. Постояв немного, он щелкнул от удовольствия пальцами и еще раз чмокнул губами. А.П.Чехов. «Клевета».

Таким образом, можно говорить о двух самостоятельных человеческих языках, существующих параллельно и несводимых друг к другу (хотя средства вербального языка позволяют выразить эмоции и окружающий мир человека, а невербальный язык может быть и является объектом вербального отражения). Поэтому соматический язык – это не паралингвистическое явление, не «около»-язык, сопутствующий или подчиненный

вербальному языку и зависящий от него, а самостоятельный феномен (Верещагин..., 2005: с. 399).

Соматический язык часто относят к **паралингвистике**. Паралингвистика (от греч. *παρά* – около и лингвистика) – 1) раздел языкознания, изучающий невербальные (неязыковые) средства, включенные в речевое сообщение и передающие, вместе с вербальными средствами, смысловую информацию; 2) совокупность невербальных средств, участвующих в речевой коммуникации (ЛЭС, 1990: с. 367). Значит предметом паралингвистики может быть то, что «около» вербального языка, что обслуживает его и зависит от него. Таким образом, тембр, темп и интонация (фонация), неотделимые части вербальной речи, могут стать предметом изучения паралингвистики. Но «язык человеческого тела» не зависит от вербального языка; жесты не производны от слов; позы и мимика не всегда только сопровождают вербальную речь (могут даже замещать ее).

По определению Г.В.Колшанского, паралингвистика – «новая языковедческая дисциплина, занимающаяся изучением факторов, сопровождающих речевое общение и участвующих в передаче информации» (Колшанский, 2005: с. 9), которая охватывает **кинесику** (от жестов до пантомимы), **фонацию** (особенности тембра, темпа, интонирования) и **ситуативный контекст**. Контекст недвусмысленно указывает на интерпретацию жеста. «...Без словесного комментария жест нельзя понять именно в той смысловой функции, в какой читатель должен его декодировать» (Гельгардт, 1991: с. 119).

Р.Р.Гельгардт считает жесты, мимику, позы «манерами речевого поведения, сопровождающими речевые акты, анализом которых ведает паралингвистика» (Гельгардт, 1991: с.73).

Мы же разделяем точку зрения Верещагина Е. М. и Костомарова В. Г.

При коммуникации важно учесть данные **проксемики**, исследующей принятое в обществе расстояние между коммуникантами. Эта область невербального общения изучает удобные для беседы расстояния, избираемые партнерами, предпочитаемые позы размещения в общении. Умение владеть пространством предполагает оптимальное перемещение человека, установление зоны контакта – оптимальной дистанции для общения. Люди разных национальностей держатся (причем совершенно произвольно) при разговоре от собеседника на определенной дистанции: если собеседник находится слишком далеко, человек теряет с ним контакт; если дистанция слишком короткая, возникает ощущение неудобства, неловкости. Если для жителей северных районов нормальной для разговора считается дистанция в среднем около метра, то для южан эта дистанция намного короче (иногда даже приближаются почти вплотную), не снижая при

этом голоса (вероятно, объяснение этого явления заключается в темпераменте южан). Поэтому возникают забавные недоразумения при общении людей разных национальностей (у наблюдателя может создаться впечатление, что он присутствует при споре).

Варианты пространственных взаимоотношений легко распознаются. По расстоянию между собеседниками различают **национально-специфичную зону интимного общения** (очень близко), **зону личного общения** (близко), **зону нейтрально-социального общения** (подальше; обычно с незнакомыми людьми или в официальной обстановке) и **зону публичного общения** (говорящий на порядочном расстоянии от слушающих). А.А.Акишина считает, что дистанция русского общения составляет: официальная – длина двух рук для рукопожатия, дружеская – длина двух согнутых в локте рук. При рукопожатии нейтральная дистанция – 1-1,5 шага, подчеркнута официальная – больше двух шагов, дружеская – 0,5 шага (Акишина..., 1991: с. 144, с. 79). Й.Ричмонд характеризует русскую дистанцию общения как очень короткую по сравнению с дистанцией в западных коммуникативных культурах. По его наблюдениям, эта дистанция равна 12 дюймам (30 см.) (Richmond, 1996).

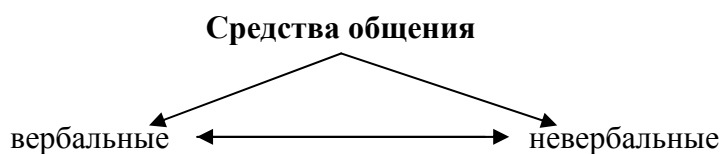
Грузинская коммуникативная дистанция в большинстве случаев короче, чем дистанция русских. Для грузин, как для южан, характерна небольшая дистанция при разговоре – зона личного общения.

И, наконец, выделяют так называемый **«язык повседневного поведения»**, принятый в том или ином обществе в обиходе и довольно своеобразный в национальном отношении. Так, в странах Европы чрезвычайно ценится точность прихода на деловую и неделовую встречу. А латиноамериканцы не придают этому никакого значения. На Кавказе, и в частности в Грузии, лучше не хвалить какую-либо вещь в доме хозяина, иначе он обязан вам ее подарить (принцип – все лучшее гостю).

Люди исполняют свои обычаи, уважают обычаи других народов и тем самым общаются с представителями других культур не только с помощью языка, но и невербально. Хотя невербальные средства общения не входят в систему вербального языка и не являются речевыми единицами, тем не менее, без них коммуникация будет неполноценной.

Итак, жест и поза, мимика и выражение лица, интонация (значимая фонеция), положение собеседников в пространстве относительно друг друга, «язык повседневного поведения» - обширная область невербальной коммуникации, которая нередко выражает больше самого вербального языка. Естественно, только в особых областях информации:

при передаче эмоций, оценок, отношений, социальных правил, обычаев. При передаче логической информации (новостей) с языком ничего не сравнится.

1.4 Другие характеристики коммуникации

Мотивированность. По А. Н. Леонтьеву, у человека, вступающего в общение, есть «мотор деятельности» или же определенный мотив. Коммуникативный мотив может быть осознаваем и не осознаваем в данный момент. В его основе лежит: а) потребность в общении, как таковая; и б) потребность в совершении данного конкретного речевого поступка. Разумеется, мотивы, по которым человек вступает в общение, для говорения (письма) и для чтения (аудирования) различны.

Активность. Общение – всегда активный процесс. В нем проявляется отношение говорящего к окружающей действительности, которое имеет место не только в говорении или письме, но и в аудировании и чтении – внутренняя активность. Активность обеспечивает инициативное речевое поведение собеседника.

Единство сознания и подсознания. В определенной ситуации говорящий планирует, что и зачем ему нужно сказать, нужно ли вообще говорить, учитывает воздействие своей речи на собеседника по его реакции. Это – сознательная речевая деятельность, опирающаяся на подсознательную. Воспринимая речь, мы редко обращаем внимание на языковые средства ее выражения и почти никогда не замечаем формы, в которых эти средства находятся (падеж существительного, прилагательного, спряжение глагола, наклонение и т. д.), т.е. мы подсознательно оформляем нашу речь.

Эвристичность. В процессе коммуникации ситуации общения постоянно меняются, их варианты неисчислимы. Поэтому говорящий должен быть готов к речевой деятельности в таких условиях, т.е. он должен быть готов к эвристической деятельности – в зависимости от ситуации общения порождается высказывание, адекватное создавшейся ситуации. Наша речь не может быть полностью алгоритмизована (автоматизирована), иначе мы всегда говорили бы готовыми фразами, стереотипами, заученными сочетаниями

речевых единиц и, соответственно, понимали бы только эти заученные речевые единицы. Алгоритмизованные и эвристические компоненты попеременно включаются в нашу речь, при ведущей роли вторых.

Целенаправленность. При разговоре мы пользуемся определенными прагматическими правилами – говорим с какой-то осмысленной целью. Процесс коммуникации состоит из трех уровней, каждый из которых соответственно определяет соблюдение: синтаксических (т.е. точность передачи символов сообщения – грамматическое оформление высказывания), семантических (точность передачи данными символами желаемого значения, т.е. насколько адекватно отбираются средства для передачи смысла) и прагматических правил (эффективность влияния сообщения на поведение собеседника в желаемом направлении). Для успеха коммуникации необходимо достичь третьего уровня, т.к. первые два не обеспечивают воздействия на собеседника.

Прагматичность присутствует и в общении, осуществляемом через чтение и аудирование. И здесь перед человеком стоят определенные коммуникативные задачи: не убедить, а убедиться, не поддержать кого-то, а найти поддержку, не развлечь кого-то, а развлечься самому и т.п.

Каждая из коммуникативных задач может быть решена лишь в том случае, если участники общения владеют его стратегией и тактикой. **Стратегией** можно назвать процесс реализации общей задачи, ту линию, которую проводит говорящий (пишущий, слушающий, читающий), а **тактикой** – реализацию подчиненных задач, «работающих» на решение общей, главной задачи

Глава 2

Прагматика речевого взаимодействия

2.1 Прагматические факторы коммуникации

В традиционном языкознании не всегда дается объяснение явлениям, которые встречаются в речевой деятельности. Для объяснения этих явлений в поисках новых идей наука обратилась к смежным специальностям, что в свою очередь завершилось образованием новых специальностей, таких как: психолингвистика, социолингвистика, лингвопрагматика, лингвистика текста, коммуникативная лингвистика, теория речевых актов.

За последние десятилетия в лингвистике наблюдается поворот в сторону прагматики, как дисциплины, выполняющей языковые явления, исходя из коммуникативной функции языка, из языковых действий. Предметом исследования прагматики является **коммуникативное содержание высказывания**. «Прагматика (от греч. *prágma*, *prágmatos* – дело, действие) область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи» (Арутюнова, 1990: с. 389). Термин был введен Ч. Моррисом в конце 30-х годов XX века. Следуя идеям Ч. Пирса, Моррис выделил три стороны классического треугольника в семиотике: *семантику* (изучающую отношение знаков к объектам действительности), *синтактику* (учение об отношениях между знаками) и *прагматику* (исследующую отношение к знакам говорящих). В соответствии со схемой Ч. Морриса, одним из свойств знака является отношение между знаком и его пользователем – человеком. Это свойство составляет прагматику, которая включает в себя также все те условия, при которых человек использует языковые знаки. Прагматика становится как бы всеобщим контекстом осуществления речевого акта.

синтактика	семантика	прагматика
как говорят	что говорят	для чего говорят
лексико-грамматические минимумы	темы и ситуации общения	коммуникативные задачи

По определению Е. Бейта, «прагматика есть изучение языковых средств, которые могут быть интерпретированы только при условии их употребления; нельзя описать значение языковых средств, можно описать только правила отношения их к контексту, в котором обнаруживается их значение». К прагматическому значению он относит *перформативное* (высказывание, эквивалентное действию, поступку), связанное с

намерением говорящего использовать предложения то в качестве вопроса, то в качестве приказа, то в качестве просьбы и т.д.; *предсуппозицию*, т.е. совокупность предложений в контексте, которая необходима, чтобы предложение было по смыслу истинным; *конверсационные постулаты*, т.е. особый класс презуппозиций о природе диалога человека вообще (Bates E., 1976: p. 3).

Р.Столнейкер отмечает: «Синтаксис изучает предложение, семантика – пропозицию. Прагматика изучает речевые акты в контексте, в которых производятся эти акты. Прагматика должна решить две крупные проблемы: во-первых, определить важные типы речевых актов и произведений, во-вторых, охарактеризовать признаки речевого контекста и определить, какие пропозиции выражаются в соответствующих предложениях. Утверждения, приказы, противоречия, требования, предположения, опровержения, предсказания, обещания, просьбы, заявления, оскорбления, следствия, предвосхищения, обобщения, ответы, ложь – все это принадлежит классу речевых актов. Во всех этих случаях стоит проблема найти необходимые и достаточные условия совершения речевого акта. Эта проблема является прагматической, поскольку необходимые и достаточные условия содержатся (налицо или отсутствуя) в контексте, в котором производится соответствующий речевой акт, например, интенция говорящего, его знания, взгляды, ожидания, интересы» (Столнейкер, 1985: с. 152-153).

Выделение прагматики как лингвистического исследования началось в 60-х – 70-х годах XX века под влиянием логико-философских теорий *речевых актов* Дж. Остина, Дж.Р.Сёрла, З.Вендлера и др, прагматических теорий значения П.Грайса и прагматических теорий референции Л.Линского, Дж.Р.Сёрла и П.Ф.Стросона. Перед прагматикой встала задача определения тех общих закономерностей, которые действуют в «неспокойной безбрежности субъективных смыслов» (Арутюнова, 1985: с. 415). Лингвистическая прагматика не имеет четких контуров, она затрагивает ряд вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения. В связи с *субъектом речи*, по мнению Н.Д.Арутюновой, изучаются: 1) явные и скрытые цели высказывания («иллокутивные силы» по Дж. Остину); 2) речевая тактика и типы речевого поведения; 3) правила разговора, подчиненные так называемому принципу сотрудничества, рекомендуя строить речевое общение в соответствии с принятой целью и направлением разговора (максима количества, максима качества, максима отношения, максимы манеры речи); 4) установка говорящего, или прагматическое значение высказывания: косвенные смыслы высказывания, намеки, иносказание и т. п.; 5) референция говорящего, т. е. отнесение языковых выражений к

предметам действительности, вытекающее из намерения говорящего; 6) прагматические пресуппозиции: оценка говорящим общего фонда знаний, конкретной информативности, интересов, мнений и взглядов, психологического состояния, особенностей характера и способности понимания адресата; 7) отношение говорящего к тому, что он сообщает. Прагматика считает категорию субъекта центральной категорией языка, обуславливающей и организующей все составляющие коммуникативных процессов. Статус субъекта речи при создании различных типов текстов изменяется в зависимости от цели общения, личности адресата, ситуации общения.

В общении важную роль выполняет адресат, его деятельность способствует успешности коммуникативного взаимодействия. Адресат – воспринимающий сообщение (слушающий или читающий) – центральная категория прагматики, психолингвистики, социолингвистики, культуры речи, психологии, культурологии. В связи с *адресатом речи* изучаются: 1) интерпретация речи, в том числе правила вывода косвенных и скрытых смыслов из прямого значения высказывания; 2) воздействие высказывания на адресата (перлокутивный эффект, по Остину); 3) типы речевого реагирования на полученный стимул. Деятельность адресата зависит от целей общения, типа диалога, согласования или несогласования участников общения. Современная теория диалога базируется на концепциях М.М.Бахтина и Л.П.Якубинского о диалогическом сотрудничестве коммуникантов на основе взаимной заинтересованности в общении. Адресант оформляет свой замысел в речи, адресат воспринимает речь и расшифровывает замысел автора. Абсолютное совпадение зашифрованного и расшифрованного даже при языковой общности людей невозможно. В связи с *отношениями между участниками коммуникации* изучаются: 1) формы речевого общения; 2) социально-этикетная сторона речи; 3) соотношение между участниками коммуникации в тех или иных речевых актах. Коммуникация протекает в сочетании внешних и внутренних условий и обстоятельств, именуемых коммуникативной ситуацией. Факторами коммуникативной ситуации, в широком смысле, являются: цели и интенции участников коммуникации, их роли, статусы, профессиональные и возрастные характеристики, эмоциональные отношения, место, количество участников и т.д. В связи с *ситуацией общения* изучаются: 1) интерпретация дейктических знаков; 2) влияние речевой ситуации на тематику и формы коммуникации.

Естественно, что прагматику речевого общения, скорее всего, и надо искать не в сфере взаимоотношений языковых знаков, а в сфере взаимоотношений людей, участвующих в коммуникации. По традиции представление о прагматической сфере языка

сводилось, как правило, к эффективности использования языкового выражения в плане воздействия речевого общения на поведение коммуникантов. Прагматическая сила языковых единиц рассматривалась как некоторое материальное следствие речевого восприятия, выражающееся в физических или духовных действиях адресата. Языковая сфера высказывания отодвигалась для прагматики на второй план; она оставалась как бы несущим средством, а воздействие сообщения на адресата оценивалось как его содержание. Таким образом, типы предложений, известные в грамматике как вопросительные, повествовательные, повелительные, отграничивались в сфере общения от того действия, которое могло заключаться в этих формах. Так для вопросительных предложений в прагматическом аспекте существенным является не само построение предложения (порядок слов, интонация, наклонение и т.д.), а действие «вопросительности» или «спрашивания», за которым следует ответная реакция коммуникантов в виде переспроса, утверждения, согласия или другого соответствующего действия.

Действие, вызываемое высказыванием, становилось основным критерием самого речевого акта, языковое же оформление тех знаков и сигналов, которые служили причиной соответствующих действий, не связывалось с какой-либо жесткой грамматической конструкцией, а допускалась возможность многовариантного грамматического построения высказываний, содержащих тот или иной вид воздействия (иллокуции). Сами высказывания практически представляли собой объект классификации на этой основе как иллокутивные типы, что значительно расширило сферу анализа грамматической структуры. В речевых актах по Остину и Серлу грамматическая форма и семантическое наполнение высказывания оценивались только по конечному результату самого общения, а именно по тому или иному иллокутивному акту (включая по существу и моменты перлокуции). Такой подход к языку породил понятие речевого акта, интегрирующего в себе как грамматическую форму, так и смысл предложения в плане категории воздействия. Поэтому справедливо говорить по отношению к событию о прагматическом аспекте высказывания, понимая под прагматикой область изучения «языковых актов и тех контекстов, в рамках которых они осуществляются». Интерес языковеда привлекает «иллокутивное воздействие, с одной стороны, но, с другой стороны, также и изучение индексирующих средств и выражений» (Столнейкер, 1985: с. 383).

Предмет прагматики сегодня составляют не только языковые знаки разных уровней (согласно традиционному определению, восходящему к Ч.Пирсу и Ч.Моррису), но и все параметры речевого общения. Прагматическая теория рассматривает любое высказывание

(или текст) как целенаправленное социальное действие говорящего – адресанта, формулирующего свое коммуникативное намерение в соответствии с ситуацией общения и происходящими событиями, с общей стратегией речевого поведения и тактиками взаимодействия с адресатом. Когда сообщение без существенных помех передается адресантом и адекватно понимается и воспринимается адресатом, достигается **коммуникативный успех**. Коммуникативный успех связан с изменением поведения адресата. Но бывают ситуации, когда коммуникативный акт не достигает коммуникативной цели, поскольку что-то в процессе коммуникации происходит неправильно (не будучи ложным, высказывание может быть неинформативным, непонятым или неуместным) или же нарушаются правила речевого общения. Такие ситуации именуется **коммуникативными неудачами**. Дж.Остин классифицирует коммуникативные неудачи на основе перформативных высказываний, достижение или недостижение цели которых наиболее очевидно. Причины коммуникативных неудач самые разные: различные национальные культуры коммуникантов; неправильное понимание речевой интенции; несовпадение оценок явлений действительности; многозначность слова; метафоричность и т.д.

Таким образом, прагматика показывает язык как коллективную речевую практику, тесно связанную с законами жизни социума, психологии личности, с особенностями мировосприятия человека, его когнитивной базы, с культурными стереотипами и национальными традициями. Термин «прагматика» целесообразно использовать для лингвистики как категории оценки истинности и эффективности тех или иных утверждений (успешно – неуспешно) или, в широком смысле, включающим в себя как интра-, так и экстралингвистические факторы, способствующие достижению определенной цели, содержащейся в речевом акте.

2.2 Целевая лингвистика или теория речевых актов

Речевой акт – «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации. Основными чертами речевого акта являются: намеренность (интенциональность), целеустремленность и конвенциональность» (Арутюнова, 1990: с.412). Иначе говоря, речевые акты – это мотивированные речевые действия

коммуникантов, которые строятся согласно нормам речевой деятельности и направленные на достижение определенной цели. Эта главная особенность теории речевых актов привлекла к себе внимание языковедов, которых перестала удовлетворять простая констатация того, что язык есть средство, орудие, инструмент общения. Они заинтересовались тем, каков механизм использования языка для достижения многообразных целей, возникающих в ходе социального взаимодействия людей.

Проблемы речевой деятельности восходят к философским и лингвистическим концепциям В.Гумбольдта, С.О.Карцевского, Ш.Балли, Л.П.Якубинского, К.Л.Бюлера. Но целостная теория речевых актов сформировалась в рамках лингвистической философии под влиянием идей австрийского философа и логика Л.Витгенштейна о множественности назначений языка и их неотделимости от форм жизни: взаимодействие языка и жизни оформляется в виде «языковых игр», опирающихся на определенные социальные регламенты. Основы теории речевых актов были заложены английским философом Дж.Остином в курсе лекций, прочитанном в Гарвардском университете в 1955 году и посмертно опубликованном в 1962 году в книге «Слово как действие». Впоследствии эти идеи были развиты американским логиком Дж.Серлем в монографии «Речевые акты», а также английским логиком П.Ф.Стросоном. В дальнейшем теория речевых актов развивалась совместными усилиями философов, логиков, лингвистов и психологов, труды Д. Вандервекена, М. М.Бахтина, Н. Д. Арутюновой, А. А. Леонтьева и др.

Работы ученых в области исследования речевых актов нацелены на выявление не только языковых фактов (морфологических, синтаксических и т.д.) – их сугубо формальных качеств, но, прежде всего, тех признаков, которые способствуют осуществлению языком его речевой функции. Коммуникация в этом случае расчленяется на языковые акты и на исполнителей этих актов – коммуникантов. Участники речевого акта – говорящий (отправитель информации) и адресат (получатель информации), выступающие как носители определенных, согласованных между собой социальных ролей или функций, обладают фондом общих речевых навыков (речевых компетенций), знаний и представлений о мире. При этом необходимо учесть обстановку речи. Осуществить речевой акт, по Дж.Остину, значит: произнести членораздельные звуки, принадлежащие общепонятному языковому коду; построить высказывание из слов данного языка по правилам его грамматики; снабдить высказывание смыслом и референцией, т. е. соотносить с действительностью, осуществив речение (англ. locution); придать речению целенаправленность, превращающую его в иллокутивный акт (англ. illocutionary act, т. е. «выражение коммуникативной цели в ходе произнесения некоторого высказывания» –

термин принадлежит Остину); вызвать искомые последствия (англ. perlocution), т.е. воздействовать на сознание или поведение адресата, создать новую ситуацию (Остин, 1986: с. 91).

И.М. Кобозева считает, что «единый речевой акт представляется в теории речевых актов как трехуровневое образование. Речевой акт в отношении к используемым в его ходе языковым средствам выступает как локутивный акт. Речевой акт в его отношении к манифестируемой цели и ряду условий его осуществления выступает как иллокутивный акт. Наконец, в отношении к своим результатам, речевой акт выступает как перлокутивный акт» (Кобозева, 1984: с. 13-14). Перлокуция – аспект речевого акта, который воздействует на мысли и чувства человека и таким образом определяет его дела и поступки. Перлокуция связана с языковой и коммуникативной компетенцией говорящего, выявляет знание говорящим этических норм. В предложенном Дж.Остиным трехуровневом образовании новшеством является понятие иллокуции, т.к. понятие локуции уже изучалось до него в лингвистике. Именно иллокуции уделяется главное внимание в теории речевых актов. Остин вводит понятие иллокутивного акта, но не дает ему точного определения. Приводя примеры иллокутивных актов (вопрос, ответ, информирование, уверение, предупреждение, назначение, критика и т. п.), он пытается обнаружить различные признаки иллокуции. П.Ф.Стросон, анализируя работы Дж.Остина, приходит к выводу, что иллокутивный акт отличается от локутивного целенаправленностью, а от перлокутивного – конвенциональностью. В этих положениях отражается присущее высказыванию противоречие между субъективным (цель говорящего) и объективным (не зависящие от говорящего способы обеспечения распознавания этой цели слушающим). В теории речевых актов данное противоречие передается как противоположность интенционального и конвенционального (от англ. convention – условность) в речевом акте.

Термин **интенция** (намерение – мотив и цель что-либо сказать) говорящего был введен в теорию речевых актов последователями Дж. Остина. Стросон и Серль приходят к выводу, что коммуникативное намерение – самый существенный момент в определении иллокуции. Так одно и то же предложение может использоваться говорящим с разными намерениями. Например, предложение **Я покажу тебе** при одном и том же выборе языковых средств (локутивном акте) говорящий может совершать разные иллокутивные акты – обещает, предупреждает или угрожает, а слушающий понимает, какой иллокутивный акт совершает говорящий.

Таким образом, теория речевых актов – это «логико-философское по исходным интересам и лингвистическое по результатам учение о строении элементарной единицы речевого общения – речевого акта, понимаемого как актуализация предложения, причем речевое общение рассматривается как форма проявления преимущественно межличностных отношений» (Кобозева, 1984: с. 12). Речевой акт – многоуровневое образование, иллокутивный уровень – основной объект исследования, интенции (намерения, цели) говорящего имеют важное значение для объяснения процессов речевого взаимодействия.

Глава 3

Диалогическая форма коммуникации

С. Савиньон в своей книге «Коммуникативная компетенция» так охарактеризовал составные части коммуникативной компетенции: 1) грамматическая компетенция как владение лингвистическим кодом, т.е. способность узнавать лексические, морфологические, синтаксические и фонологические особенности языка и манипулировать ими на уровне слов и предложений; 2) социолингвистическая компетенция, или социальные правила использования языка: понимание ролей участников общения, информации, которой они обмениваются, и функций их взаимодействия; 3) компетенция высказывания, которая связана со способностью воспринимать или продуцировать не отдельное предложение, а сверхфразовое единство; 4) компетенция коммуникативной стратегии, используемая для компенсации несовершенного знания правил, несовершенного владения чем-либо, когда не можешь вспомнить слово и хочешь дать знать собеседнику, что намерен продолжить общение, должен собраться с мыслями, не понял какого-либо слова и т. п. Успех в решении коммуникативных задач, по мнению С. Савиньон, зависит от готовности, расположенности говорящего к самовыражению, находчивости, изобретательности в использовании лексических и синтаксических единиц, которыми он владеет и от знаний паралингвистического и кинесического аспектов языка (Савиньон, 1983).

М. Н. Вятютнев предлагает иное определение коммуникативной компетенции: 1) компоненты ситуации общения: роли, место, темы, интенции; лексический, грамматический и фонетический минимумы; 2) знания, умения, необходимые для понимания и порождения программ речевого поведения (Вятютнев, 1984).

Естественно, перечисленные компоненты используются в общении.

3.1 Коммуникативное событие и коммуникативная ситуация – полноправные компоненты текста

Многими лингвистами признано, что текст – основная единица коммуникации. Мы говорим не разрозненными словами, а предложениями и текстами, наша речь основывается на ситуации. Текст – это «феномен реальной действительности и способ

отражения действительности, построенный с помощью элементов системы языка» (Леонтьев, 1979: с. 25). Такое понимание текста характерно не только для лингвистов, но и для философов языка, психолингвистов и психологов, этнолингвистов.

Поскольку цель любого общения состоит в том, чтобы некоторым образом изменить поведение или состояние реципиента (собеседника, читателя, слушателя), т.е. вызвать определенную вербальную, физическую, ментальную и эмоциональную реакцию, то задачей текста является воздействие на реципиента, но только в том случае, если автор текста выбрал языковые средства, адекватные своему замыслу – коммуникативной программе, а реципиент понял текст адекватно замыслу автора. «Текст не существует вне его создания и восприятия» (там же).

С точки зрения теории речевых актов, диалогический текст представляется в виде связанной структуры минимальных единиц, формирующих статическую иллокутивную структуру диалога. При этом диалог рассматривается как система обязательств его участников по удовлетворению коммуникативной потребности собеседника и определяется как система иллокутивных вынуждений.

Именно соотнесенность с соответствующей ситуацией отличает текст от иных единиц языка, сама же ситуация имеет статус полноправного компонента структуры текста.

Бесконечный коммуникативный процесс подразделяется на коммуникативные события. Н.Д.Арутюнова так охарактеризовала параметры коммуникативного события: отнесенность к жизненному пространству; принадлежность к магистральной линии жизни; динамичность и кульминативность; сценарность; слабая структурированность; целостность, отвлеченность от временной протяженности; единичность, счетность; преимущественная включенность в интерпретирующий контекст (Арутюнова, 1999: с. 519). Коммуникативное событие – это ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов. Структурными компонентами коммуникативного события являются коммуникативная ситуация, коммуникативная деятельность и коммуникативные нормы (Борисова, 2005: с. 37). Коммуникативное событие характеризуется динамичностью, в нем можно выделить следующие фазы: начало – установление контакта; середина – развитие коммуникации и конец – завершение контакта.

Диалогическая речь ситуативно обусловлена, другими словами, диалог порождается определенной **коммуникативной ситуацией**. Под коммуникативной

ситуацией ученые понимают сложный комплекс внешних условий общения и внутренних реакций общающихся, побуждающие нас обмениваться информацией в процессе деятельности. Весь этот сложный комплекс ситуативных признаков Н.И.Формановская сводит к следующим компонентам: *кто – кому – о чем – где – когда – почему – зачем*. Теория речевых актов предлагает следующую модель коммуникативной ситуации: говорящий, слушающий, высказывание, обстоятельства, без которых не обходится ни одна модель общения, а также цель и результат речевого акта. И. П. Сусов предлагает следующие компоненты коммуникативной ситуации: «Я – сообщаю – тебе – в данном месте – в данное время – посредством данного высказывания – о данном предмете – в силу такого-то мотива или причины – с такой-то целью или намерением – при наличии таких-то предпосылок или условий – таким-то способом» (Сусов, 1986: с. 9). Т.е. необходимы: автор и адресат, тема, место и время речи, ее причина и цель. Причину и цель общения можно отнести к внутренним реакциям речевых партнеров. Автор речи и ее адресат – это «я» (говорящий) и «ты» (слушающий), меняющие свои позиции в диалоге. Их взаимоотношения обусловлены социальным статусом человека (*социально-статусные взаимоотношения*), его ролью как субъекта общения (*ролевые*), выполняемой деятельностью (*деятельностные виды взаимоотношений*) и нравственными критериями (*нравственные*). Обнаружение социальной роли говорящего происходит по словам, служащим для этикетного вступления в речевой контакт (т.е. обращение). Например:

- Дядя, который час?	«я» - ребенок
- Будьте любезны, скажите, сколько сейчас времени?	«я» - интеллигент
- Друг, который час?	«я» - молодой человек

Место действия – «я» и «ты» встретились «здесь», в точке речевого контакта – может быть любым: на работе, в магазине, в транспорте, у врача, в семье и т.д. Употребление определенных клише помогают определить место встречи и роли участников общения.

- *Взвесьте полкило конфет.*

место действия – магазин, «я» - покупатель

- *Передайте, пожалуйста, деньги за проезд.*

место действия – транспорт, «я» - пассажир

Время как компонент коммуникативной ситуации в непосредственном общении – это момент речи. «Я» и «ты» встретились «сейчас», в момент контакта.

Внутренние реакции общающихся на внешние обстоятельства – это мотив («почему») и цель («зачем») общения. Мы общаемся потому, чтобы сделать какое-то дело,

побудить к чему-то, спросить о чем-то, сообщить что-то и т.д. Это – коммуникативные намерения человека по отношению к другому: попросить, уточнить, переспросить, посоветовать, разрешить, пообещать и т.п. Мотив и цель что-либо сказать воспринимаются как коммуникативное намерение (*интенция*) говорящего и находят выражение в конкретном речевом действии – речевом акте.

Таким образом, тема разговора в коммуникативной ситуации предоставляется и местом, и временем, и тем, кто «я» и кто «ты», каков наш круг интересов, каковы мотивы и цели нашего общения. Хотя есть и стандартные темы разговоров между определенными людьми, в определенном месте и времени. Коммуникативная ситуация является совокупностью обстоятельств, в рамках которых речевое поведение играет значительную роль. В центре этих обстоятельств находится «динамичная система взаимоотношений двух (и более) субъектов» (собеседников). Речевые ситуации, взаимоотношения собеседников определяют коммуникативные задачи и коммуникативные планы. А эти планы осуществляются при помощи коммуникативных приемов, в результате использования которых возникают конкретные диалоги, выполняющие определенную коммуникативную функцию. Коммуникативные приемы реализуются в типичных конструкциях диалогических единств. Коммуникативные приемы являются компонентами речи, удобными для развития диалогической речи. Они представляют собой небольшие семантические единицы с характерными языковыми средствами. Эти единицы довольно ясно отражают сложную семантическую и грамматическую структуру диалога как сцепления реплик. Каждая реплика (вербальное действие) становится объектом целенаправленного формирования в самом акте коммуникации. В качестве развернутой реплики связанное монологическое высказывание может входить в состав диалога.

3.2 Специфика диалога

Различают три формы общения: парное или диалогическое, групповое и массовое. Диалогическая речь является основной формой разговорной речи. В диалогической речи особенно ярко проявляется коммуникативная функция языка. Диалог – это обмен речевыми актами. Посредством диалога осуществляется взаимное общение людей. Диалог возникает и функционирует в среде живого человеческого общения. Будучи относительно самостоятельной формой говорения, диалогическая речь представляет собой

специфический вид речевой (коммуникативной) деятельности, обладающий весьма сложной структурой.

«Диалогическая речь (от греч. *diálogos* – беседа, разговор двоих) – форма (тип) речи, состоящая из обмена высказываниями-репликами, на языковой состав которых влияет непосредственное восприятие, активизирующее роль адресата в речевой деятельности адресанта. Для диалогической речи типичны *содержательная* (вопрос/ответ; добавление/пояснение/распространение; согласие/возражение; формулы речевого этикета и пр.) и *конструктивная* связь реплик (преимущественно соседних)» (ЛЭС, 1990: с. 135).

Н.Ю.Шведова единицей диалогической формы общения считает *диалогическое единство* – совокупность двух соседних реплик в диалоге, связанных ситуативно. Такое единство – сиюминутное, обусловленное данной конкретной ситуацией. Хотя есть и какие-то более устойчивые соединения. Диалогические единства обычно называют микродиалогом. Реплики в диалогических единствах могут связываться не только на основе «запрос информации – выдача ее», т.е. на основе вопросно-ответных конструкций.

- *Пожарные, лей!*

- *Воды нет, ваше высокоблагородие!*

- *Не разговаривать! Поезжайте за водой! Живааа!*

- *Не на чем ехать, ваше высокоблагородие. Майор на пожарных лошадях поехали ихнюю тетеньку провожать!*

- *Разойдитесь! Сдай назад! Запиши-ка его!*

- *Карандаш потерялся, ваше высокоблагородие...*

А.П. Чехов, «Брожение умов».

Это безусловно диалог, но здесь нет ни одного вопроса. Диалогическая форма общения не есть только вопросы и ответы.

Поскольку диалогическая форма общения в очень большой степени ситуативна и, следовательно, не нуждается в строгой организации, ее репликам свойственны эллипсисы (перестановки слов, частей фразы). В диалогической форме общения используется много клише (*не стоит; ну ладно; да, вы правы..*). Наряду с междометиями и модальными словами они делают диалогическое общение более эмоциональным и выразительным. В психологическом плане реплика каждого партнера при диалогической форме общения зависит от речевого поведения другого, требует быстрой реакции собеседников.

По Пассову (и мы целиком с ним согласны) необходимо учесть ряд вопросов, без которых немислимо диалогическое общение:

1) *Осознание и умение четко определить свою речевую задачу.* Вступая в общение говорящий должен четко знать чего он хочет достичь: уговорить, убедить, проинформировать, узнать мнение по какому-то интересующему вопросу, посоветовать что-то и т. п. Именно речевая задача определяет функциональный характер диалога. Каждая реплика диалога должна быть в функциональном плане адекватна этой общей задаче. Говорящий, не осознающий своей речевой задачи и не умеющий ее определить, часто не знает о чем говорить. Диалог при этом получается коротким и натянутым.

2) *Умение планировать ход беседы.* Каждый из участников коммуникации организывает цепочку своих реплик в диалоге так, чтобы оптимальным путем достичь реализации своей задачи с учетом вероятной реакции партнера. Необходимо уметь намечать свою стратегическую линию в диалогическом общении, уметь организовывать формальную и содержательную стороны общения, между которыми существует прочная связь. Для реализации любой речевой задачи может быть использован некоторый набор «промежуточных» речевых функций. Например, для того чтобы **получить информацию** о чем-то, можно **сообщить** о своем желании, о необходимости данной информации, **попросить** рассказать, использовать различные виды **запросов**, в нужном месте услышанное можно **оценить** и **поблагодарить** за информацию. Для каждой речевой задачи возможен набор наиболее частотных (в определенных ситуациях) «промежуточных» речевых функций и их расположение, которое может варьироваться в частностях, но сохраняет общую логику решения речевой задачи. Выявление таких логических функциональных цепочек и их вариантов, использование их в виде опор важно для рационализации управления диалогическим общением.

3) *Частичная спонтанная перестройка своей программы по ходу общения,* происходящая в связи с тем, что в реальном диалогическом общении реплика партнера может в большей или меньшей степени соответствовать прогнозируемой или совсем ей не соответствовать. Если основная речевая задача говорящего не изменилась под влиянием реплик партнера, можно говорить о частичной перестройке диалога, которая возможна путем введения новых, ранее не запрограммированных, речевых поступков или же, наоборот, путем исключения запланированных. Она может быть связана также с временным переходом инициативы к речевому партнеру.

4) *Умение захватывать и перехватывать инициативу общения.* На каждом участке диалога инициатива может быть в руках одного из собеседников, речевая задача которого является в это время превалирующей, ведущей. Зачастую задачи обоих партнеров не совпадают. Чтобы решить свою задачу, говорящий должен уметь захватить

инициативу и удержать ее до достижения своей цели. После чего инициатива может быть перехвачена его речевым партнером.

5) *Умение предоставить партнеру возможность реализовать свою речевую задачу.* Это связано с такой особенностью диалогического общения, как временное подчинение одного собеседника другому, – тому, кто является инициатором на данном отрезке диалога. Не будь такого временного подчинения, ни один из собеседников не смог бы достичь своей цели, ради осуществления которой он вступил в диалог.

6) *Умение адекватно ситуации реагировать на реплику собеседника.* Это связано с выбором такого речевого поступка, который сочетался бы с функциональной направленностью реплики-стимула в соответствии с ситуацией.

7) *Умение спровоцировать тот или иной речевой поступок* связано с тем, что говорящий должен уметь подавать такие реплики-стимулы, на которые могли бы последовать реплики-реакции желаемой функциональной направленности.

8) *Умение функционального манипулирования внутри одной реплики.* Распространение реплик (сложные реплики) происходит по различным направлениям.

Первые пять умений касаются структуры диалога в целом.

3.3 Диалог как место пересечения взаимодействующих сознаний

Между потенциальными общающимися всегда существуют определенные взаимоотношения. В какой-то момент у них появляется потребность «как предпосылка всякой деятельности» (Леонтьев, 1969). Эта потребность связана с той или иной стороной жизнедеятельности человека как индивида, как субъекта какой-либо деятельности и как личности, которая мотивирует общение. То есть рассматриваются субъективно-субъективные и включенные в них субъективно-объективные отношения. Каждый из общающихся достигает своей цели с помощью вербальных и невербальных средств. При этом общение осуществляется тремя способами: *информационным* (обмен мыслями, идеями, интересами, чувствами и т. п.), *интеракционным* (взаимодействие общающихся) и *перцептивным* (восприятие и понимание человека человеком).

Поскольку коммуникация диалогична по своей природе, в каждом из ее актов участвуют две стороны, хотя есть формы и многосторонние (например, дискуссия), но акт социального взаимодействия как единица общения двусторонен. Вследствие этого продуктом общения становится интерпретация информации: «столкновение» двух

позиций (не обязательно противоположных) порождает нечто новое – новые знания, мысли, чувства, новую интенцию и коммуникативную задачу. Это новое и оказывает воздействие на общающихся и определяет их тактику в рамках задуманной стратегии. Участники коммуникации должны владеть ее стратегией и тактикой.

Тактика – речедеятельностный ход, обладающий значением. Основанием группировки тактик может считаться **дихотомия гармония/дисгармония**. Под гармонией подразумевается идеал общения, а под дисгармонией – «текущее зло», от которого надо избавляться (Рождественский, 2000). Применительно к коммуникантам – **толерантность** (терпимость, корректное, лояльное поведение по отношению к другим, признание значимости другого, его неприкосновенности, необходимости договорного решения разногласий) и **агрессивность** (диктат личности, ее нетерпимость по отношению к другим лицам, превышение собственных прав и ущерб правам другого).

Главное в диалоге – это речевое взаимодействие. На основе интерпретации информации меняются взаимоотношения общающихся, следовательно, обновляется предмет общения. Так акты коммуникации сменяют друг друга, пока общение не будет удовлетворено. Термин **психологический баланс общения** позволяет выделить момент взаимосвязи сторон и обязывает считать единицей анализа не отдельную реплику (отдельную тактику), а только диалогическое единство или их совокупность. Баланс общения задается обстоятельствами в соединении с установками и побуждениями коммуникантов. Возможно выделение следующих партитур общения: агрессия в ответ на агрессию, толерантность в ответ на агрессию, агрессия в ответ на толерантность и обоюдная толерантность. Толерантность в ответ на агрессию и обоюдная толерантность приближают к идеалу, особенно последняя позиция, поэтому балансирование здесь минимальное.

Самая сложная позиция балансирования – это толерантность в ответ на агрессию. Толерантные реакции в ответ на агрессивное речевое поведение разнообразны: можно перевести разговор на другую тему (- *Давай о другом, а?; - Переключись на что-нибудь более приятное.*); сделать попытку успокоить (- *Успокойся! Возьми себя в руки!*); дать совет (- *Попробуй поступить так...*); предложить неожиданный эмоциональный ход – проявить жалость, сочувствие (- *Как я тебе сочувствую.*); промолчать; обозначить официальную дистанцию; отстраниться от общения; спокойно возразить против предлагаемого стиля общения (- *В таком стиле мы разговаривать не будем, хорошо?*); вообще отказаться от общения (- *Поговорим завтра, нужно успокоиться.*); иронически оценить агрессивный стиль (- *Какие страсти!*) и т.д. Подобного рода клише толерантного

противодействия речевой агрессии могут снять напряжение, характерное для «речевого агрессора».

Психологическое содержание коммуникации обуславливается социально и «демографически»: тот, кто авторитетнее, и тот, кто старше, пользуется расширенными правами на речевую активность. Это тоже зона психологического балансирования. Материально выраженным элементом диалога и речевой поддержкой как знаковой единицей следует считать реплику, направленную на сохранение партнером выполняемой им ведущей речевой роли. Поддержки могут иметь вербальную (*да, интересно, правильно и т.д.*) и невербальную (*взгляд и поза внимания, утвердительные кивки и т.д.*) формы. Отсутствие невербальных поддержек, мимика равнодушия – «нулевая реакция» является универсальным невербальным средством речевого сдерживания. Сомнение, равнодушие могут быть оформлены также вербально (*кто этого не знает?; вам нравится?; и вы этому верите?*).

Итак, психологическое содержание коммуникации как деятельности можно определить следующим образом:

- предмет общения – взаимодействия общающихся;
- единица общения – акт социального взаимодействия;
- средства общения – вербальные и невербальные;
- способы общения – информационный, интеракционный, перцептивный;
- продукт общения – интерпретация информации;
- результат общения – изменение взаимоотношений.

Общество выдвигает для разных видов речевой деятельности **определенные правила**. Поскольку в устном контактном непосредственном общении речь спонтанна, к ней нельзя вернуться, нельзя что-либо изменить или добавить, необходимо быть предельно внимательным к своей речи, к соблюдению определенных правил для говорящего и слушающего. Постараемся охарактеризовать эти правила, исполнение которых способствует достижению коммуникативной цели.

Говорящий обязан соблюдать определенные правила. Ему предписывается осуществлять *доброжелательность и уважительность к адресату*. Необходимо проявлять *уместную, соразмерную, не преувеличенную вежливость* в данной ситуации общения, необходимо учесть пол, возраст, служебное или общественное положение адресата, его социальные позиции и роли, соразмерить их со своими собственными социальными признаками, Говорящему предписывается быть *скромным в самооценках, не ставить в центр внимания собственное «я»*. Для достижения коммуникативного

результата говорящему необходимо *поставить в центр внимания слушающего*, учитывая его личность, социальные роли, осведомленность в теме. С этой целью необходимо поддерживать контакт внимания, понимания, интереса, не скупясь на языковые средства адресации, повторные обращения, жестовые и мимические знаки внимания. Говорящий должен *выбрать интересную для партнера и понятную тему разговора*, уместную в данной ситуации. В любой ситуации мы выбираем определенную тему. Выбрав тему для разговора, говорящий должен *следовать логике развертывания текста*, чтобы следствия вытекали из причин. Что особенно важно в публичной и научной речи. Говорящему необходимо помнить, что *концентрация внимания у слушающего ограничена*, поэтому необходимо выбирать короткие фразы, не превышать среднюю длину говорения, соблюдать паузы, не чуждаться повторных обращений, средств авторизации и адресации текста, т.е. средств пробуждения внимания. Это особенно важно в публичной речи, когда говорящему необходимо удержать внимание целой аудитории. С этой целью он вводит в свою речь так называемые метакоммуникативные высказывания, которые берут на себя роль концентрировать, возбуждать, организовывать внимание слушателя. Таких языковых средств довольно много: *Разрешите еще раз остановиться на сказанном...*; *Вы, конечно, знаете, что...*; *Вам, наверное, интересно узнать...*; *Мы уже раньше говорили с вами о...*; *Вы убедились, что...* и т.п. Ориентируясь не только на адресата, но и на ситуацию общения в целом, на официальность или неофициальность обстановки, необходимо *вести постоянный отбор языковых средств в соответствии со стилем речи*. Общение в обиходно-бытовой среде, в нейтрально-обиходной, научной, профессиональной, учебной порождает стилистически разные тексты /дискурсы. Несоответствие языковых средств стилю вносит в речь иронический оттенок. И, наконец, говорящий должен *посылать определенные сигналы невербальной коммуникации*: принятую в данной национальной и социальной культуре дистанцию, жесты, позы, мимику, выражения глаз, общую манеру держаться, культуру поведения и культуру речи.

В свою очередь, существуют определенные правила, которые предназначены для **слушающего**.

Во-первых, необходимо *уметь выслушать собеседника*, даже если вы заняты, а собеседник беспокоит вас по пустякам (с вашей точки зрения). Слушая, необходимо проявлять *уважительность, доброжелательность и терпеливость к партнеру*. Это особенно важно учесть старшему по положению или по возрасту. Проявляя доброжелательность и уважительность к собеседнику, *не надо перебивать его*,

вставлять колкие замечания, усмехаться, сбивать с мысли, «переводить слушание в собственное говорение». Учитывая вышеназванные правила слушающий должен поставить в центр внимания говорящего. Мимикой, кивками головой, жестами, взглядами, междометиями нужно проявлять свою коммуникативную роль слушающего, поддерживать контактную связь, проявлять заинтересованность в нем и в его словах. Необходимо чередовать роль слушающего с ролью говорящего, умело вступая в диалог (не перехватывая инициативу говорения): ответить на поставленный вопрос, согласиться или не согласиться с собеседником, своевременно и правильно среагировать на его речь. Если слушающих несколько, не следует реагировать на речь, адресованную не тебе.

Правила для говорящих и слушающих взаимосвязаны. Их соблюдение в обществе и особенно в деловой речи крайне необходимо. Надо отметить, что мы не умеем слушать.

К правилам речевого общения относятся уместные **ты/Вы** формы общения, адекватные комплексу ситуативных и социальных, в том числе психологических условий. Выбор ты или вежливого Вы зависит от иерархических или ролевых отношений коммуникантов. Выбирая ты или Вы формы общения, следует учесть: степень знакомства коммуникантов (ты – с хорошо знакомым, Вы – с незнакомым или малознакомым); официальность/неофициальность обстановки общения; взаимоотношения коммуникантов (ты – когда взаимоотношения дружеские, интимные, теплые..., Вы – когда взаимоотношения сдержанные, подчеркнуто вежливые, холодные...); равенство/неравенство статусно-ролевых позиций партнеров (равны позиции – «начальник-начальник», «подчиненный-подчиненный», коллеги..., не равны позиции – «начальник-подчиненный», «учитель-ученик»...). Неравные ролевые позиции влекут смену ты форм общения на Вы:

- *Милый мой!* – начал тонкий после лобызания. – *Вот сюрприз! Ну, да взгляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Я уже женат, как видишь... Ну, а ты как? Небось, уже статский? А?*

- *Нет... Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею.*

- *Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с!*

- *Ну, ладно! Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства – и к чему тут это чиновочитание!*

- *Помилуйте... Что вы.. Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги...*

А.П. Чехов, «Толстый и тонкий».

Умелый выбор и уместное использование ты/Вы форм общения в соответствии с национальными традициями создает желаемый микроклимат общения и дает возможность говорящему проявить к партнеру весь спектр личных и социально заданных отношений. Грузинский язык тяготеет к ты формам общения, а русский к Вы формам.

Когда мы строим диалог и обмениваемся разными сведениями, в речевом пространстве «здесь и сейчас» могут оказаться не только говорящий и слушающий, но кто-то еще. То есть кроме адресата к кому непосредственно направлена речь, возможно присутствие посторонних лиц/постороннего лица нужных, а иногда и ненужных для нашей беседы. Этим посторонним может быть «он» (или «они»), не участвующий в диалоге между «я» и «ты», но все-таки находящийся на таком расстоянии, что может стать вольным или невольным слушателем (Почепцов, 1987: с.105). Иногда адресованная речь в той или иной степени ориентирована на такого слушателя, иногда мы хотим включить его круг беседующих, а иногда наоборот стремимся исключить присутствие третьего лица.

Диалог в присутствии третьих лиц/третьего лица – это **диалог с двойным адресатом** в широком смысле слова. Общение в таком диалоге носит межличностный и одновременно групповой или массовый характер, т.е. представляет собой диалог с адресатом межличностного общения (1 – 1) и диалог с адресатом группового (1 – несколько) или массового (1 – много) общения. Адресат группового или массового общения назовем **наблюдателем**. Таким образом, в данной ситуации участвуют трое: адресант, адресат и наблюдатель.

Диалог с двойным адресатом – обычное явление во всех сферах устного общения, например, диалог в деловой сфере (диалог прокурора и подсудимого, адвоката и свидетеля в присутствии участников судебного заседания), в политической сфере (диалог кандидатов в представительские органы в присутствии избирателей), в научной сфере (диалог соискателя ученой степени и оппонента в присутствии членов Ученого совета), в учебной сфере (диалог учителя и ученика в присутствии класса), в социально-культурной сфере (диалог актеров в присутствии зрителей, телевизионное интервью), в бытовой сфере (диалог родителей в присутствии ребенка), при ритуальных ситуациях, когда та или иная процедура требует для своего осуществления наличия присутствующего – слушающего (церемония бракосочетания, клятва врача, присяга военных и т.д.).

Во всех приведенных ситуациях общения наблюдатель в той или иной степени оказывает влияние на протекание диалога. Третье лицо в том или ином положении,

роли так или иначе влияет на ход, тему, манеру нашей речи. Существуют принятые в обществе предписания для говорящего, что можно и чего нельзя сказать при третьем лице, в зависимости от социальных ролевых признаков этого третьего лица. Статус наблюдателя в диалогах с двойным адресатом может быть описан с учетом следующих значимых факторов: наблюдатель 1) случайный/неслучайный, 2) известный/неизвестный, 3) авторитетный/неавторитетный, 4) обязательный/необязательный в данной ситуации общения, 5) профессиональный/непрофессиональный, 6) имеющий право голоса/не имеющий право голоса, 7) контактно/дистантно расположенный, 8) единичный/групповой/массовый, 9) доброжелательный/нейтральный/недоброжелательный. Вероятно, можно выделить и другие признаки наблюдателя.

В результате анализа материала можно выделить группы диалогов с двойным адресатом, представленных в порядке возрастания в них роли наблюдателя.

Первая группа объединяет в себе диалоги в основном бытового общения, протекающие в присутствии случайного/неизвестного/неавторитетного/необязательного/единичного или группового/контактно расположенного наблюдателя. Это – ситуация межличностного официального или неофициального общения в общественных местах (в магазине, в транспорте, на почте и т.д.). Обычно в таких ситуациях наблюдатель лишен права голоса. Хотя нередко приходится наблюдать, как невольный слушатель «прорывает» замкнутое пространство адресанта – адресата и вклинивается в их «владения». Это проявляется в стереотипных формах извинения за вмешательство: *Простите, что вмешиваюсь...; Простите, это, конечно, не мое дело, но...; Я невольно услышал, что....* Если такое вторжение поощряется, то возникает полилог – разговор нескольких участников. Иногда «агрессор» ставится на место. Считая позицию вторжения бестактной, вежливый человек прервет свой разговор. Всякое словесное одергивание того, кто «встревает» в чужой разговор оказывается грубым. Оно проявляется в таких стереотипных реакциях на вмешательство в разговор, как: *А вам какое дело?!; Я разговариваю не с вами; Не ваше дело!; Вас не спрашивают* и т.п. (Формановская, 2002: с. 37-38).

Заслуживает внимания ситуация, когда разговор **намеренно** проходят в присутствии третьего известного или неизвестного, случайного или неслучайного. Например, разговор учителей между собой, которые хвалят или ругают ученика в присутствии его одноклассника. Цель – положительным или отрицательным примером воздействовать на слушателя. Или же разговор родителей при ребенке о чем-то, что, по их мнению, должно побудить его к действию. Или разговор в транспорте,

рассчитанный на слушателя: - *Детка, пройди там есть место!* Речь здесь обращена не только к ребенку, но и к присутствующим, чтобы никто не претендовал на свободное место. Речь при этом громкая, артикуляция четкая, так как ориентация взята на третье лицо. Подобная позиция наблюдателя, когда говорящий обращается не только к непосредственному адресату, но и воздействует на присутствующего, называется **позицией косвенного адресата**.

Вторая группа включает диалоги бытового и делового общения в присутствии известного/авторитетного/необязательного/единичного или группового/контактно расположенного наблюдателя. К типичным ситуациям этой группы можно отнести общение в университете, в школе, на работе, дома. Например, разговор студентов в присутствии преподавателя, или же разговор детей в присутствии матери. Присутствие известного, авторитетного наблюдателя может существенно повлиять на речевое поведение участников диалога.

К третьей группе можно отнести диалоги, в которых присутствие наблюдателя является обязательным элементом ситуации общения. Например, заседания Ученого совета по защите диссертаций, общение преподавателя и студента в аудитории, судебные разбирательства, парламентские слушания и т.д. Особенностью наблюдателя в этой ситуации является его участие в принятии решения или влияние на принятие решения (например, студенты, присутствующие в аудитории при ответе своего однокурсника, косвенным образом влияют на поставленную оценку). Общение в таких ситуациях строго социально регламентировано, имеет формализованную структуру. Наблюдателю предоставляется слово в соответствии с процедурой.

Полное «отторжение» наблюдателя предусмотрено процедурой закрытого заседания, собрания, совещания для узкого круга посвященных.

Четвертую группу составляют диалоги, специально рассчитанные на массового наблюдателя. Это характерно для текстов массовой коммуникации. В данном случае наблюдатель является, с одной стороны, носителем социальной нормы, а с другой, – объектом взаимодействия, поэтому его роль в организации диалога максимально возрастает. Типичным примером такого диалога служит телевизионное интервью. Телевизионное интервью имеет признаки двойной адресации на всех уровнях организации текста: и на коммуникативном, и на семантическом, и на композиционном, и на прагматическом.

Таким образом, структура диалога с двойным адресатом подчинена фактору третьего лица – наблюдателя, присутствующего, слушающего, начиная от фазы

вступления в контакт до организации содержательной стороны диалога. Роль его при разговоре двоих разнообразна. Но слушатель (вольный или невольный) часто оказывает влияние на тот дискурс/текст, который говорящий строит для своего адресата.

3.4 Лингвистические особенности диалогического текста

Диалогический текст представляет собой особый функционально-семантический тип текста, который характеризуется как особенностями структуры, так и специфическими средствами выражения различных языковых значений.

Диалогический текст может быть различной протяженности. Но он всегда включает реплику-стимул и реплику-реакцию, и содержание этого текста определяется именно отношениями между репликой-стимулом и репликой-реакцией. Следует заметить, что есть определенные типы высказывания, диалогическая позиция которых закреплена. Так, к высказываниям, которые встречаются, как правило, в реплике-реакции, относятся, например, уточняющие вопросы, переспрос, экспрессивное отрицание, согласие/несогласие с мнением собеседника и некоторые другие.

Важная особенность диалогического текста заключается в том, что это обычно звучащий текст. Как показывают исследования в звучащем тексте максимально активизируется взаимодействие средств разных уровней языка, а именно: лексического состава, синтаксической структуры высказывания, интонации и смысловой связи с контекстом. Высказывания, входящие в состав диалога, отличаются значительным разнообразием, как с точки зрения их содержания – цели высказывания, так и с точки зрения соотношения средств выражения различных языковых значений.

Лингвистические и стилистические особенности диалогического текста определяются его принадлежностью к одному из функционально-стилистических типов текста, например, это может быть интервью, диалог из литературного произведения, фрагмент разговора, анкета или диалог из кинофильма. Специфика каждого из них определяется его содержанием. Так, интервью ставит перед собой цель получение конкретной информации о личности, интересной для многих людей, диалог-разговор характеризуется значительной вариативностью, которая зависит от социального статуса говорящих, их эмоционального состояния и многих других факторов. Все эти

особенности определяют специфику языковых средств, которые используются в данном тексте.

В диалогическом тексте, как в зеркале, отражаются особенности собственно языковой системы и особенности функционирования этой системы в живой речи. Поэтому диалогический текст всегда будет представлять интерес как объект лингвистического исследования.

Основные закономерности образования и функционирования диалогического текста в разных языках являются в значительной степени универсальными, при этом оттенки значения отдельных высказываний в составе текста, соотношение языковых средств, а также стилистические характеристики высказываний, имеющих общие ситуативные условия употребления, определяются типологическими особенностями языковых систем. Поэтому сопоставительные исследования диалогического текста дают прекрасный материал для размышлений.

Глава 4

Связанность вопросно-ответного диалога в русском и грузинском языках

В предыдущих главах мы постарались охарактеризовать теоретическую базу, позволяющую рассмотреть вопросно-ответные единства в сравнительном плане. Считаем априори, что эта проблема имеет универсальный характер и присуща каждому языку. Вопросительность как понятийная категория относится к языковым универсалиям. Универсальность вопросительности подтверждается тем, что она свойственна большинству языков мира. Понятийные категории в языкознании – это смысловые компоненты общего характера, свойственные обширным классам слов, выражаемые в языке разнообразными средствами. При системном подходе изучения понятийные категории рассматриваются в парадигматическом аспекте, т.е. с точки зрения их роли в формировании определенных понятийных полей и семантических оппозиций. При структурном подходе они рассматриваются в синтагматическом аспекте, т.е. с точки зрения их роли в формировании семантической структуры высказывания и текста. По мнению Кацнельсона С. Д., мыслительное содержание включает как минимум два слоя информации – внешнеситуационный (когнитивный, денотативный, референтный) и прагматический (субъективный, модальный, иллюкутивный, коммуникативный). Прагматическое содержание отражает соотношенность отражаемого факта с данным речевым актом и его компонентами – участниками коммуникации, временем и местом протекания речевого акта (Кацнельсон, 1972: с. 52).

Естественно, в каждом языке существуют отличия в плане выражения. В данной главе мы постараемся с опорой на конкретный материал охарактеризовать это языковое явление в русском и грузинском языках: рассмотрим основные средства выражения вопросительности, вопросно-ответные единства и атипичные случаи употребления вопросительных конструкций. Предлагаемая работа выполнена в русле структурного подхода к понятийной категории вопросительности в сравниваемых языках.

Материалом для анализа послужили лексические единицы, почерпнутые из русской и грузинской современной разговорной речи, а также литературных произведений.

Несмотря на огромный вклад ученых, лингвистическая проблема интерпретации вопросительности (соответственно и ответных конструкций) далека от завершающего

этапа, т. к. наблюдается асимметрия между формой и содержанием, проявляющаяся в речевой деятельности и не объясняемая категориями традиционного языкознания. В традиционном языкознании этому вопросу уделяется незначительное место, зато в теории речевых актов и в лингвопрагматике проблема вопросительности занимает значительное место.

Иллокутивные цели играют важную роль в построении диалогической речи, связанность которой обеспечивается их согласованностью: вопрос требует ответа, упрек – оправдания или извинения и т. п. Коммуникативный акт построен как двухвершинная система – отправитель и получатель. Диалог собеседников – активная форма взаимодействия двух людей, каждый из которых выступает как в роли субъекта общественно-коммуникативной деятельности, так и объекта. То есть попеременно выступают в роли слушателя и говорящего. Происходит смена коммуникативных ролей «говорящий – слушающий» и образуется вопросно-ответное взаимодействие, в котором может доминировать согласованность. Так возникает беседа, обсуждение. А может возникнуть и такое взаимодействие, в котором доминирует несогласие. Так возникает дискуссия, спор.

4.1 Вопросно-ответные единства в русском языке

Процесс общения между людьми, без которого невозможно существование человеческого общества, осуществляется при помощи обмена законченными мыслями. В русском языке существуют разнообразные типы предложений. Эта типология строится на основании учета разных признаков.

В синтаксической науке прошлого была выработана классификация предложений, которая основывалась на ряде принципов. Предложения было принято делить по следующим основаниям: по распространенности/нераспространенности; по полноте/неполноте замещения обязательных позиций членов предложения; по коммуникативной целеустановке; по составу и форме главных членов. Деление предложений по коммуникативной целеустановке появилось с самого зарождения учения о синтаксическом строе русского языка. Однако границы и характер понимания целеустановки и соответственно состав выделенных по этому принципу классов предложений в истории науки менялись. Как различающиеся целеустановкой типы предложений сначала рассматривались повествовательные, вопросительные и

восклицательные предложения (старая школьная грамматика); затем эта оппозиция строилась так: повествовательные, вопросительные и побудительные предложения (Грамматика русского языка АН, 1954); значительно позже противопоставление по данному признаку организуется как оппозиция вопросительности/невопросительности («Грамматика – 80»). Такое традиционное деление предложений по цели высказывания на вопросительные и невопросительные в то время было оправдано, т.к. синтаксис не выходил за пределы грамматических категорий. Но в настоящее время, с наступлением нового периода в русской лингвистической мысли, когда лингвисты вышли за пределы языкознания и обратились к смежным специальностям, с наступлением нового периода во взаимоотношениях лингвистики с логикой (относящейся с обостренным вниманием к смысловой стороне языка и речи) и обращение к прагматическому компоненту речевой деятельности привело к осознанию очень важной мысли – коммуникативное значение высказывания формируется под давлением целого ряда факторов: **роль говорящего субъекта, фактор адресата, речевая ситуация и т.д.** Конкретнее, коммуникативно-прагматический подход к рассмотрению повседневного общения сосредоточивает внимание на том, каковы речевые действия автора и его адресата в определенной ситуации, при определенных социальных признаках партнеров, при реализации тех или иных коммуникативных намерений, целей, задач говорящих; а также на том, с помощью каких языковых средств эти намерения, цели, задачи осуществляются, как достигается коммуникативная согласованность в действиях партнеров и какие речевые стратегии и тактики при этом используются. И говорящий субъект, и адресат вступают в коммуникацию не как глобальные личности, а в соответствующей каждому из них функции. В нормальной речевой обстановке параметры говорящего и адресата должны быть согласованы (начальник – подчиненный, учитель – ученик, муж - жена) или должны находиться в уравновешенных ситуациях (друзья, соседи, коллеги и т.д.), хотя иногда могут быть асимметризованы различиями в поле, возрасте и т.п. Но именно согласованность параметров собеседников обеспечивает правильное ведение коммуникации, рассогласованность же ведет к нарушению коммуникации (Арутюнова, 1981, с. 356 - 360). «Принцип сотрудничества», по П.Грайсу, предписывает соблюдение следующих категорий максим: 1) максима количества – «делай свой вклад в разговор настолько, насколько необходимо»; 2) максима качества – «говори правду»; 3) максима отношения – «будь релевантен»; 4) максимы манеры – «говори ясно», «говори коротко», «говори последовательно» (Грайс, 1985: с. 356). Данные требования являются коммуникативными обязанностями говорящего по отношению к адресату. Роль адресата

определяет социально-этикетную сторону речи (об этом мы довольно подробно говорили в предыдущей главе) и заставляет говорящего заботиться о ее организации. Коммуникативно-прагматический подход предполагает рассмотрение языка, прежде всего как орудия воздействия говорящего (пишущего) на адресата с определенными практическими намерениями и целями – интенциями. Интенция – это намерение что-то сделать.

Речевая интенция – это намерение совершить действие с помощью такого инструмента как язык (речь), т.е. существует речевое действие в коммуникативной деятельности, взаимодействии с партнером.

«Интенция как определенное психическое состояние человека находится в одном ряду с такими явлениями, как эмоция, желание, оценка, предпочтение, а также отношение – к действительности, к содержанию сообщения, к адресату. Психический мир отражается в языке как в называемых лексемах (словарь), так и в сообщениях адресату (речевой акт, дискурс)... Интенция имеет структурообразующее значение двойкой силы: с одной стороны, это своеобразный психический денотат соответствующей лексемы: *обещать, утверждать, отрицать, соглашаться, отказываться(ся)* и мн. др. С другой стороны, это мотивирующая и целевая установка воздействовать на адресата и взаимодействовать с ним с помощью высказывания: *Обещаю Вам..., Утверждаю это..., Соглашаюсь (я согласен) с Вашим мнением* и т.д.» (Формановская, 2000, с. 213-214). Интенция определяется мотивом и целью совершить действие. Мотив и цель речевой интенции образуют иллокутивную силу речевого акта – перформативного высказывания. В речи сложилось множество вариантов выражения интенционального значения в речевом акте при ориентации на коммуникативную ситуацию в целом и на адресата в частности. Современная действительность создает большое разнообразие коммуникативных ситуаций, накладывающих отпечаток на лингвистические и прагматические характеристики высказывания. Фактор адресата является весьма важным явлением для теории речевых актов, от которого в значительной степени зависит толкование высказывания. Даже в элементарном речевом акте указана его адресованность и провозглашается иллокутивная сила воздействия на адресата.

Интенции могут быть **благоприятными** (*похвала*) и **неблагоприятными** (например, *отказ*) для адресата; **практическими** (ведут к реализации высказываний, порождающих практические действия коммуникантов, например, *просьба, совет, обещание, разрешение, запрет...*) и **ментальными** (*ведут к размышлениям, рассуждениям, доказательствам, объяснениям, определениям* и т.д.), характерны для

научных дискурсов); **открытыми** и **скрытыми**; **репликообразующими** (находят выражение в единичном высказывании, например, интенции *рекомендовать, поздравлять, благодарить, приглашать...* реализуются с помощью единичного перформативного высказывания, воздействующего на адресата и призывающего его к взаимодействию) и **текстообразующими** (для реализации необходим дискурс/текст диалогического, например, *беседовать, спорить, дискутировать...* или монологического характера, например, *убеждать, уговаривать, описывать...*).

Известно, что не только отдельно взятая фраза выражает определенное коммуникативное намерение (интенцию), но и их сочетание, т.е. сверхфразовое единство, которое можно рассматривать как микродиалог, состоящий из двух-трех реплик. Главное в речевом общении то, что каждая реплика воспринимается не сама по себе, а как реплика, вмонтированная в прагматический комплекс. Сверхфразовыми единствами, характерными для диалогической речи, служат единства, компонентами которых являются вопросительные предложения – большой и неоднородный по формальной устроенности, семантике и коммуникативной функции класс предложений. Они отличаются от всех остальных предложений тем, что выражают особую форму мысли – вопрос. Вопрос – особая разновидность речевого поведения, который представлен богатейшей палитрой разнообразных интенций. Наша цель – выявить соотношение между намерениями (интенциями) говорящего и средствами выражения этой иллокутивной цели. На основе понятия иллокуции строятся различные классификации речевых актов. Количество и характер речевых актов в этих классификациях варьируется, но в них постоянно повторяется вопросительный речевой акт, так называемые рогативы, интеррогативы, квеситивы – вопросы, заданные собеседнику.

Так вопросительный речевой акт (рогатив, интеррогатив, квеситив) может выражать различные мотивирующие коммуникативные состояния (информативные – стремление получить информацию, фатические – желание продолжить или прервать контакт, эмоционально-оценочные – радость, печаль, удивление, недоверие и т. д., волевые – намерение вызвать желаемые действия партнера коммуникации) и иметь соответствующие этим мотивирующим состояниям коммуникативные цели (запрос информации; коммуникативная поддержка или поощрение партнера к дальнейшим речевым действиям; выражение оценки или эмоции; косвенная просьба или намек говорящего на желательность некоторого действия слушающего). Зарецкая считает вопросительную конструкцию общеязыковой, или лингвистической универсалией (Зарецкая, 2001). Лингвистические универсалии – это языковые явления, встречающиеся

во всех (или почти во всех) языках мира. Проявляться в речи любого носителя любого языка вне зависимости от времени и места коммуникации, может только то, что присуще человеку от природы. Потребность в вопросе существует в сознании любого человека от природы, это свидетельствует о том, что вопросительная конструкция является языковой универсалией.

Разграничить вопросительные конструкции порой бывает очень трудно, так как высказывание может быть вопросительным по форме, но не по содержанию, и наоборот, чтобы задать вопрос необязательно использовать вопросительную конструкцию с присущими ей компонентами (специфической интонацией, вопросительными словами и т.д.). То есть мы имеем дело с двумя типами вопросов: вопросами по смыслу и вопросами по форме. Коммуникативные намерения и формы высказывания находятся в следующем соотношении: вопрос по форме соответствует вопросу по смыслу; вопрос по смыслу не соответствует вопросу по смыслу; вопрос по смыслу не соответствует вопросу по форме. Хотя встречаются и перекрещивающиеся типы соотношения коммуникативного намерения с формой высказывания – высказывания с двумя иллокутивными целями: вопрос по форме может выражать как вопросительную, так и невопросительную иллокутивную цель; не вопрос по форме может выражать как невопросительную, так и вопросительную иллокутивную цель. В прямых речевых актах наблюдается соответствие коммуникативного намерения выбранной форме высказывания, в косвенных речевых актах же наблюдается асимметрия смысла и формы высказывания.

Традиционно по характеру коммуникативной функции вопросительные конструкции принято делить на собственно вопросительные и несобственно вопросительные. Иначе говоря, вопросительные речевые акты по стратегии осуществления, как иллокутивная сила, встречаются в прямых (вопросы по смыслу) и косвенных речевых актах (вопросы по форме), т.е. выступает в своих первичных и вторичных функциях. В своих первичных функциях вопрос направлен на поиск информации: говорящий желает получить определенные сведения от другого. Характер искомых сведений может быть различным. Это могут быть сведения **о деятеле** (- *Кто кричал? - спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу.* А.П.Чехов, «Хамелеон»), **о месте действия** (- *Где вы служите? – обратился к нему инспектор.* А.П.Чехов, «Экзамен на чин»), **о цели** (- *Послушай, Клим, зачем ты так гонишь лошадь?* А.П.Чехов.), **о ситуации в целом** (- *По какому это случаю тут? – спрашивает Очумелов.* А.П.Чехов, «Хамелеон»).

В прямых речевых актах для выражении вопросительности используются:

- вопросительные слова;
- специальная форма вопросительного высказывания (синтаксический строй);
- вопросительная интонация;
- особый порядок слов.

«Вопросительными называются предложения, в которых специальными языковыми средствами – частицами, порядком слов, особыми конструкциями, всегда в сопровождении соответствующей интонации выражается стремление говорящего узнать что-либо или удостовериться в чем-либо» (Белоусов ..., 1990: с. 461).

В прямых речевых актах говорящий стремится оказать определенное иллокутивное воздействие на слушателя путем использования таких языковых средств, иллокутивная сила которых легко опознается слушающим.

В косвенных речевых актах (в своих вторичных функциях) вопросительное высказывание может употребляться для выражения иных иллокутивных целей (например, для побуждения к действию, для привлечения внимания, для утверждения). Они имеют формальную устроенность вопросительного предложения, но не направлены на поиск информации. Косвенные способы выражения вопросительных речевых актов опознаются слушателем только с учетом всех параметров прагматической ситуации. Они выражают разнообразные модально-экспрессивные значения: а) вежливого побуждения (- *Не могли бы вы зайти за мной?*); б) эмоционально окрашенной констатации факта (- *А, так вы не уехали?*), в) риторического утверждения (- *Кто же не знает Ионыча?*) или риторического отрицания (- *Кто же так одевает детей?*) и др.

Проанализируем специфику прямых вопросительных речевых актов, когда говорящий для выражения своих иллокутивных намерений использует языковые средства, легко узнаваемые и соответственно интерпретируемые слушающим; проанализируем языковой механизм построения вопросительных конструкций. Тут уместно разграничить собственно вопросительные предложения от невопросительных конструкций с вопросительной иллокутивной целью и от вопросительных конструкций с невопросительной иллокутивной целью.

Собственно вопросительные предложения, в которых иллокутивная цель вопросительности выражена в прямых речевых актах, имеют различные дефиниции в лингвистической литературе. Рассмотрим некоторые из них.

Так Гвоздев А. Н. дает следующую характеристику вопросительных предложений, сосредоточив свое внимание на главных аспектах коммуникативного действия **вопрос – ответ**: «Вопросительные предложения служат для выражения обращенных к участникам речи вопросов в целях получения от них сведений, в которых нуждается говорящий. Вопросительные предложения являются выражением совместного добывания знаний, они характерны для диалога: вопрос предполагает ответ собеседника и дополняется им» (Гвоздев, 1973: с. 47).

Валгина Н. С. предлагает следующее определение вопросительных предложений: «Вопросительными называются предложения, имеющие своей целью побудить собеседника высказать мысль, интересующую говорящего, т.е. цель их познавательная» (Валгина, 1978: с. 214). Познавательная функция вопроса реализуется в форме ответа на поставленный вопрос.

Признаки коммуникативно-семантического и формально-грамматического характера приводит Л. Касаткин: «Вопросительное предложение служит для выражения вопроса, обращенного к собеседнику. С помощью вопроса говорящий стремится получить новые сведения о чем-либо, подтверждение или отрицание какого-либо предположения. Вопросительное предложение имеет свою грамматическую форму, которая представлена интонацией, вопросительными словами, вопросительными частицами, а на письме обозначается вопросительным знаком» (Касаткин, 2001: с. 655).

По определению Шведовой Н. Ю., «вопросительными называются предложения, в которых специальными языковыми средствами выражается стремление говорящего узнать что-либо или удостовериться в чем-либо. Вопросительное предложение, таким образом, информирует о том, что хочет узнать говорящий» (Шведова, 1980: с. 386). Н. Ю. Шведова все вопросительные предложения рассматривает в виде **структурных схем**. Структурные схемы в этой концепции записываются в виде символических формул, в которых определенными символами (латинскими буквами и сочетаниями букв обозначены компоненты схем по морфологическим признакам (часть речи, ее форма).

Автор данной концепции, наряду с понятием структурной схемы высказывания выдвигает понятие **регулярной реализации** структурной схемы. Регулярными реализациями, по Шведовой, называются системные видоизменения структурных схем, отличающиеся от «собственно схемы» измененной формой компонентов схемы, неполнотой или, напротив, некоторой расширенностью состава. Регулярные реализации могут быть обусловлены речевой ситуацией или не обусловлены; первые носят название конситуативно-обусловленных, вторые – конситуативно-необусловленных.

Конситуативно-необусловленные регулярные реализации по существу являются вариантами структурных схем.

Для изображения структурных схем вопросительных высказываний используется следующая элементарная символика:

Inter – вопросительное слово (вопросительное местоимение, наречие);

S – предложение любой структуры;

S1 – односоставное предложение;

S2 – двусоставное предложение;

Inf. – инфинитив;

N – имя;

D – детерминант ;

лексически незаменяемые словоформы вводятся в своем непосредственном виде.

В структурной схеме Inter S выделяются две разновидности в зависимости от того, какое место занимает вопросительное слово по отношению к составу схемы.

1) Предложение открывается вопросительным местоименным словом, занимающим место вынесенного вперед компонента структурной схемы простого предложения:

- Где вы служите? - обратился к нему инспектор.

А.П.Чехов, «Экзамен на чин».

- Ну, за что мы несчастного младенца швыряем с крыльца на крыльцо?.. И что он нам худого сделал?

А.П.Чехов, «Беззаконие».

- Кто кричал?

А.П.Чехов, «Хамелеон».

В непринужденной речи с вопросительным словом может сочетаться безударная вопросительная частица это:

- Что это ты говоришь?

2) Предложение открывается вопросительным словом – местоимением, наречием или наречным сочетанием с обстоятельственным или объективным значением, не входящим в схему простого предложения:

- Куда же вы? – ужаснулся Старцев, когда она вдруг встала и пошла к дому.

А.П.Чехов, «Ионыч».

- Как же, говорю, ты можешь так объяснять про господина судью?

А.П.Чехов, «Унтер Пришибеев».

И здесь обычны сочетания с безударной частицей это:

- *Когда это ты ее отвинтил?* А.П. Чехов, «Злоумышленник».

Регулярная конситуативно-обусловленная реализация этой схемы – предложения, состоящие только из вопросительного слова – одного или в сочетании с частицей:

- *Кто-то пришел?*

- Кто?

- *Я читала Писемского.*

- Что именно?

Структурная схема Inter Inf. Инфинитивное предложение, открывающееся вопросительным местоименным словом:

- Зачем врать?

- *Но отчего не послать, хотя ты и не веришь?*

А.П.Чехов, «Лошадиная фамилия».

-...Как она могла тебя укусить? – обращается Очумелов к Хрюкину.

А.П.Чехов, «Хамелеон».

Регулярная конситуативно-обусловленная реализация – конструкции, состоящие только из вопросительного слова, одного или в сочетании с безударной частицей это:

- *По какому полному праву тут народ стал собираться? – спрашиваю. Зачем (это)?* А.П.Чехов, «Унтер Пришибеев».

Структурная схема Inter N, открывающаяся вопросительными словами **как** или **что**, со следующей далее формой имени (именительным падежом или формой косвенного падежа с предлогом или без предлога) либо наречием:

- *Как в гимназии?* А.П.Чехов, «Человек в футляре».

- *Что здесь?.. – спрашивает он строго.* А.П.Чехов, «Хамелеон».

Фразеологизированные структурные схемы вопросительных конструкций строятся с участием фразеологизма с местоимением **что**.

Структурные схемы, не включающие вопросительных слов.

Структурная схема He S ли открывается отрицательной частицей далее следует двусоставное или односоставное предложение с частицей **ли** после актуализируемого слова, следующего непосредственно за отрицательной частицей; значение отрицания отсутствует:

- *Не влюблены ли вы?*

- Не правда ли, душенька?

А.П.Чехов, «Ионыч».

Эта схема обычна при риторическом вопросе. Она реализуется в своем основном виде.

Структурная схема Inf – собственно инфинитивная конструкция; значение – вопрос о предстоящем, о долженствовании:

- Начинать? Обедать?

- Сказать?

- Жениться? Никогда!

А.П.Чехов, «Жизнь в вопросах и восклицаниях».

С этой схемой могут сочетаться вопросительные частицы **ли, не ... ли, неужели, разве, что, что ли, что же:**

- Не начинать ли?

- Неужели начинать?

- Разве уже обедать?

- Что обедать?

- Жениться что ли?

Структурная схема A N (A Inf). Имя или инфинитив в обязательном сочетании с препозитивной вопросительной частицей **а** (реже в функции частицы **но**); значение – вводящий вопрос или вопрос-напоминание о том, о чем пойдет речь в дальнейшем:

- А Туркины? Иван Петрович не постарел, нисколько не изменился...

А.П.Чехов, «Дом с мезонином».

- А борьба со средой? Ужасно! А сомнения? А муки зарождающегося неверия в жизнь?

А.П.Чехов, «Загадочная натура».

- А читать? Вон сколько у тебя книг.

А.П.Чехов, «Ионыч».

Схема существует в своем основном виде.

С нашей точки зрения, перечисленные выше структурные схемы не охватывают все вопросительные предложения, встречающиеся в живой разговорной речи.

«Вопрос – это выраженная в вопросительном предложении мысль, направленная на уточнение или дополнение исходного, или базисного знания. В процессе познания любой вопрос опирается на какое-либо исходное знание, которое выступает его базисом, выполняя роль предпосылки вопроса» (Кириллов..., 2004: с. 107).

Для оформления вопросительного целевого назначения предложения в современном русском языке используются лексические, синтаксические и интонационные средства.

Главная роль в выражении вопросительности принадлежит интонации. Интонация (от латинского *întonatio* – «громко произносить») – важнейшая примета звучащей, устной речи, средство формирования и оформления высказывания, уточнения его коммуникативного смысла и эмоционально-экспрессивных оттенков. Это сложное явление, воспринимаемое как комплексное, включает в себя с акустической точки зрения частоту основного тона, спектр, интенсивность и длительность звучания. Интонация и тембр, по мнению Формановской, составляют фонд значимых фонаций, которыми мы широко пользуемся в общении. Налицо вся гамма чувств и весь спектр социальных и личностных отношений. Еще А. М. Пешковский писал о связи эмоции и интонации: «...выражение эмоциональной стороны речи... основная и, надо думать, исконная функция интонации. В то время как в значениях собственно звуковой стороны речи эмоциональная сторона почти не отражается, значения интонационной стороны на 9/10 заполнены ею. Стоит только вспомнить обилие восклицательных высказываний в нашей повседневной речи и их интонационное, особенно тембровое (а тембр, конечно, тоже часть интонации) многообразие, чтобы признать, что чувства наши мы выражаем не столько словами, сколько интонацией» (Пешковский, 1959: с. 177). На письме одним из способов фиксации интонации служат знаки препинания. Высказывания одинакового лексико-грамматического состава могут различаться интонационно, а вследствие этого и по смыслу (например: *Он пришел.* – *Он пришел?* – *Он пришел!*). Изменяется интонация – меняется коммуникативная установка высказывания и его смысл. В то же время возможно интонационное сходство высказываний, имеющих различный лексико-грамматический состав, например, вопросительных (*Ты пойдешь в школу? Ты напишешь письмо? Виктор купил книги?*) или повествовательных (*Мальчик попрос. Роза расцвела*). В зависимости от места логического ударения различаются высказывания, отвечающие на разные вопросы: - *Я вас люблю.* – *Как вы ко мне относитесь?*; - *Я вас люблю.* – *Кого вы любите?*; - *Я вас люблю.* – *Кто меня любит?*

Вопросительная интонация особенно сильно выражена в конструкциях, где отсутствуют другие средства оформления вопросительности. В таких конструкциях вопросительная интонация характеризуется выделением при произношении ударного слога слова, заключающего вопрос:

- *Никак гроза?*

- *Это кабинет?*

И, наоборот, при наличии других средств оформления вопросительности вопросительная интонация ослабляется и может совсем отсутствовать:

- Нельзя ли сейчас найти монтера поправить телефон?

- Который теперь час?

Такого рода вопросительные конструкции, хотя и произносятся без вопросительной интонации, однако сохраняют значение вопроса благодаря вопросительным словам. Если же выбрасываются вопросительные слова, то должна быть усилена вопросительная интонация:

- Нельзя сейчас найти монтера поправить телефон?

Вопросительность как иллюкутивная цель может быть выражена кроме интонации вопросительными местоименными словами: **кто, что, какой, каков, который, чей, сколько, где, куда, откуда, когда, насколько, почему, отчего, зачем, как;** вопросительными частицами: **ли, разве, неужели, что, что же, что ли, правда, неправда ль, так, ведь, верно.** Благодаря этим средствам любое невопросительное предложение может стать вопросом или переспросом. Это формальная устроенность предложения.

По формальной устроенности, а именно по характеру средств выражения вопросительности различаются:

- 1) вопросы, в которых вопросительность выражается специальными словами:
 - а) вопросительными местоимениями;
 - б) вопросительными частицами;
- 2) вопросы, в которых вопросительность выражается интонацией.

Рассмотрим вопросительные конструкции с вопросительными местоименными словами – вопросительными местоимениями и местоименными наречиями.

Особым грамматическим средством выражения вопросительного значения в предложении является употребление вопросительных местоимений: **кто, что, какой, который, чей, сколько, где, куда, откуда, когда, с каких пор, до каких пор, как, каким образом, зачем, почему, отчего и др.** Это особый тип вопросительных конструкций; местоименное слово, как правило, начинает собою высказывание и выражает неизвестное, искомое, требующее разъяснения. Местоименные вопросительные предложения требуют развернутого ответа. В ответе должны содержаться новые сведения о предметах, признаках, обстоятельствах.

Вопросительные конструкции могут быть оформлены при помощи вопросительного местоимения **кто** в разных падежах без предлогов и с предлогами, являющегося в предложении его главным или второстепенным членом:

- Котик тоже странная и - кто знает? – Быть может, она не шутит, придет, - и он отдался этой слабой, пустой надежде, и она опьянила его.

А.П.Чехов, «Ионыч».

Унижая, она изредка оборачивается и вмешивается в какой-нибудь разговор:

- Это вы про что? А? Кого ?

А.П.Чехов, «Ионыч».

- Кому вы купили билеты?

Местоимение **кто** не имеет форм грамматического рода и числа, предикат при нем в прошедшем времени стоит в мужском роде единственного числа, независимо от пола и числа лиц, о которых идет речь:

- Кто пришел?

- Кто из работниц сегодня заболел?

Вопросительность может оформляться при помощи местоимения **что** в разных падежах без предлогов и с предлогами, являющегося в предложении его главным или второстепенным членом:

- Что вы читали на этой неделе, пока мы не виделись? – спросил он.

- Чем вы нас порадуете? Чему учат в гимназиях?

А.П.Чехов, «Ионыч».

- Ну, чего дрожишь?

А.П.Чехов, «Хамелеон».

- Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства – и к чему тут это чиновничество?

А.П.Чехов, «Толстый и тонкий».

К конструкциям описанного типа относятся предложения с устойчивыми сочетаниями **что за, что такое**, обычно выступающими в роли сказуемого. К значению вопросительности в таких конструкциях может присоединяться значение оценки (обычно отрицательной):

- Что за народ?

- Что за дети?

- Ну, что вам за компания Шмага?

- Вот оно счастье, вот оно идет, подходит все ближе и ближе, я уже слышу его шаги. И если мы не увидим, не узнаем его, то что за беда? Его увидят другие.

А.П.Чехов, «Вишневый сад».

- Да что такое случилось? Говори толком!

А.П.Чехов, «Радость».

- Что же это такое? – проговорил я вслух.

А.П.Чехов, «Экзамен на чин».

При оформлении вопроса при помощи вопросительного местоимения **что** в прошедшем времени сказуемое и определение всегда ставятся в форме среднего рода единственного числа:

Местоимения **который** и **какой** отличаются друг от друга тем, что местоимение **который** предполагает в ответе указание на числовой порядок (**который** раз? – третий) или указание на один из нескольких предметов в порядке выбора (- *Которая книжка лучше? - Который из всех рассказов интереснее?*). Местоимение **какой** предполагает в ответе указание на качество предмета вообще (- *Какие вопросы его интересуют? – Политические.*). Местоимение **какой** в вопросительных конструкциях, заключающих в себе значение скрытого отрицания, по своему значению может приближаться к значению частицы и не указывать на какой-нибудь конкретный признак:

- *Ну, какие у вас с ним убеждения?*

- *Какая охота идти за человеком, которому самому есть нечего?*

- *Какой же смысл бежать от нее?*

А.П.Чехов, «Чайка».

Вопросительность оформляется и при помощи местоимения **каков**, которое не склоняется, но имеет формы грамматического рода и числа. В качестве относительного местоимения оно очень близко к местоимению **какой**, но употребляется только в роли сказуемого.

- *Поезд опоздал на два часа. Каково? Каковы порядки?*

- *Злодейка... какова? Какова?*

А.П.Чехов, «Вишневый сад».

Местоимение **чей** обозначает вопрос о непосредственной принадлежности. В качестве относительного местоимения оно употребляется главным образом в книжном и в поэтическом языке.

- *Чья собака?.. Чья это собака, спрашиваю?*

А.П.Чехов, «Хамелеон».

Местоимение **кой** в вопросительном значении встречается только в диалектной речи или в речи стилизованной:

- *А кой тебе годик?*

Н.А.Некрасов, «Крестьянские дети».

В косвенных падежах относительное местоимение **кой** (**кого, коих, коим...**) употребляется иногда в официальном книжном языке. Местоимение **кой** в XIX веке во всех формах, кроме форм именительного и винительного падежей единственного числа женского рода (**кая, кую**), употреблялось свободно.

Относительное местоимение **каковой** в современном русском языке почти не употребляется. В XIX веке это местоимение употреблялось в том же значении, в котором сейчас употребляется относительное местоимение **какой**.

Вопросительные местоимения могут употребляться в роли союзов и союзных слов в сложноподчиненных предложениях. Употребляясь в роли союзов и союзных слов, вопросительные местоименные слова полностью или частично утрачивают

вопросительное значение. Степень утраты вопросительности зависит от того, как реализуется союзная функция местоименного слова.

Вопросительные конструкции, заключающие в себе вопрос о каком-либо неясном для говорящего обстоятельстве, оформляются при помощи наречий **когда, с каких пор, до каких пор, где, куда, откуда, зачем, почему, отчего, как** и др.

- *Послушай, Клим, зачем ты так гонишь лошадь?* А.П.Чехов, «Пересолил».

- *Да ты знаешь, куда за такие политические слова тебя угнать может господин мировой судья?* А.П.Чехов, «Унтер Пришибеев».

- *Где доказательства, что это справедливо?* А.П.Чехов, «Крыжовник».

Среди простых синтаксически законченных конструкций есть предложения, выраженные одним словом или целым неразложимым словосочетанием, не распадающиеся на отдельные члены предложения и распространяющиеся при помощи пояснительных слов. Их называют словами-предложениями. Вопросительные слова-предложения выражаются утвердительными и отрицательными словами **да, нет, ничего, конечно, хорошо** и т.п., вопросительными частицами **неужели, ли, разве**, а также побудительной частицей **ну** в вопросительном значении и некоторые другие. Вопросительные слова-предложения произносятся с отчетливой вопросительной интонацией. Они могут выражать побуждение к ответу, действию.

- *Погляди на собаку... Ваша? Ну? ... Да?* А.П.Чехов, «Хамелеон».

Особым грамматическим средством выражения вопросительного значения является употребление вопросительных частиц **ли, ужели, неужели, разве**. Частица **ли** имеет чистое значение вопросительности:

- *Не прикажете ли вас домой приводить?*

- *Проводи! Домой желаю...* А.П.Чехов, «Маска».

Частицы **разве, неужели** кроме вопросительного значения выражают удивление, сомнение и пр., вносят в предложение оттенок неуверенности в положительном ответе:

- *Неужели они до сих пор с отчетом возьтятся? – подумал Пересолин.*

А.П.Чехов, «Винт».

- *Да разве братец ихний приехали? Владимир Иванович? - спрашивает Очумелов, и все лицо его заливается улыбкой умиления.* А.П.Чехов, «Хамелеон».

- *А разве то, что мы живем в городе в духоте, в тесноте, пишем ненужные бумаги, играем в винт – разве это не футляр?* Чехов, «Человек в футляре».

В разговорной речи может употребляться вопросительная частица **а**, которая всегда ставится в конце предложения, произносится с резкой вопросительной интонацией

и отделяется большой паузой от всего состава предложения. Эта частица может вносить значение усиленного побуждения к ответу:

- *Да ты здоров ли, а?*

- *Небось уже статский? А?*

А.П.Чехов, «Толстый и тонкий».

Особым средством оформления вопросительности является употребление в начале предложения слов **если** и **что, если**, утрачивающих в этом случае функцию союза и приобретающих значение вопросительной частицы. Такие вопросительные конструкции имеют оттенок условного значения, обычно они соединяются с предыдущим предложением при помощи союзов **а, но, однако**:

- *А что, если нам пойти в театр?*

Для оформления вопросительного целевого назначения в современном русском языке помимо выше перечисленных средств используется **порядок слов**. Существует мнение о том, что порядок слов в русском языке свободный, т. е. что за членами предложения не закреплено определенное место. Действительно, предикат может стоять то после подлежащего, то перед ним; некоторые виды обстоятельств и дополнения могут занимать разные места в предложении, способны отрываться от тех слов, с которыми связаны грамматически и по смыслу; даже определения, наиболее тесно связанные с определяемыми словами, могут располагаться и перед ними и после них. Однако, если и можно говорить об относительно свободном порядке слов, то лишь применительно к некоторым словесным комплексам. Предлоги, союзы, частицы всегда имеют определенное место в предложении. Другие слова допускают некоторую свободу в размещении, однако варианты их расположения тоже не беспредельны. Эти ограничения связаны с двумя причинами: структурной связанностью компонентов предложения и их смысловой значимостью. Порядок слов может изменяться в связи с необходимостью изменения смысла, акцентных качеств предложения и даже изменения его структурной характеристики, но в пределах сохранения общих структурных свойств предложения как синтаксической единицы. Порядок слов зависит от того, какую цель ставит перед собой говорящий (или пишущий), какую новую, важную для него информацию он хочет передать своим высказыванием. Это – целевая установка говорящего.

В литературном языке различаются сферы, обладающие разными нормами порядка слов. Более или менее строгими правилами словорасположения характеризуется письменная прозаическая речь. В стихотворной речи порядок слов

более свободен. Значительная степень свободы в расположении слов характерна для разговорной речи.

Различия в нормах словорасположения в названных сферах связаны с различием функций порядка слов. Обычно выделяют три основные функции порядка слов: **смысловую, стилистическую и синтаксическую**. Смысловая его функция заключается в том, что порядок слов служит для точной передачи смысла сообщения. Эта функция наиболее отчетливо проявляется при актуальном членении, т. е. при выявлении темы и ремы. Эту функцию порядок слов выполняет вместе с интонацией. Стилистическая функция порядка слов состоит в том, что инверсия используется для создания определенной стилистической окраски речи. Иногда обратный порядок слов придает высказыванию риторичность, торжественность. Синтаксическая функция порядка слов проявляется в том, что взаимное расположение слов относительно друг друга выступает как средство выражения синтаксических отношений. Нужно отметить, что между синтаксической и смысловой функцией порядка слов часто наблюдается взаимодействие.

Порядок слов может варьироваться в зависимости от коммуникативной задачи сообщения: при разном порядке слов смысл высказывания, его коммуникативная задача оказываются различными. Порядок слов и интонация (а именно место фразового ударения, или интонационного центра) действуют совместно. В кодифицированном литературном языке фразовое ударение автоматизировано, оно автоматически относится на конец предложения, на последнюю его синтагму. В соответствии с этим автоматизмом организуется и порядок слов: слова располагаются таким образом, чтобы фразовое ударение выделило новую информацию – ядро высказывания, или ремы. Такой порядок слов называется прямым (по Матезиусу, «объективным») порядком слов. Существует также обратный (по Матезиусу, «субъективный») порядок слов (или же инверсия), который обязательно сопровождается изменением места фразового ударения, автоматизм которого разрушается: оно помещается не в конце высказывания, а в начале или в середине его. Таким образом, новая информация всегда отмечается фразовым ударением – автоматизированным (при объективном порядке) или неавтоматизированным (при субъективном порядке). Прямой порядок слов лишен экспрессии, инверсированный – экспрессивно окрашен. Эти стилистические качества порядка слов определяют их различное использование в текстах разной функциональной принадлежности. Так,

стили научные, официально-деловые предпочитают прямой порядок слов; разговорная речь и речь художественная в избытке пользуются инверсией.

В вопросительных конструкциях порядок слов отличается большей свободой по сравнению с невопросительными конструкциями. Для вопросительных предложений в прямых речевых актах, выступающих в качестве первой части диалогического единства, характерна общая особенность разговорной речи – относительная свобода словорасположения. По мнению Шведовой Н. Ю., существуют более обычные и менее обычные способы расположения слов в вопросе (Шведова, 1980: с. 396).

В вопросительных конструкциях, в лексическом составе которых вопрос никак не выражен, т.е. нет вопросительных местоименных слов и частиц, средством оформления вопроса служит лишь интонация. Расположение слов в таких предложениях может оставаться тем же, что в повествовательных предложениях тождественного лексического состава, а может и изменяться, варьироваться:

- *Вы окончили курс в здешней гимназии.*

- *Вы окончили курс в здешней гимназии?*

- *Окончили вы курс в здешней гимназии?*

- *Курс вы окончили в здешней гимназии?*

- *В здешней гимназии вы окончили курс?*

- *В здешней гимназии окончили вы курс?*

А.П.Чехов, «Ионыч».

Но независимо от порядка слов в зависимости от того, в чем сомневается говорящий и что он хочет выяснить, выделяется интонационно. Интонационный центр вопроса может передвигаться и при неизменном порядке слов:

- *Вы напечатаете свои произведения в журналах?*

- *Вы напечатаете свои произведения в журналах?*

- *Вы напечатаете свои произведения в журналах?*

- *Вы напечатаете свои произведения в журналах?*

- *Вы напечатаете свои произведения в журналах?*

А.П.Чехов, «Ионыч».

Как видим, в этих предложениях одинаковый порядок слов, передвигается лишь интонационный центр вопроса и соответственно в зависимости от того, какое слово выделяется интонационно, мы будем иметь разные ответы.

Остановимся на порядке слов в предложениях, в которых вопрос оформляется не только интонационно, но и различными лексическими средствами. Конструкции, включающие вопросительные местоимения и наречия, начинаются именно с этих

вопросительных слов. Обычное положение вопросительных слов – первое место в предложении, соответственно перемещаются вправо от начала грамматические места других синтаксических компонентов. Порядок слов, следующих за начальным вопросительным местоимением или наречием, может быть различным, он может варьироваться: *Кто играет на пианино? Куда побежали дети? Где работает ваш брат?* Если местоимение в вопросе выступает в роли подлежащего, то обычно расположение синтаксических групп – обратное по сравнению со стилистически нейтральным порядком слов в невопросительных предложениях. Этот порядок слов в вопросе представляет как бы «зеркальное отражение» того порядка слов, который наблюдается в ответе: *На пианино играет Анна. Дети побежали в сад. Мой брат работает на заводе.*

Если в предложениях с местоименным вопросительным словом интонационно выделяется глагол-сказуемое, то оно обычно выносится в конец предложения: *Кто на пианино играет? Куда дети побежали? Где ваш брат работает?*

В вопросительных предложениях с вопросительными местоименными словами **где, куда, откуда, когда, зачем, как, сколько, какой, чей, кто, что** и т.д. порядок слов, следующих за вопросительным словом, зависит от способа выражения подлежащего. Если подлежащее выражено личным местоимением, «зеркальное» расположение слов нарушается, подлежащее при этом следует за вопросительным словом, предшествуя группе сказуемого: *Где вы служите? Куда вы собираетесь поехать?* (Перестановка местоимения в конец означает его усиленное выделение: *Что сделал ты – другие меня не интересуют?* Это расположение не свойственно стилистически нейтральной речи, оно экспрессивно). В этих случаях отличие порядка слов вопросительного предложения от порядка слов невопросительного (ответного) предложения состоит в том, что на первое место выносится вопросительное слово, остальные слова располагаются в вопросительном предложении в том же порядке, что и в повествовательном:

- *Откуда вы узнали о результатах конкурса?*

- *Я узнал о результатах конкурса из газет.*

При наличии обстоятельства в таких предложениях расположение слов оказывается таким же, но обстоятельство занимает конечное положение, а не начальное, как в ответном:

- *Куда вы собираетесь поехать летом?*

- *Летом мы собираемся поехать на море.*

В стилистически нейтральной письменной речи в вопросительных предложениях с частицей **ли** слово, за которым непосредственно следует эта частица, ставится в начале предложения: *Ты ли это? Голубчик мой! Не правда ли, душенька? Мыслят ли животные?* Выделяя сказуемое частица **ли** стоит после глагола в спрягаемой форме: *Сможешь ли ты пойти туда завтра?*

Порядок слов в этой части предложения, которая следует за частицей **ли**, подчиняется правилу: если подлежащее не выражено личным местоимением, порядок слов в вопросительном предложении оказывается «зеркальным» по отношению к порядку слов повествовательного предложения:

Эксперимент поставлен правильно.

1 2 3

Правильно ли поставлен эксперимент?

3 2 1

Если же подлежащее выражено личным местоимением, оно следует за частицей **ли** и подобный порядок слов нарушается:

Правильно ли вы поставили эксперимент? Пара ли он тебе?

Вопросительные частицы **разве, неужели** располагаются в предложении на том же месте, что и вопросительные местоимения и наречия – начинают предложение или следуют сразу за обращением, расположенным в начале вопроса:

- Неужели начинать? Разве уже обедать? - Разве так можно ходить?

- Друг, разве может не нравиться Кавказ?

Частица **а** прибавляется к концу предложения и не влияет на порядок слов:

- Да ты здоров, а? - Небось уже статский, а?

В непринужденной разговорной речи вопросительные местоименные слова, словоформы с частицей **ли** и **не ... ли**, частицы **что, что же, разве, неужели** могут быть расположены не только в начале, но и в середине и в конце предложения: *У вас номер какой? А он не сказал разве? Вы сколько хотите получить за работу? Пришли вы откуда? Он тебе пара ли?*

Итак, порядок слов выступает как «организатор» высказывания, выступает как одно из средств выделения, подчеркивания нужного слова. Выделение положения осознается благодаря их противопоставлению невыделяемым. В предложениях, в которых выделение слов достигается другими конструктивными элементами (интонация, специальные частицы), роль порядка слов резко снижается. Он выступает как дополнительное, но определяющее средство выделения.

Таким образом, мы рассмотрели основные средства выражения вопросительного значения. Интонация, вопросительные частицы, местоименные вопросительные слова либо оформляют вопросительное предложение в целом (общевопросительная функция), либо выделяют то слово, которое называет предмет вопроса (частновопросительная функция). В первом случае мы имеем общевопросительные предложения (**общие** вопросы), направленные на получение информации о ситуации в целом, а во втором – частновопросительные предложения (**частные** вопросы), направленные на получение информации не о ситуации в целом, а о каком-нибудь одном аспекте этой ситуации, не известном говорящему – о деятеле, о признаке, о тех или иных обстоятельствах. Частновопросительные предложения требуют сообщения новой информации, тогда как ответом на общевопросительные предложения обычно являются «да» или «нет» (Шуба, 1999: с. 66). Средством выражения вопроса в общих вопросах служат особая интонация и вопросительные частицы **ли, не...ли, разве, неужели** и др.). Средством выражения вопроса в частных вопросах служат вопросительные слова: **кто, что, где, куда, откуда, почему, зачем, какой, который, чей** и т.д.

По формальному строению вопросительные предложения или совпадают с невопросительными или строятся по собственным синтаксическим образцам. Невопросительные предложения могут быть преобразованы в вопросительные либо только изменением интонации, либо посредством изменения интонации и замены невопросительного слова вопросительным местоименным словом, либо посредством изменения интонации и введения вопросительных частиц. Вопросительные предложения, образованные на основе невопросительных, имеют четырехчленную парадигму: три формы синтаксического индикатива и форму сослагательного наклонения: *Где вы служите? Где вы служили? Где вы будете служить? Где вы служили бы?* Для вопросительных предложений не характерны обособленные обороты, они проявляют избирательность к вводным словам и модальным частицам (используются модальные частицы, служащие для усиления, подчеркивания: **ну, ну и, да, так, так и, же, и, это, ведь, уж**).

Среди вопросительных предложений, построенных по собственным синтаксическим образцам, Н.Ю.Шведова выделяет: 1) предложения с лексически свободными компонентами: состоящие из лексически свободных компонентов или имеющие наряду со свободным лексически ограниченный компонент, и 2) предложения фразеологизированной структуры.

К предложениям, имеющим лексически свободные компоненты, относятся, во-первых, инфинитивные предложения, во-вторых, некоторые предложения, строящиеся с именительным падежом существительного в сочетании с частицами или местоименными словами. Для инфинитивных вопросительных предложений малохарактерно распространение, они не имеют формоизменения, в их состав могут входить частицы.

Предложения, строящиеся с именительным падежом существительного в сочетании с союзной частицей **а**, имеют значение вопроса-напоминания о существенном, с чем-либо связанном и чему-либо противопоставляемом. Такой вопрос обычно открывает собою текст. В том же значении могут употребляться и предложения, в которых позиция именительного падежа замещается инфинитивом.

К предложениям фразеологизированной структуры относятся, во-первых, предложения, в состав которых входят устойчивые сочетания, выполняющие функцию вопросительных частиц, во-вторых, предложения, строение которых не может быть объяснено современными синтаксическими правилами.

Значит, вопрос представляет собой особую разновидность речевого поведения, сущность которого заключается в желании познания; удовлетворение этого желания является **ответом**. «Ответ – новое суждение, уточняющее или дополняющее в соответствии с поставленным вопросом исходное знание. Поиск ответа предполагает обращение к конкретной области теоретических и эмпирических знаний, которую называют областью поиска ответов» (Кириллов..., 2004: с. 107). Полученное в ответе знание может служить базисом для постановки новых, более глубоких вопросов о предмете исследования.

Постановка вопроса и поиск информации для ответа составляют **вопросно-ответную форму развития знаний**. Хорошая вопросно-ответная система часто должна давать ответ, содержащий больше информации, чем эксплицитно предполагалось в вопросе. Однако она не должна предлагать такие сведения, в которых говорящий не нуждается или выдавать слишком много информации. Как мы уже говорили выше, познавательная функция вопроса реализуется в форме ответа на поставленный вопрос. При этом по содержанию и структуре ответ должен строиться в соответствии с поставленным вопросом. Лишь в этом случае он может расцениваться как релевантный, т. е. как ответ по существу поставленного вопроса, выполняющий свое основное назначение – уточнить неопределенную либо доставить новую информацию. Ответы, содержательно не связанные с вопросом суждения, являются неуместными. Вступая в диалог, говорящий преследует цель - получить

некоторую информацию. Для осуществления своей цели он намечает некоторый план, предусматривающий обращение с вопросом к лицу, ответ которого даст нужную информацию. После этого он приступает к осуществлению своего плана, задавая вопрос. Нам необходимо наши планы, цели и действия соотносить с языком.

Ответы могут быть: **краткими и развернутыми; полными и неполными; точными и неточными; прямыми и косвенными; истинными и ложными.**

По грамматической форме ответы могут быть **краткими и развернутыми.** Краткие – это односложные утвердительные или отрицательные ответы, «да» или «нет». Краткие ответы, как правило, дают на простые вопросы (- *Не пригласить ли на консилиум Ионыча?* А.П.Чехов, «Ионыч». – «Да» – краткий положительный ответ; «Нет» – краткий отрицательный ответ). Развернутые – это ответы, в каждом из которых повторяются все элементы вопроса. Развернутые ответы принято давать на сложные вопросы, поскольку односложные ответы в этом случае нередко оказываются двусмысленными. (- *Не пригласить ли на консилиум Ионыча?* – «Да, надо пригласить на консилиум Ионыча» - развернутый положительный ответ; «Нет, не стоит приглашать Ионыча на консилиум» - развернутый отрицательный ответ).

По объему представленной в ответе информации ответы могут быть **полными** или **неполными.** Полный ответ включает информацию по всем элементам или составным частям вопроса. (- *Какие вы мне вещи приносили и когда, позвольте вас спросить?* – *набросилась на него Паша.* А.П.Чехов, «Хористка». Полным будет следующий ответ – «*Я всегда приносил вам золотые украшения.*» Неполным же будет ответ – «*Вещи...Я приносил золотые украшения,*» так как он не содержит информации о времени совершения действия. Таким образом, неполный ответ включает информацию относительно отдельных элементов или составных частей вопроса.

Ответы могут быть **точными (определенными) и неточными (неопределенными).** Существует логическая зависимость между вопросом и ответом, качество ответа во многом определяется качеством вопроса. Каков вопрос, таков и ответ. На двусмысленный и расплывчатый вопрос трудно получить ясный, четкий, определенный ответ. Чтобы получить точный и определенный ответ нужно задать точный и определенный вопрос. Под точностью и определенностью мы имеем в виду логическую (понятийно-структурную) характеристику вопроса, которая выражается в точности употребления понятий и вопросительных слов, а также в разумном использовании сложных вопросов. Неточность вопросов выражается в двусмысленном употреблении понятий и вопросительных слов. Неопределенность в ответах может быть результатом

неясности понятий, используемых при постановке вопроса. Точность ответа на вопросы с местоименными вопросительными словами: **кто, что, когда, как** и т.д. зависит от степени определенности вопросительных слов, которые сами по себе, без учета ситуации и контекста, не отличаются достаточной определенностью. Например, в вопросе типа «*Кто открыл Америку?*» под словом **кто** подразумевается личность, но не ясно, по какому признаку она должна быть выделена: по национальной принадлежности, по профессии, по возрасту, по имени и т.д. Уточнения требуются и для слов: **когда** – эпоха, век, год, месяц, число; **где** – континент, страна, область, город, географические координаты и т.д. Особые трудности возникают и при ответах на сложные вопросы. Неопределенность возникает в случае краткого утверждения на вопрос типа: «*Мороженное полезно или питательно?*». При ответе «*Да*» не ясно, что имеет в виду собеседник (*Мороженное полезно и питательно; Мороженное полезно, но не питательно; или же Мороженное не полезно, но питательно*). Неопределенность кратких ответов снимается развернутым ответом.

Прямые и **косвенные** ответы различаются областью их поиска. Прямой ответ взят непосредственно из области поиска ответов, при конструировании которого не прибегают к дополнительным сведениям и рассуждениям. Косвенный ответ получают из более широкой области, нежели область поиска ответа, и из него лишь выводным путем можно получить нужную информацию. Например, прямым ответом на вопрос: «*Когда вы родились?*» будет: «*Я родился в 1975 году*». Косвенным же будет следующий ответ: «*Я родился через четыре года после рождения моего брата, которому вчера исполнилось 22 года*».

По семантическому статусу, т.е. по отношению к действительности ответы могут быть либо **истинными**, либо **ложными**. Если выраженное в ответе суждение правильно или адекватно отражает действительность, то оно расценивается как истинное. Если выраженное в ответе суждение неверно, или неадекватно отражает положение дел в действительности, то ответ расценивается как ложный. Если в качестве ответа приводят хотя и истинные, но содержательно не связанные с вопросом суждения, такие ответы расцениваются как ответы не по существу.

На основе:

- 1) характера и объема той информации, которая ожидается в ответе;
- 2) осведомленности говорящего о том, что спрашивается;
- 3) ожидаемого ответа

устанавливаются первичные функции вопросительных высказываний.

В зависимости от характера и объема сведений, которые хочет получить говорящий в ответе, различают **общие, частные и альтернативные (разделительные)** вопросы (Шведова, 1990: с. 461 - 462). Так называемые альтернативные (разделительные) вопросы, предоставляющие слушателю возможность выбора, оформляются при помощи союза **или**:

- *Ты идешь в цирк, на концерт или в театр?*

- *Есть у вас ко мне претензии или нет?*

Такие вопросы предполагают в ответе выбор одной из двух или нескольких возможностей, о которых говорится в вопросительном предложении.

В непринужденной разговорной речи к вопросу могут присоединяться частицы, побуждающие к ответу: **а, правда, а правда, не правда ли, так, так ведь, не так ли**. Частица **а** ставится в конце предложения (- *Ты скажешь, наконец, а?*). Частицы **правда, а правда, не правда ли, так, так ведь, не так ли** выражают побуждение к положительному ответу – к согласию с мнением или намерением говорящего или к подтверждению содержащегося в вопросе предположения (- *Вы придете, не так ли? - Все это очень странно, правда?*). Частицы, побуждающие к положительному ответу, могут употребляться совместно с частицей **ведь**, открывающей собою предложение и вносящей значение уверенного предположения. Частицы **так, так ведь, не так ли** ставятся в конце предложения. Обычное место частиц **правда, а правда, не правда ли** конец предложения, хотя могут находиться в середине или в начале.

Вопросительные высказывания неоднородны и с точки зрения характера ожидаемого ответа: В зависимости от ожидаемого ответа вопросительные конструкции делятся на две группы:

а) вопросы, требующие ответа-подтверждения или ответа-отрицания, т. е. ответ может подтверждать или отрицать истинность чего-либо:

- *Мой муж у вас? – спросила она, наконец...*

«Да» или «Нет» (в зависимости от ситуации). А.П.Чехов, «Хористка».

- *Тебе больно? - спросил он.*

- *Нет.*

С синтаксической точки зрения это вопрос типа «да/нет», обращенный к знаниям говорящего. Вопросительность в них выражается частицами или интонацией:

- *Богат? Женат? Небось уже статский? А?*

А.П.Чехов, «Толстый и тонкий».

б) вопросы, требующие в ответе информации, сообщения о том, что спрашивается:

- *Милый, который теперь час будет?* – спрашивает он.

- *Десятый.* А.П.Чехов, «Тоска».

Вопросительность в них выражается вопросительными местоимениями:

- *Откуда ты взялся?*

- *Служишь где?*

- *Почему тут?* А.П.Чехов, «Толстый и тонкий».

С точки зрения ожидаемого ответа следует особо выделить две группы высказываний.

1) Высказывания со словами *много/мало, далеко/близко, часто/редко, давно/недавно, долго/недолго, скоро/нескоро*, т.е. со словами максимально обобщенных значений, требующие в одних конституциях ответа-подтверждения или отрицания, в других – ответа, содержащего конкретную информацию о том, что спрашивается?

- *Вы давно знакомы с ним?*

- *Да.* А.П.Чехов, «Ионыч».

- *Давно я заснула?*

- *Две минуты назад.*

2) Высказывания с местоименными словами, выражающие желание получить информацию о том, что вызывает беспокойство, опасение:

- *Чем-то он завтра меня порадует?*

Такие вопросы говорящий часто ставит сам перед собой. Ответы на них имеют характер догадок, предположений или констатации невозможности получить информацию.

Когда говорящий задает единичный вопрос и получает на него ответ, он в случае необходимости может задать еще один вопрос и получить на него ответ и т. д. Таким образом, получается вопросно-ответное сверхфразовое единство.

Однако, желая узнать что-либо, говорящий может задавать не только отдельные, единичные вопросы, но и несколько вопросов подряд, не дожидаясь ответа на каждый из них. Ответ в этом случае следует на все вопросы сразу. Отдельные вопросы внутри таких групп объединены по смыслу: либо вся группа служит для выражения нескольких связанных между собой мыслей, либо вся группа в целом выражает одну мысль. Каждый вопрос, входящий в состав такой группы, имеет свою собственную интонацию, в то же время все вопросы, входящие в подобную группу, интонационно связаны между собой. При этом интонация отдельного вопроса в составе группы отличаться от интонации того

же вопроса, употребленного вне группы, выступающего в качестве единичного вопроса. Подобные группы могут состоять из различного количества вопросов. Вопросы, входящие в состав таких групп, могут быть выражены как полными, так и эллиптическими формами. Первый вопрос такого единства – главный, по своему содержанию он выражает какую-либо мысль в общих чертах. В последующих вопросах эта мысль конкретизируется, в них уточняется, что именно хочет узнать говорящий; они как бы указывают направление ответа. Основной вопрос такого единства в большинстве случаев выражается вопросительным высказыванием с вопросительным словом, конкретизирующие вопросы же – предложениями без вопросительного слова, т.к. они выражают вопрос, по своему характеру более конкретный, чем высказывания с вопросительным словом. Серия однотипных вопросов требует однотипных ответов.

Вопросы, являясь часто репликами вопросно-ответного диалогического единства, делятся на две группы в зависимости от предполагаемых ответов: открытые и закрытые вопросы. Закрытые – предполагают неразвернутые ответы типа «да» или «нет». Они обычно используются для подтверждения предварительной договоренности или при дефиците времени, они ограничивают собеседника. Открытые же вопросы используются при необходимости получить подробный ответ, обычно они начинаются с вопросительных слов:

- Есть у вас ко мне претензии? (закрытый вопрос)

- Какие у вас ко мне претензии? (открытый вопрос)

Все вопросы в прямых речевых актах объединены общей иллокутивной целью – желанием говорящего получить информацию, но они различаются некоторыми нюансами: вступительные вопросы обычно используются в начале беседы, подтверждающие вопросы задаются с целью достижения взаимопонимания, контрольные вопросы помогают проверить, слушает ли говорящего собеседник, провокационные вопросы необходимы для истинных намерений собеседника, заключающие вопросы используются для завершения разговора.

С точки зрения психологических нюансов вопросительные предложения делятся на «мягкие» и «жесткие». Языковая форма воплощения при этом остается совершенно идентичной, но существенно меняется интонация. «Жесткие» вопросы характерны для начальников, военных, следователей, прокуроров и т.д. «Мягкие» вопросы употребительны в обращении с детьми, пожилыми и т.д.

В конце анализа прямых вопросительных речевых актов необходимо отметить, что вопросительность как иллокутивная цель и вопросительная форма высказывания

соответствуют друг другу лишь в прямых речевых актах. В оформлении вопросительных конструкций в прямых речевых актах главенствующая роль принадлежит интонации. В соответствующей ситуации вопросительная интонация не только легко превращает повествовательное предложение в вопросительное, но еще она же регулирует деление вопросительных конструкций на общевопросительные и частновопросительные. В частновопросительных предложениях интонация достигает кульминации именно на участке, подлежащем выяснению, т.е. логическое ударение подчеркивает ту часть вопроса, ответ на которую составит рему ответной реплики. Кроме интонации языковой механизм вопросительности проявляется в подборе специальных вопросительных слов и особого порядка слов.

Вопросно-ответные единства в русском языке

тип вопр. предлож.	характер искомой информации	тип предполагаемого ответа	средства выражения вопросительности		
			спец.лексические средства	конструкции	интонация
1. Общие вопросы (наводящ. или констатир. вопросы)	направлены на получение информации о ситуации в целом не направлены на поиск инфор.	закрытые ответы: «да» или «нет» подтверждение или отрицание позиции адресанта «да» или «нет»	1) отсутствуют спец. вопросит. слова 2) в разгов. речи присоединяются частицы, побужд. к ответу: а, (а) правда, не правда ли, правда. не так ли, так ведь, так *3) воз-но употр. вопр. частиц ли, не...ли, разве, неужели, что же, как , вносящих различн. оттенки	схожи с повествовательными; порядок слов может варьироваться в зависимости от смыслового центра обычно стоят в конце констр., но некот. (правда, не правда ли, ведь) могут находиться в середине или в начале предл. част. разве, неужели быч-но стоят внач. предл., как, что же – внач., не... ли обрамляет рему вопроса	интонац. центр выделяет слово, обозначающее то, о чем спрашив-ся; если нет логич. центра интонация восходящая; спец.вопр. интонация
2. Частные вопросы	направл. на получ. информ. о каком-нибудь аспекте этой ситуации: о месте, времени, цели, качестве, колич., о деятеле и т.д.	требует сообщения новой информ. соответствующей вопросит. слову	спец. вопросит. слова: где, куда, откуда, когда, кто, что, какой, который, чей, сколько, почему, зачем, как ...	1) на I месте вопр. слово, соответ-но перемещ. вправо от нач.грам. места др. синтак. комп-ов 2) если подл. выраж. лич. мест то оно следует за вопр. словом, предшествуя группе сказ-ого	1) интонац. центр на вопросит. слове; 2) интонация нисходящая
3. Альтернативные вопросы (разделит.)	используются для установления альтернативности	предполагает в ответе выбор одной из двух или нескольких возможностей, о кот. говорится в вопр. предл.	1) союз или 2) а также спец. вопросит. слова	обязательно наличие синтагматич. членения; или разделяет члены тематич. ряда	1) логич. удар. на слове, кот. интер. говор.; 2) интонация нисходящая 3) при налич. вопр. слова интон. центр на вопр. слове

* Мы отнесли такие вопросы к общим по типу предполагаемого ответа.

Косвенные вопросительные речевые акты. При определении феномена вопросительности нельзя не коснуться основного и не основного значения вопроса, т.е. косвенных или непрямых речевых актов. Мы уже рассмотрели прямые вопросительные речевые акты. Теперь постараемся охарактеризовать косвенные речевые акты, особенность которых заключается в том, что иллюкутивная цель в них выражается имплицитно и воспринимается адресатом благодаря его коммуникативной компетенции. Коммуникативная ситуация накладывает отпечаток на лингвистические и прагматические характеристики высказывания в ситуации, когда блокируются условия успешности, характерные для данной формы, высказывание выполняет иную, косвенную коммуникативную функцию, которая определяется актуальной ситуацией.

Одной из наиболее интересных проблем, с которой столкнулась теория речевых актов, является проблема косвенных речевых актов, представляющая большое поле деятельности для исследователей. Косвенные высказывания коммуникативных намерений говорящего рассматривались лишь как стилистические приемы. С развитием философии языка и теории речевых актов они получили иное освещение.

Понятие косвенного речевого акта основывается на противопоставлении первичного (буквального) и вторичного (коммуникативного) значения языковой формы. Дж.Ф. Аллен и Р.Перро косвенными речевыми актами называют «предложения, которые на первый взгляд означают одно, а при их восприятии интерпретируются так, как будто они означают нечто другое» (Аллен..., 1986: с. 323).

«Проблема косвенных речевых актов заключается в выявлении того, каким образом говорящий может с помощью некоторого высказывания выражать не только то, что оно непосредственно означает, но и нечто иное. И поскольку значение высказывания состоит отчасти в намерении добиться понимания у слушающего, упомянутая проблема сводится во многом к вопросу о том, каким образом становится возможным понимание слушающим косвенного речевого акта, когда слышимое и понимаемое им предложение означает еще нечто большее» (Серль, 1986: с. 196).

Употребление вопросительных предложений в значении просьбы, требования, угрозы, запрета, предположения и т.п. – феномен, известный достаточно давно. Традиционная грамматика практически не уделяла внимания проблематике косвенных речевых актов. А если они и обсуждались, то рассматривались именно в связи с вопросительными предложениями, которые, как утверждалось, часто могут употребляться в переносном значении требования, просьбы, угрозы, запрета и т. п. Практически при этом предполагается (эксплицитно или имплицитно), что

вопросительное предложение может иметь два типа значений на уровне семантического описания: основное – прямое значение вопроса и переносное значение (просьба, требование и т.д.).

В теории речевых актов большое внимание уделено косвенным речевым актам. Анализ иллокутивной силы высказывания показал, что тип предложения и тип речевого акта отнюдь не являются одинаковыми сущностями, и один и тот же речевой акт может быть реализован посредством нескольких различных предложений. При расхождении между буквальным значением и так называемым коммуникативным смыслом высказывания, по мнению Р. Конрада, возникает целый ряд конкретных вопросов:

- Каковы причины того, что вопросительные предложения часто употребляются в значении просьбы или требования?
- Сохраняется ли при косвенном употреблении исходное вопросительное значение или оно полностью вытесняется императивным значением?
- Как вообще возникает косвенное значение предложения? Какие факторы или условия являются для этого решающими и какие содержательные отношения необходимо установить для понимания и адекватного описания косвенных употреблений?
- Является ли вообще описание подобных феноменов чисто лингвистической задачей или для этого необходима какая-то дополнительная информация?
- Какую роль при этом играют механизмы семантического вывода, имеющие решающее значение для всей интеллектуальной деятельности человека? и др. (Конрад, 1985: с. 350).

По мнению Дж. Р. Серля, теория речевых актов дает простое объяснение того, каким образом предложения, обладающие одной иллокутивной силой в качестве части их значения, могут использоваться для осуществления акта, у которого другая иллокутивная сила (Серль, 1986: с. 164). Для каждого типа иллокутивного акта имеется набор условий, необходимых для успешного и уместного осуществления акта. Серль в своей статье «Косвенные речевые акты» разбирает типовые примеры употребления вопросительных предложений с иными коммуникативными намерениями. Он придерживается мнения о том, что косвенное значение является производным от прямого значения вопросительного предложения, однако он считает, что собственно-вопросительное значение в предложениях косвенного вопроса все же сохраняется и тем самым он отказывается присоединяться к широко распространенному мнению о

том, что в подобных случаях вопросительное значение полностью исчезает. Интерпретацию предложений как косвенных речевых актов Серль связывает с более общими закономерностями, рассматривая ее как результат определенных операций логического выбора. Решающее значение для интерпретации высказывания как косвенного речевого акта имеют параметры речевой ситуации. В значительной степени толкование высказывания зависит от фактора адресата (выше уже говорилось о необходимости согласованности говорящего и слушающего). Но главное то, что в речевом общении каждое высказывание воспринимается не само по себе, а как реплика, вмонтированная в прагматический комплекс.

Характеристика речевых актов, как отмечает Н. Д. Арутюнова, обычно дается через их сопоставление с пропозицией, значение речевого акта не сводится к значению входящего в него пропозиционального содержания. Одна и та же пропозиция способна входить в разные речевые акты: *Я покажу тебе* – может быть обещанием, сообщением, угрозой. Понимание речевого акта, обеспечивающее адекватную реакцию, предполагает правильную интерпретацию его иллокутивной силы. Последняя определенным образом взаимодействует с пропозицией, например, побуждения и обязательства могут включать только пропозиции, относящиеся к плану будущего. Их цель – создать такое положение вещей, которое соответствовало бы значению пропозиции. Они направлены от пропозиционального содержания к действительности. Пропозиции характеризуются условиями истинности, а речевые акты – условиями успешности, несоблюдение которых ведет к иллокутивным неудачам. В одних случаях для эффективности речевого акта необходима определенная социальная ситуация (приказ, приговор и т.п. имеют силу только в устах людей, наделенных соответствующими полномочиями и опираются на социальные институты). В некоторых ситуациях совершенно одинаковые по структуре и интонационному рисунку фразы воспринимаются как разные с функциональной точки зрения. Условия успешности предполагают, что адресат способен опознать иллокутивную силу речевого акта, которая должна в нем быть вербально или невербально выражена. Однако существует большая категория косвенных речевых актов, иллокутивная цель которых присутствует имплицитно и выводится адресатом благодаря его коммуникативной компетенции.

Рассмотрим типичные случаи косвенного употребления вопросительных высказываний. Здесь следует разграничить **вопросительные по форме конструкции, используемые для выражения иных иллокутивных целей, и утвердительные и**

побудительные конструкции, служащие для выраженной вопросительной иллокутивной цели.

Несмотря на то, что вопрос признается языковой универсалией, соотношение между вопросительностью как иллокутивной целью и формой ее выражения в разных лингво-культурных общностях имеет свои устоявшиеся стереотипы. В своих вторичных функциях вопросительные предложения ориентированы не на получение ответа, а на передачу позитивной информации. По мнению Шведовой, эта информация всегда экспрессивно окрашена. Анализ эмпирического материала позволил выделять следующие типы вопросительных конструкций, которые в процессе общения, в условиях типовых речевых актов могут выражать разные (невопросительные) иллокутивные цели. Все эти значения можно объединить в три группы: вопросительно-побудительная (доминирует сема воздействия), вопросительно-относительная (выражающая эмоциональное состояние) и вопросительно-этикетная или фатическая. Особо следует выделить риторические вопросы.

1. Вопрос – утверждение. Это риторический вопрос, в котором заключено уверенное экспрессивно окрашенное утверждение. При этом может акцентироваться категоричность утверждения, непременность наличия чего-нибудь, возможность или целесообразность, обычность, закономерность чего-либо:

- На кого не действует новизна? А.П.Чехов.

- Кто не хочет быть честным?

2. Вопрос – отрицание. Это так называемые риторические вопросы, в которых заключено уверенное экспрессивно окрашенное отрицание. При этом может акцентироваться категоричность отрицания, невозможность, ненужность или нецелесообразность, а также всеобщность и безусловность отрицаемой ситуации:

- Кто себе зла желает?

- Разве так можно ходить? А.П.Чехов, «Винт».

- И эту собаку держат?! Где же у вас ум?

А.П.Чехов, «Хамелеон».

Риторические вопросы – уникальная разновидность вопросов. С точки зрения теории речевых актов они представляют собой вопросительные высказывания, реализующие невопросительные иллокутивные цели, т.е. по форме – это вопрос со всеми свойственными ему атрибутами (с особой вопросительной интонацией, вопросительными словами, порядком слов), а по смыслу – это утверждение, причем утверждение весьма категорического характера. Это – десемантизированные вопросы.

К ним относятся фразы с утвердительным смыслом, выраженным вопросительной формой, и фразы с отрицательным смыслом, выраженным вопросительной формой. Утверждение здесь выражается нетипичным для него способом, хотя в языковом арсенале есть специальные утвердительные конструкции, которые довольно распространены в языке. Это пример синтаксической синонимии (Зарецкая, 2001: с. 62). При наличии отрицания в десемантизированном вопросе он превращается в категорическое утверждение, тогда как отсутствие отрицания в вопросительной конструкции, лишенной вопросительной иллокутивной цели, превращает ее в не менее категоричное отрицание.

Риторические вопросы издавна употреблялись ораторами для привлечения внимания слушателя нетипичностью построения конструкции. Риторические вопросы имеют мощную воздействующую силу, они привлекают внимание читателей и поэтому часто используются в художественной литературе и качестве эффективных заголовков.

Вопросительно-побудительная группа (доминирует сема воздействия):

1. **Вопрос – побуждение.** Такие вопросы побуждают либо к совершению действия:

- Хотя ты и не веришь, но отчего не послать?.. Что же мы сидим, сложа руки?
А.П.Чехов, «Лошадиная фамилия».

либо к прекращению действия:

- Не могли бы вы помолчать?

2. **Вопрос – просьба.** Такие предложения довольно часто употребляются в живой разговорной речи, чаще при общении с незнакомыми людьми. Вопрос-просьба имеет несколько нелогичное оформление. Обычно они содержат отрицательную частицу **не**, употребление которой как бы допускает возможность отказа. Но такая форма еще более поднимает степень вежливости. Это – форма вежливого обращения при официальной коммуникации:

- Вы не подскажете, как пройти на Манежную площадь?

- Не могли бы вы помочь мне позвонить?

Вопросительная конструкция с побудительной иллокутивной целью используется как вежливая форма выражения просьбы. Категория вежливости – это функционально-семантическая универсалия. Лингвисты изучают те языковые средства, которые образуют «функциональное поле» вежливости. Это и лексические средства, и грамматические

категории лица, числа, глагольного наклонения и т. д., и выражения речевого этикета, и противопоставления **ты** и **Вы**-форм и др. (Формановская, 2002: с.89 – 90).

Интересно взглянуть на ситуацию, в которой люди о чем-то просят, с точки зрения вежливости. Просьба – это явное побуждение, но как речевое действие традиционно рассматривается среди формул речевого этикета, т.к. здесь говорящий стремится не отступить от норм вежливости, иначе он рискует не достигнуть своей цели. Понятие нормы служит центральным понятием при описании речевого поведения и отправной точкой при определении понятия вежливости. С одной стороны, норма определяется как «наиболее устойчивые реализации языковой системы, в той или иной мере осознаваемые обществом как правильные, образцовые, обязательные», с другой – как «набор правил», определяющих стратегию выбора одного из конкурирующих вариантов в зависимости от параметров социальной ситуации» (Конрад, 1985: с.42). Норма - предпочтительная форма выражения коммуникативного намерения в типизированной ситуации общения.

Вежливость просьбы обеспечивается в языке большим количеством вопросительных структур:

- *Вы можете (не можете) подвинуться?*

- *Вы могли бы (не могли бы) подвинуться?*

- *Вам не трудно подвинуться?*

Ясно, что перед нами не вопрос, а вежливая просьба. Результат просьбы (вернее действия при просьбе) направлен в пользу «я»-говорящего, просящего, адресанта. Ответ при вопросе-просьбе возможен, но с минимальными речевыми проявлениями: - *Да, пожалуйста* и т.п., здесь нужно действие. Часто в угоду вежливости мы отказываемся от прямого отказа, ответная реплика на вопрос-просьбу воспринимается как отказ, это возможно только тогда, когда просящий помощи не вышестоящий и когда партнеры хорошо знают друг друга: - *Ты не смогла бы завтра помочь мне? – Завтра я иду к врачу.* Если адресат не старше адресанта, если обстановка общения неофициальная, а само дело, которое предстоит выполнить адресату, несложно, то вопрос-просьба не отличается особой вежливостью и тяготеет к обиходно-нейтральному и даже разговорному стилю: - *Ты не сходишь за хлебом?* К разговорному стилю тяготеют также вопросы-просьбы о наличии или отсутствии чего-нибудь: (на улице) - *У вас есть часы?*

Как видим вопросы-просьбы ориентированы на вежливое обращение.

3. **Вопрос-совет.** Совет может дать только тот, кто компетентен в данном вопросе. Действие при совете направлено в пользу «ты»-адресата, собеседника,

результат совета важен в первую очередь для адресата. Вопрос-совет должен состояться в определенный момент общения – непринужденного, дружеского, когда роли собеседников уравниваются:

- А вы пробовали носить яркие тона?

- Почему бы вам не попробовать?

Это формы конструктивного, но ненавязчивого предложения. Совет всегда надо давать тактично. Тактичность – составляющая вежливости. Именно поэтому мы не даем совет старшим по возрасту или по положению, если об этом специально не попросят.

4. Вопрос-запрет. Вопросительные предложения могут превращаться в категорический запрет, требующий немедленного выполнения. Он отличается от вопросов-побуждений к прекращению действия своей категоричностью:

- Ты зачем взял мои драгоценности? (подразумевается: Положи их немедленно на место и больше не смей брать).

Категоричность и требовательность читается в грозном обращении родителей к ребенку:

- Прекрати немедленно! Кому говорят?

5. Вопрос – обещание очень распространен в речевой ситуации, когда родители хотят задобрить своих детей, как бы заглаживая свою вину перед ними:

- А хочешь я тебя завтра в цирк поведу?

6. Вопрос – предупреждение:

- Не знаешь, что играть со спичками опасно?

7. Вопрос – замечание:

- Не могли бы вы говорить медленно?

- Не можешь писать красиво?

8. Вопрос – угроза:

- Ты еще здесь? Хочешь, я тебе зубы пересчитаю?

9. Вопрос, активизирующий внимание. Цель таких вопросов заинтересовать собеседника, обратить внимание:

- И что ж бы вы думали? Этой... фразе приятель мой обязан был местом!

Вопросительно-относительная группа (выражающая эмоциональное состояние):

1. Вопрос – эмоциональная реакция говорящего – выражает эмоциональную констатацию факта, оценку, отношение, аффективное состояние:

- Как вы можете так говорить? Как Вам не стыдно?

2. **Вопрос – предположение** выражает неуверенность адресанта в высказываемом предположении, свидетельствует о его стремлении спросить совета у своего собеседника:

- *Может еще придет она?*

- *А может быть, и генеральская это собака?- думает вслух городской.*

На морде у нее не написано.

А.П.Чехов, «Хамелеон».

3. **Вопрос – сочувствие.** Употребление в таких конструкциях личного местоимения «мы» вместо называния единичного адресата местоимением 2-го лица «ты» или «Вы» указывает на соединение говорящего и адресата, возникает так называемое «мы совместное». Так, например, в вопросе врача к пациенту:

- *Как мы себя чувствуем?* читается и сочувствие, и участие, и сопереживание (Я с вами. Мы вместе.).

4. «Специфика **вопроса – возмущения** особенно ярко проявляется в знаменитой новелле о римском полководце и политическом деятеле Помпее.

В фразе *Значит жизнь Помпея зависит от прихотей Лукулла?!* выражается не вопросительная иллюкутивная цель, а накал чувств, сильные эмоции, причем весьма разного свойства» (Авалиани..., 2005: с.7).

5. **Вопрос – негодование:**

- *Опять двойку получил? Не стыдно!*

- *Тебя не учили здороваться?*

6. **Вопрос – упрек:**

- *Не мог принести хлеба?*

7. **Вопрос – недовольство:**

- *Мы опять должны сидеть дома?*

8. **Вопрос – удивление:**

- *Ты не рада моему приходу?*

9. **Вопрос – подозрение:**

- *Вернется ли он когда-нибудь?*

10. **Вопрос – осмеяние:**

- *У тебя что, дырявая голова? Ты все забыла.*

11. **Вопрос – похвала:**

- *Не знаешь, какой он милый, добрый человек?*

12. **Вопрос – ободрение:**

- *У тебя все получится. Ведь ты умница, не так ли?*

13. **Вопрос – протест:**

- *Опять я должен слушать одно и то же?*

14. Анна Вежбицка выделяет так называемые **медитативные вопросы**. Эти вопросы обращены к самому себе. Сюда же относятся вопросы говорящего к самому себе с целью мобилизации внутренних сил:

- *Что со мной происходит?* - *Может быть, хватит отдыхать?*

Медитативными становятся вопросы, выражающие эмоциональную оценку происходящего, говорящий оценивает свои поступки, решения и пр., причем эта внутренняя оценка очень эмоциональна и достаточно категорична:

- *Ну что, доигрался?*

Подобные вопросы часто встречаются в произведениях художественной литературы, когда описывается внутренняя речь героя, его размышления.

Вопросительно-этикетная или фатичекая группа:

1. **Этикетные вопросы.** К ним относятся вопросы, превратившиеся в клишированные обороты, формулы. Это своеобразное приветствие со знаком вежливого внимания к собеседнику, осведомление о жизни, здоровье, делах собеседника:

- *Здравствуйте! Как поживаете?*

- *Привет, как дела?*

- *Спасибо, хорошо. А как ваше здоровье?*

- *Все в порядке! А у тебя?*

- *Сейчас уже лучше.*

- *Тоже ничего. Ну, всего!*

- *Всех благ вам!*

- *Пока!*

- *Спасибо. Вам также!*

Мы произносим эти фразы привычно, автоматически, потому что так надо, так принято. Это – зона устойчивых, стереотипных коммуникативных единиц языка. Языковеды назвали этикетные высказывания (в том числе и этикетные вопросы) системой словесных «поглаживаний». Подобные вопросы реализуются в речевой ситуации непосредственного общения: «я» и «ты» «здесь» и «сейчас» обменялись «поглаживаниями». Передаваемая этими фразами информация носит социальный характер: «я тебя замечаю, вступаю с тобой в контакт, уважаю, интересуюсь твоими делами, желаю тебе добра...». «Не улавливать социальной сути «поглаживания» – значит неправильно истолковывать вопрос встречного знакомого: *Как дела? Как здоровье?* Ведь в этом случае никто не требует подробного ответного рассказа о делах и здоровье» (Формановская, 2002: с. 79). Е. Евтушенко в своей статье «Политика – это привилегия всех» пишет: «... Попробуйте на формальный вопрос *«Как вы поживаете?»* ответить серьезно, рассказать как вы не спите по ночам, как у вас не

ладится в семье, как вы потеряли веру в жизнь и в себя, и собеседник отшатнется от вас в ужасе, как от сумасшедшего».

«Поглаживания», по мнению А.Б.Добровича – специалиста по проблемам общения, на первый взгляд могут показаться пустой тратой времени, поскольку здесь не происходит обмен информацией. Однако это впечатление следует отбросить, т.к. «в конечном счете обмен информацией типа «я желаю тебе добра» и т.п. играет не меньшую роль в процессах социального взаимодействия, чем продуктивное обсуждение научно-технической, политической, художественной или иной проблематики» (Добрович, 2000: с. 32).

Речевой этикет находится, по преимуществу, в области фатики. Фатический, т.е. контактоустанавливающий уровень общения впервые выделил английский ученый Б.Малиновский. С тех пор фатическое общение исследуется лингвистами. При обучении иностранному языку очень важно научить вступлению в речевой контакт и поддержанию такого контакта. Фатическое общение – это вовсе не пустая болтовня; оно, с одной стороны, снимает стрессы, дает «поглаживания», а с другой стороны, ритуально обозначает, что мы вступили в контакт и теперь можем побеседовать по существу.

2. Регулятивные вопросы, или регулятивы. Сюда относятся контактоустанавливающие вопросы (клише) – вопросительные фразы, с помощью которых можно подключиться к акту коммуникации, встречающиеся как в официально-деловой, так и в разговорной речи:

- Разрешите доложить?

- Разрешите обратиться?

Фраза *- Я вам не помешаю?* используется не только при желании подключиться к акту коммуникации, начатому другими, но и для поддержания общения или же для его прерывания. Используются также фразы, способствующие прерыванию общения:

- Мы уже все обсудили (закончили), не так ли?

Вопросы, регулирующие коммуникативные контакты, называют регулятивными вопросами.

Различные интенции адресата и многообразие вопросительных конструкций в живом разговорном языке не охватывается перечисленными типами этот список можно еще продолжить.

Итак, мы на наглядных примерах рассмотрели случаи, когда вопросительные по форме предложения выражают невопросительные иллокутивные цели, или же совмещают вопросительность с дополнительными интенциями адресата. А теперь

постараемся проанализировать специфику выражения вопросительной иллокутивной цели в невопросительных по форме предложениях.

Вопрос, выраженный повествовательным предложением. Довольно часто повествовательное предложение с типичной ему интонацией и порядком слов содержит вопросительность в качестве иллокутивной цели, т.е. в определенных ситуациях может выражать вопрос:

- Я прошу вас спасти его, отдать мне вещи. А.П.Чехов, «Хористка».

Это предложение хотя и лишено признаков, свойственных вопросительным предложениям, но по содержанию эквивалентно вопросу:

- Не могли ли бы вы спасти его и отдать мне вещи? Такие предложения содержат вопрос, они полярно противоположны симметричным по форме и сути вопросительным конструкциям. Сложность их анализа заключается в том, что их вопросительная суть проявляется лишь в определенной ситуации. Учет всех нюансов сложившейся ситуации общения, а также знание взаимоотношений между коммуникантами позволяет осознать имплицитно заключенный в невопросительной конструкции вопрос.

В.Г.Гак классифицирует случаи употребления повествовательных и побудительных предложений в функции вопросительных как транспозицию в широком смысле, под которой понимает «перенос любой языковой формы (например, коммуникативных типов предложений), когда одна языковая форма используется в функции другой формы – ее противочлена в парадигматическом ряду» (Гак, 1980: с. 519). Транспозиция – одно из следствий и форм проявления асимметрии в языке, она играет большую роль в устройстве и функционировании языка. Благодаря транспозиции расширяются номинативные возможности языка, сочетаемость слов, создаются синонимы для выражения оттенков значения. Это явление широко представлено в русском языке.

Вопросительные иллокутивные цели оформляются в невопросительных по форме конструкциях (в утвердительных конструкциях) в качестве вопросов-заданий. Примером таких вопросов-заданий являются анкеты, которые всем нам приходилось заполнять в жизни, отвечая на многочисленные «вопросы», представленные повествовательными по форме предложениями. А также кроссворды, загадки, ребусы. В кроссвордах параметры ситуации превращают фразу любого типа в вопросительную конструкцию-задание; информация, необходимая для разгадывания этого задания и есть ответ на поставленный вопрос.

Таким образом, решающими факторами, определяющими иллокутивную цель высказывания в косвенных речевых актах, являются коммуникативная ситуация общения и наличие «схем поведения», а именно взаимоотношения адресанта и адресата, их социальное положение, род занятий, общий фонд знаний и т.д.

Вопрос, выраженный побудительным предложением. Часто в речи побудительные предложения служат для выражения вопроса: - *Умоляю вас, отдайте мне вещи!* А.П.Чехов, «Хористка». Это предложение эквивалентно по значению вопросу: - *Не отдадите ли вы мне вещи?* Побудительные предложения, содержащие вопросительную интенцию, выражают некатегоричный, очень мягкий вопрос, а точнее вопрос – просьбу. Довольно часто глагол-сказуемое выражается сослагательной формой: - *Пошел бы ты за Ионычем!* Данная конструкция идентична вопросу: - *Пойдешь за Ионычем?* Это полувопросы, полупросьбы. Здесь наблюдается двойная транспозиция: форма сослагательного наклонения выражает не условие, а просьбу, содержащую деликатный вопрос, от выполнения которого легко отказаться.

Огромная роль в выявлении иллокутивного значения вопроса принадлежит ситуации общения. Побудительные предложения могут восприниматься как приказ и как вопрос, требующий ответа, например, реплики хирурга (*Пульс! Давление! Температура!*) при операции требуют точного ответа.

Таким образом, мы рассмотрели случаи, когда невопросительные по форме предложения выражают вопросительную иллокутивную цель и, наоборот, когда вопросительные по форме предложения выражают невопросительную иллокутивную цель или же совмещают вопросительность с другими интенциями. Вообще косвенные речевые акты употребляются нами в речевой деятельности для достижения своих намерений, способствуя созданию приятной, вежливой атмосферы общения.

Высказывание, кроме своего основного значения, может иметь косвенное значение. Феномен косвенности довольно интересное явление в лингвистике. В косвенных речевых актах вопросительность как иллокутивная цель и вопросительная форма высказывания не соответствуют друг другу – налицо асимметрический дуализм языкового знака Карцевского. В речи наблюдается явное преобладание косвенных вопросительных речевых актов, что никак не затрудняет общение коммуникантов, т.к. иллокутивное намерение адресанта легко распознается адресатом и воспринимается адекватно замыслу. Вопросительные конструкции могут использоваться для выражения иных иллокутивных целей, а также вопросительная интенция может выражаться повествовательными и побудительными конструкциями.

4.2 Вопросно-ответные единства в грузинском языке в сопоставлении с русским

В предыдущем параграфе мы, опираясь на конкретный материал, постарались охарактеризовать вопросно-ответные единства в русском языке. Первым делом, рассмотрели средства выражения вопросительности, рассмотрели прямые и косвенные речевые акты, ответ при этом по существу и структуре должен строиться в соответствии с поставленным вопросом. Лишь в этом случае он расценивается как релевантный. В данном параграфе мы постараемся рассмотреть данные единства в грузинском языке. Как уже говорилось выше, априори – средства выражения вопросительности в основном носят универсальный характер и характерны для всех языков. Различия в плане выражения, естественно, создают манифестации вопросительности конкретного языка, которые соответствуют его языковой структуре.

Впервые термин «вопросительные» в грузинском языке применил выдающийся деятель общественно-политической жизни Грузии XVIII века, автор первой грузинской грамматики, основоположник новой грузинской науки – Антон I – Католикос Грузии. Правда, он не выделяет вопросительные местоимения в отдельную группу, но отдельно дает их склонение. Выделение вопросительных местоимений в отдельную группу относится к заслугам Гайоза Ректора (т.к. исследователям не удалось установить фамилию Гайоза, его называют по должности, занимаемой в Телавской семинарии).

А. Шанидзе в «Грамматике грузинского языка» все предложения с точки зрения выраженного в них содержания делит на: вопросительные, восклицательные, вопросительно-восклицательные, повелительные и повествовательные в зависимости от того, о чем идет речь в предложениях – сообщается, повествуется о чем-либо, содержит в себе вопрос, требующий ответа, подтверждения или восклицания. Такое же деление предлагают Ш.Кекелиа и Л.Гегучадзе. Вопросительными являются предложения, содержащие вопрос и требующие ответа. В грамматике вопросительные предложения подразделяются на две группы: предложения с вопросительным словом (ვობ, რა, რომელი, როგორი, რამდენი, სად, საიდან, რატომ, რისთვის, ვანა, ხომ, ნუთუ და სხვა) и предложения без вопросительного слова (შანიძე, 1962).

Значительную роль в анализе вопросительных конструкций в грузинской грамматической мысли сыграл Л. Квачадзе. Все предложения, по мнению Л. Квачадзе, делятся на утвердительные и отрицательные в зависимости от того положительно или отрицательно выражена мысль. Каждое из них, в свою очередь, может быть

повествовательным, вопросительным и повелительным. Он также выделяет еще и восклицательные и вопросительно-восклицательные предложения (კვასაძე, 1977).

При помощи вопросительных предложений говорящий обращается к собеседнику, желая получить от него интересующее его сообщение.

В грузинском языкознании вопросно-ответным системам с точки зрения коммуникативной лингвистики уделяется меньше внимания. Грузинские языковеды рассматривают эту проблему в основном в методическом плане или же обращаются к ней при обсуждении коммуникативных типов предложения.

С точки зрения коммуникативной лингвистики привлекают внимание труды Ш.Апридонидзе, где автор уделяет внимание средствам выражения вопросительности в грузинском языке. Для языкового механизма вопросительности, по ее мнению, основными являются следующие принципы:

- наличие вопросительного слова;
- синтаксический строй;
- интонационная модель;
- порядок слов.

Как видим, перечисленные знаки универсальны, они характерны и для русского языка. Как и в русском языке, в грузинском вопросительные речевые акты по стратегии осуществления, как иллокутивная сила, встречаются в прямых (вопросы по смыслу) и косвенных речевых актах (вопросы по форме), т.е. выступают в своих первичных и вторичных функциях.

Рассмотрим средства выражения вопросительности в грузинском языке.

1) Конструкции, содержащие вопросительные слова (вопросительное местоимение, наречие или частицу).

Вопросительные конструкции могут оформляться при помощи вопросительного местоимения ვი, если речь идет о человеке. Спрашивая о животных или о неодушевленных предметах, используется вопросительное местоимение რა. Однако такое строгое разграничение подчас нарушается. И в русском и в грузинском местоимения кто – ვი не имеют форм грамматического рода и числа, хотя в грузинском не исключена попытка употребления вопросительного местоимения ვი во множественном числе:

- ყარაულები ვინები არიან? ვაზბეგი, ”მამის მკვლელი”.

Для выражения множественности обычно употребляется **ვინდავინ**:

ვინდავინ იყო კრებაზე?

В русском языке вопросительное местоимение **кто** употребляется в разных падежах (с предлогами или без предлогов), в грузинском языке вопросительное местоимение **ვინ** не имеет форм творительного, обстоятельственного и звательного падежей, но в значении творительного и обстоятельственного падежей употребляются формы вопросительно-относительного местоимения **ვისი**.

Анализ эмпирического материала показал, что конструкции с вопросительным местоимением **кто** переводятся на грузинский язык иногда соответствующим местоимением в разных падежах, иногда местоимением **რა**. А конструкции с вопросительным местоимением **что** переводятся на грузинский язык соответствующим местоимением **რა**, которое может употребляться с частицей **ღა**. Склоняется она двояко, в зависимости от того, срачивается эта частица с основой или нет: *რამღა – რაღამღა; რახღა – რაღახღა*; и т. д. В первом случае падежные окончания прибавляются непосредственно к основе, во втором – к слову в целом:

- *ეს კაბინეტია? ეს ხაწოლი ოთახია? ეს რაღაა?* ჩეხოვი, "იონიონი".

- *კარგი, გეოგრაფიას თავი დავანებოთ, არითმეტიკიდან რაღა მოამზადეთ? არაფერი არ მოგიმზადებიათ?*

ჩეხოვი, "გამოცდა ჩინის მისაღებად".

В грузинском языке имеет место довольно интересное явление, которое нельзя встретить в русском языке, а именно множественное число вопросительного местоимения **რა** (что не характерно для литературного языка):

- *ეს რაებს მადგევთ? – წარმოთქვა მან... - უკანასკნელად გეკითხებით:*

დამიბრუნებთ ნივთებს თუ არა? ჩეხოვი, "გუნდის მომდევრალი ქალი".

Конструкции с вопросительным местоимением **что** иногда переводятся сложным местоимением **რისთვის**, а иногда вопросительным местоимением **როგორი**:

- *...რათა, რისთვის, ჩემო მეგობარო?* ჩეხოვი, "ალუბლის ბაღი".

- *როგორი ბოლო ექნება ასეთ რომანს? რას იტყვიან მეგობრები, როცა გაიგებენ?* ჩეხოვი, "იონიონი".

И в русском, и в грузинском местоимения **что** и **რა** могут употребляться:

а) в значении **почему, по какой причине/რატომ**:

- *А вы что молчите?* - *თქვენ რას გაჩუმებულხართ?*

ბ) в значении **сколько/რამდენი**:

- *Что платит тебе барин в месяц?* - *რას გიხდის ბატონი თვეში?*

в) в значении **какой/როგორი** (в русском языке в сочетании с частицей **за**):

- *Что за дерево у вас в саду?* - *ეს რა ხე ვიდგათ ბაღში?*

г) в значении **ничего/არაფერი**:

- *Что я могу сказать, кроме спасибо?* - *რა მეთქმის მაღლობის გარდა?*

д) в значении **как/როგორ**:

- *Что Анна?* - *спросил он.* - *ვაი, რა ცუდად მოკვდი. (ი. ჭ.)*

е) в значении **сколько/რამდენი**:

- *Что возьмешь за украшения?* - *არ გახსოვს, ჩერქეზებს რას აძლევდა ბატონი თვეში?*

Некоторые вопросительные конструкции этого типа получили характер устойчивых выражений:

- *Чего изволите? Что вам угодно?* - *რას ბრძანებთ? რა გნებავთ?*

- *Что с вами?* - *რა დაგემართათ?*

А.П.Чехов, «Вишневый сад».

Вопросительные местоимения **რომელი**, **როგორი**, **ვისი**, **რამდენი** используются для оформления вопроса, когда спрашивается о признаке или о качестве, о принадлежности или о количестве, и предполагают в ответе: **რომელი** – указание на число, на числовой порядок или указание на один из нескольких предметов в порядке выбора; **როგორი** – предполагает в ответе указание на качество предмета; **ვისი** – указание на принадлежность какому-либо лицу; **რამდენი** – указание на количество.

- *ბაღში ჩიტები მღერიათ. რომელი საათი იქნება?*

- *შვიდი.* ჩეხოვი, "აღუბლის ბაღი".

- *როგორი სტუდენტია გიორგი?*

- *ბეჯითი.*

- *ვისი ნათარგმნია?*

- *ჩემი.*

- *რამდენი ხანი იყავი ბატონთან?*

- *შვიდი წელი.* ილია.

Вопросительные местоимения **какой**, **который**, **чей** имеют формы грамматического рода, числа и падежа, а неопределенно-количественное числительное **сколько** не имеет их. На основании анализа сопоставляемого материала мы пришли к

выводу, что в грузинском соответствующие вопросительные местоимения имеют формы числа и падежа. რამდენი имеет только старую форму множественного числа – ნარ-თანინი მრავლობითი.

Для оформления вопросительности в грузинском языке используются также вопросительные наречия სად, საიდან, საითკენ, როდის, რატომ, რისთვის, როგორ, заключающие в себя вопрос о каком-либо неясном для говорящего обстоятельстве. А. Шанидзе в своем фундаментальном труде «Основы грузинской грамматики» указывает на то, что наречие სად выполняет две функции: употребляется для указания места действия и направления движения. Кроме этого существует также наречие საით довольно часто используемое в художественной литературе и разговорном языке для указания на направленность движения (შანიძე, 1980).

- იცო თუ არა, რომ ასეთი პოლიტიკური სიტყვებისათვის სად შეიძლება ვიკრას თავი ბატონმა მოსამართლემ? ჩეხოვი.

- სად მიდიხარ? საით მიბრძანდებით, ქალბატონო? მ. ჯავახიშვილი.

Вопросительные слова: вопросительные местоимения (ვინ, რა, რომელი და სხვა) и вопросительные наречия (სად, საიდან, როდის, რატომ და სხვა) выполняют в предложении роль того или иного члена предложения. Одни вопросительные слова бывают подлежащим или приложением, другие – определением (вопросительные местоимения), третьи же – обстоятельством (вопросительные наречия).

Вопросительные частицы განა, ხომ, ნუთუ, თუ, ა, оформляя вопросительное предложение, вносят в него эмоциональный оттенок.

განა ლუარსაბი ბედნიერი არ იყო? ილია.

- თავადაც ხომ ვინდა ელგუჯას ნახვა? ყაზბეგი.

- წასვლას აპირებ თუ?

- ხუმრობ თუ ?

- ა? არ მესმის, ჩემო დავით, გაიმეორე. ილია.

Вопросительные конструкции одновременно могут содержать две вопросительные частицы или вопросительное слово и вопросительную частицу:

- განა მართლა ხომ არ ვამბობთ? ვაჟა.

- განა მაგას ვინა ფიქრობს? ილია.

2) Вопросительные конструкции, не содержащие вопросительных слов. При отсутствии вопросительных слов и частиц вопросительные предложения ничем не отличаются от повествовательных. В таких случаях предложение наполняется

вопросительным содержанием только при помощи интонации. Цель таких предложений получить от собеседника положительный или отрицательный ответ:

- *გაიგონებთ, რაც ვითხარით? დაიმახსოვრებთ?*

- *დიახ, ბატონო, დიახ.* ოღია.

В древнегрузинском языке в вопросительных предложениях, не содержащих вопросительных слов, использовались вопросительные частицы -*ღ* и -*მე*, выражавшие вопросительную интонацию. Первая непосредственно присоединялась к сказуемому, другая – и к сказуемому, и к любой другой части речи. Подчас обе эти частицы употреблялись вместе:

- *პეტრე ხარა?*

- *რაოდენ-მე უმჯობეს არს კაცი ცხოვარსა?*

В письменности XVII – XVIII в.в. реже встречается частица - *ღ*. Новый грузинский язык утратил этот грамматический знак, заменив его вопросительной интонацией. Утрата грамматического знака вызвала усиление интонации. В настоящее время это явление бытует в некоторых диалектах грузинского языка – в хевсурском и пшавском:

არ ჩამოხვალთა ჩვენთანა, მაღლათ ნადგომნო იანო? (ხევსურული).

Как уже говорилось выше, в своей первичной функции вопросительные конструкции заключают в себе вопрос, рассчитанный на **ответ** со стороны собеседника. В зависимости от объема и характера сведений, которые хочет получить говорящий в ответе в грузинском языке различают: **общие, специальные (частные) и альтернативные (разделительные)** вопросы.

Вопросительные предложения, содержащие вопросительное слово – специальные вопросы требуют соответствующий вопросительному слову ответ, который часто передается одним словом:

- *სად წავიდა ბავშვი?* - *სკოლაში.*

- *როდის წავიდა ბავშვი?* - *დღით.*

Бывают случаи, когда вопросительное по структуре предложение не требует ответа. Не требуют ответа встречные вопросы:

- *ახლა შენ ხომ მარტო დარჩები? – იკითხა კესომ.*

- *მარტო რად დავრჩები?* ოღია.

Не требуют ответа риторические вопросы, в них и так заключается скрытый ответ:

ვინ დათვალოს ზღვაში ქვიშა და ან ცაზე ვარსკვლავები?

ვინ შეამკოს ღირსეულად ქართველ გმირთა მხარ-მკვლავები?

ჩემო კალამო, ჩემო კარგო, რად გვინდა ტაში? იღია.

Вопросительные предложения, не содержащие вопросительных слов, т.е. общие вопросы в ответе предполагают положительный или отрицательный ответ:

- *კურსი აქაურ გიმნაზიაში დაამთავრათ?*

- *ღიახ.* ჩეხოვი.

Альтернативные вопросы предполагают в ответе выбор одной из двух или нескольких возможностей:

- *ჩაის მიირთმევთ თუ ყავახ?*

Э.Топуриа выделяет еще так называемый разделительный вопрос – это повествовательные предложения и следующие за ним вопросительные слова *ხომ? არა?*, придающие предложению оттенок риторического вопроса. Такие вопросы похожи на общие вопросы и подразумевают в ответе подтверждение или отрицание информации (თოფურიძე, 2004: 116).

მაშახადამე შევცდი, ხომ?

В утвердительных предложениях оба вопроса имеют позитивное значение.

მაშახადამე შევცდი, არა?

მაშახადამე არ შევცდი, ხომ?

В отрицательных – оба имеют

მაშახადამე არ შევცდი, არა?

отрицательное значение.

Поскольку такие вопросы, на наш взгляд, очень похожи на общие вопросы, мы предлагаем отнести их к категории общих вопросов. А если выделять их в особую группу, то предлагаем для них другой термин – наводящие или констатирующие вопросы. Термин разделительный скорее соответствует альтернативным вопросам.

Вопросительные конструкции имеют особую интонацию, которая резко отличает их от повествовательных предложений. Ахвледиани считает, что у вопросительных предложений, содержащих вопросительное слово, в общем, нисходящая интонация, но в то же время она «выше, чем у повествовательных предложений» (ახვლედიანი, 1970: с. 140). Если вопросительное слово находится в середине предложения, то интонация будет восходяще – нисходящей:

- *ყველაზე ადრე რომელი ყვავილები იშლება?*

В таких конструкциях иногда наблюдается и восходящая интонация: логическое ударение падает на вопросительное слово, на последнем слове же повышается тон и последний слог при произношении удлиняется:

- მიამბე, ვინა ხარ, გუგნაკლუღად ნუ გამოშვებ...
- ვი'ნა ვარ?

В конструкциях без вопросительного слова логическое ударение выделяет слово, обозначающее то, о чем спрашивает говорящий. При отсутствии логического ударения вопрос выражается глаголом (при перестановке слов интонационный центр будет по-прежнему на глаголе), конечная гласная которого удлинится; если глагол отсутствует, то удлинится гласная слова, выражающего вопрос. Интонация восходящая, логическое ударение падает на последний слог.

- მერე დათიკო სწავლას თავს ანებებს? ოღია.

Современные лингвисты, в частности И.Тевдоразде, анализируя различные типы грузинского вопросительного предложения, пришла к выводу, что интонационный (мелодический) рисунок вопросительного предложения не зависит от наличия или отсутствия вопросительного слова или частицы, решающую роль играет место глагола-сказуемого в предложении и его просодические характеристики (тон, интенсивность, длительность). «Мелодический контур меняется в зависимости от того, какую позицию занимает в нем глагол-сказуемое и каковы его мелодические характеристики» (Тевдоразде, 2005: с. 27). Это относится как к вопросительным предложениям с вопросительным словом, так и без него. В вопросительных предложениях, содержащих вопросительные слова (вопросительные местоимения или наречия), в так называемых специальных вопросах на первое место выносятся вопросительное слово, на второе – слово, с которым оно связывается (-ვინ ვითხრა შენ ეს ამბავი? - როდელი ვრობველია განთქმული ვალობით?); наблюдается обязательная препозиция вопросительного слова по отношению к глаголу, что позволяет объединить их в одну неделимую группу, условно называемую «вопросительной группой» (термин принадлежит Апридонидзе). Логическое ударение – на «вопросительной группе», поэтому она «тяжелее» любого другого члена в отдельности (აფროდიტობიძე, 1986: 133). Русский язык проявляет в этом отношении больше самостоятельности: необязательно, чтобы за вопросительным словом следовало сказуемое-глагол:

- Отчего вы так скучно, так неколоритно живете? Отчего вы живете так неинтересно, так мало берете от жизни? А.П.Чехов.
- როგორ მოვეწონა ეს ამბავი? ოღია.

Остальная часть объединяется в «позитивную группу». Порядок слов в вопросах подобного типа предполагает взаиморасположение названных групп. «Вопросительная

группа» предпочитает начальную позицию, хотя встречается и в постпозиции, и в середине предложения:

- შენ რას იტყვი ამასზე? ილია.
- მამაო, თქვენი რჯული ბატონზე და ხელმწიფეზე რას ამბობს? მ. ჯავახიშვილი.

Как видим, в «вопросительной группе» у глагола строго фиксируемая позиция – после вопросительного слова, хотя встречаются и исключения:

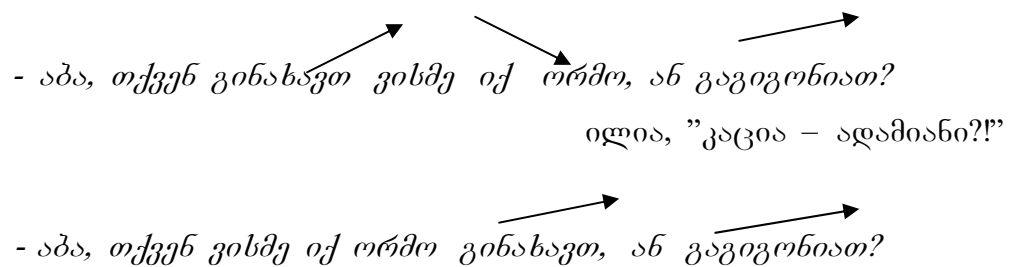
а) при переспросе:

- სხვაგან მივდივარ.
- სად სხვაგან მიდიხარ?

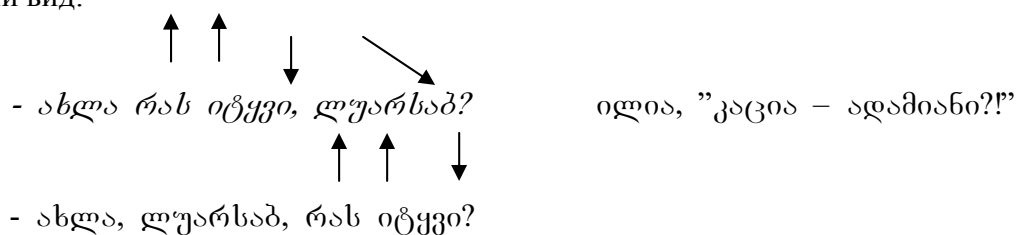
б) при специальных вопросах, содержащих обстоятельство цели:

- რატომ ერთი ყვავილი მაინც არ მიაერთვით?

Интонация в вопросительных предложениях без вопросительного слова имеет восходящий или восходяще-нисходящий характер, в зависимости от того, какое место в предложении занимает глагол-сказуемое:

Интонация вопросительных предложений с вопросительным словом имеет следующий вид:

Полный ответ на специальный вопрос как в грузинском, так и в русском предполагает противоположные порядки парадигм: в вопросах – от неизвестного к известному, в ответах – наоборот, от известного к новому – позитивной парадигме вопросительного слова (тема – рема):

- როდის დაარსდა უნივერსიტეტი?
- უნივერსიტეტი დაარსდა 1918 წელს.

В вопросительных предложениях без вопросительного слова, в так называемых общих вопросах с предполагаемыми ответами «да» или «нет» наблюдается повышение тона на сказуемом и выделение его логически, об этом уже говорилось выше. Сказуемое в основном постпозитивно. Семантика препозитивных глаголов несколько ограничена, это инверсивные глаголы.

- *მეზვერემ მწვანელი მოიგანა?* – ჰკითხა კიდევ ბატონმა.
- *მოიგანა.* ოგია.

Ритмико-интонационная модель предложения влияет и на словорасположение. (აფროდობოძე, 1986: с. 133). Грузинский язык обладает богатой аффиксальной системой, регулирующей синтаксические отношения между словами. Поэтому бытует традиционное мнение о свободном порядке слов в новогрузинском языке. Можно сказать, что в грузинском языке, как и в русском относительно свободный порядок слов.

Итак, подробно охарактеризовав средства выражения вопросительности в русском и в грузинском языках, нами выявлены существенные расхождения в способах проявления этих средств (в частности, расхождения в словорасположении и в интонационном оформлении высказывания. Это наглядно отражено в таблицах).

Вопросно-ответные единства в грузинском языке

тип вопр. предлож.	характер искомой информации	тип предполагаемого ответа	средства выражения вопросительности		
			спец.лексические средства	конструкции	интонация
1. Общие вопросы (наводящ. или констатир. вопросы)	направлены на получение информации о ситуации в целом не направлены на поиск инфор.	закр. ответы: «да» или «нет» подтверждение или отрицание позиции адресанта «да» или «нет»	1) отсутствуют спец. вопросит. слова 2) в разгов.речи присоединяются частицы,побужд. к ответу: ხომ, არა *3)возможно упот вопр.частиц განა ნუთუ, თუ, ხომ, ხომ არ , вносящ. различн.оттенки	схожи с повест; порядок слов может варьироваться в зависимости от смыслового центра; глагол.-сказ.пост-позитивен если нет логич выделе-ния стоят в конце конструкции განა. ნუთუ , бычно стоят в начале предл.; თუ – в конце; ხომ и ხომ არ всегда стоят перед глаг-сказ, вместе с ним может наход. в нач.,серед. или в конце пр.	инт.центр выдел.слово, обознач. то,о чем спраш.; если нет логич.выделе-ния,то интон центр на постпоз-ом глаг.сказ., в целом интон.будет восходящей или восх.-нисх., если гл.-сказ. в середине; спец.вопр. интонация
2.Частные вопросы	направл. на получ. информ. о каком-нибудь аспекте этой ситуации: о месте, времени, цели, качестве,колич., о деятеле и т.д.	требует сообщения новой инф. соответ - шей вопросу слову	спец. вопросит. слова: ვინ, რა, სად, საიდან, როდის,როგორი, რატომ,რამდენი, როგორი, ვისი...	вопрос. слова всегда примык. к глаг.-сказ. и образ. с ним неделим.группу «вопр.группа» предпоч. нач. позицию	интон.центр на «вопр. группе»; интонация нисходящая или восх.-нисх.,если «вопр.гр.» в середине
3.Альтернативные вопросы (разделит.)	используются для установления альтернативности	предполагает в ответе выбор одной из двух или неск. возможностей, о кот. говор-ся в вопр. предл.	1) союз თუ 2) а также спец. вопросит. слова: ვინ, რა, სად, საიდან,როდის, როგორი,რატომ, რამდენი... в комбинации с თუ	обязательно наличие синтагматич. членения; თუ разделяет члены тематич. ряда	логич.удар. на слове,кот. интер.говор.; интонация нисходящая при налич. вопр. слова интон.центр на вопр. гр.

* Мы отнесли такие вопросы к общим по типу предполагаемого ответа.

В косвенных речевых актах вопросительность как иллокутивная цель и вопросительная форма не соответствуют друг другу. Налицо асимметрия. Прагматический диапазон вопросительных речевых актов весьма широк. Вопросительные конструкции и в русском, и в грузинском употребляются с самыми разными коммуникативными намерениями: для выражения просьбы, совета, запрета, своих эмоций, упрека, угрозы, предупреждения, благодарности, извинения, предложения, для актуализации внимания, в качестве этикетных форм (клише) и т.д. Анализ косвенных речевых актов, позволил выделить более двадцати вопросительных конструкций с невопросительной иллокутивной целью.

Также как и в русском языке, в грузинском с точки зрения прагматики все значения вопросительности можно объединить в три группы: вопросительно-воздействующие, вопросительно-относительные (релятивные) и вопросительно-этикетные группы.

В вопросительно-воздействующей группе доминирует сема воздействия. Воздействие каждого элемента, входящего в эту группу, рассчитано на когнитивный механизм. В соответствии с этим строится тактика речи. Можно выделить следующие значения:

1. Вопрос – побуждение:

- *შენ კი არ გჯერა, მაგრამ რატომ არ გავაკეთოთ?*
- *არ შეგიძლია გაჩუმდე?*

2. Вопрос – просьба:

- *ხომ ვერ მომიტანდი წყალს?*
- *შეგიძლია პური მომიტანო?*

3. Вопрос – совет:

- *იქნებ კიდევ ერთხელ დაწერო დავალებსა?*
- *კიდევ ერთხელ ხომ არ დაწერდი?*

Совет – своеобразная форма воздействия, иногда более эффективная, чем приказ.

4. Вопрос – запрет:

- *რატომ აიღე ჩემი კალამი?*
- *შეწყვიტეთ ახლავე ჩხუბი! ვის ველაპარაკებო?*

5. Вопрос – обещание:

- *გინდა ხვალ კინოში წავიყვანო?*

6. Вопрос – предупреждение:

- *განა არ გოთხარი, რომ ეს სახიფათოა?*

- არ იცი, რომ ასანთით თამაში საშიშია?

7. Вопрос – замечание:

- ცოტა ფეხს ხომ ვერ აუჩქარებდი?

8. Вопрос – угроза:

- ხომ არაფერი გეშლება?

- კიდევ აქა ხარ?

9. Вопрос, активизирующий внимание:

- აბა თქვენ რას ფიქრობდით? რა უნდა გამეკეთებინა ამ შემთხვევაში? მე გამოვემშვიდობე და წამოვედი სახლში.

Элементы **вопросительно-относительной группы** строятся на эмоциональном состоянии, в нее входят следующие значения: недовольство, упрек, протест, негодование, замечание-осуждение, осмеяние или ирония. Неопределенное значение имеют: ревность, предположение, удивление (неожиданность); позитивное значение имеют: сочувствие, похвала, одобрение.

1. Вопрос – предположение:

- იქნებ მოვიდეს?

2. Вопрос – сочувствие:

- დაგღალა მე ზავრობამ?

3. Вопрос – протест:

- დღესაც იგივე უნდა მოვისმინო?

4. Вопрос – возмущение:

- ისევ ორიანი მიიღე?

5. Вопрос – негодование:

- საღამო არ იცი, ბიჭო?

6. Вопрос – упрек:

- არ შეგეძლო ბავშვები წაგეყვანა გასასეირნებლად?

7. Вопрос – недовольство:

- ისევ იგივე უნდა ვაკეთოთ?

- არ შეგიძლია გაახერო ხელები?

8. Вопрос – удивление:

- არ ვიხარია ჩემი მოსვლა?

9. Вопрос – подозрение:

- დაბრუნდება ვითომ როდისმე?

10. Вопрос – осмеяние:

- ფაფის ხელები გაქვს, გოგო?

11. Вопрос – ирония:

- მადლობის თქმა დაგავიწყდა, შვილო?

12. Вопрос – похвала:

- არ იცი, რა კარგი ადამიანი ხარ?

13. Вопрос – ободрение:

- ხომ იცი, რომ ყველაფერი გამოვივა, თუ მთინდობე?

14. В грузинском также можно выделить **медитативные вопросы** – вопросы, обращенные к самому себе:

- საინტერესოა, რა ემართება მას? რას ფიქრობს? რას ვრძნობს? – ეკითხებოდა იგი თავის თავს.

Кроме двух вышеназванных групп, существует еще **вопросительно-этикетная или фатическая группа**, в которой объединяются конструкции с семантикой норм поведения: фатические, регулятивные, этикетные вопросы. Фатическими являются конструкции, основная задача которых – установление контакта или привлечение внимания. Эта группа опирается на принятые в обществе нормы отношений и использует механизм установления этих отношений:

1. Этикетные вопросы:

- როგორ ბრძანდებით?

- როგორა ხარ?

- რას იხეობ?

2. Вопрос – предложение:

- ხომ არ იხეობდიო ცივ სასმელს?

Таким образом, с прагматической точки зрения можно выделить три группы вопросительных высказываний. Первая – это речевые акты воздействия. Вторая группа интересна тем, что выражает весь спектр эмоциональных значений от негативного до положительного. Третья – вопросительно-этикетная или фатическая группа опирается на нормы, принятые в обществе и использует механизм установления отношений.

В грузинском языке, как и в русском, вопрос может быть выражен невопросительными по форме предложениями – повествовательными и побудительными.

Вопрос, выраженный повествовательным предложением, - это вопрос по сути. Его вопросительная суть проявляется лишь в определенной речевой ситуации.

Анкетные вопросы, задания кроссвордов (и даже рисунки в кроссвордах), загадки, ребусы – все это богатая палитра коммуникативных возможностей замещения вопросительных конструкций повествовательными.

Вопрос, выраженный побудительным предложением, довольно часто встречается и в грузинском языке. Такие предложения содержат вопросительную интенцию, которая выражает очень мягкий, некатегоричный вопрос, вопрос-просьбу:

- *წახულოყავი მაღაზიაში, მოვეტანა პურსი!*

Как и в русском, в грузинском языке лаконичные фразы оператора при операции: *ბობცეღი! პუღსი! წნევა! სიცხე!* воспринимаются медицинским персоналом иногда как приказ, иногда как вопрос, требующий незамедлительного ответа.

4.3 Вопросно-ответные единства в ортолингвистической интерпретации

В сопоставительном языкознании особое внимание уделяется проблемам билингвизма. В условиях билингвизма два языка сосуществуют в рамках одного коллектива, использующего эти языки в различных коммуникативных сферах в зависимости от социальной ситуации. Проблема двуязычия с лингвистической точки зрения заключается в том, чтобы описать несколько языковых систем, которые контактируют друг с другом. Цель – выявление равенств, сходств и различий между этими системами и предсказание возникающей в результате такого контакта интерференции. Интерференция повсеместно возникает при изучении иностранного языка и существует во всех звеньях языковой системы (и в графике, и в фонетике, и в лексике, и в грамматике, и в синтаксисе, и на просодическом уровне).

В 60-х г.г. прошлого столетия после выхода в свет книги У.Вайнрайха «Языковые контакты» формируется новый подход к явлениям языковых контактов, с позиции интерференции – отклонения от нормы изучаемого языка в речи билингва. Этот термин не случайно заимствован из физики, изучающей интерференцию различных волн (звуковых, оптических, электромагнитных...). Это – явление, наблюдающееся при одновременном распространении в пространстве нескольких волн. Под интерференцией волн понимается взаимное усиление или ослабление двух или нескольких волн при одновременном распространении в пространстве, вследствие чего образуется так называемая

интерференционная картина. Интерференция имеет место для всех видов волн, независимо от их физической природы (БРЭ, 1995: с. 272). Лингвистическая интерференция имеет те же законы появления и распространения. А интерференционная картина в лингвистическом понимании представлена в виде нарушений в речи. Ошибки взрослых, овладевающих неродным языком, являются результатом интерференции, которая заинтересовала лингвистов с точки зрения языковых контактов, а позже – билингвизма. У У.Вайнрайха мы находим следующее определение интерференции: «Только те случаи отклонения от норм двух языков, которые наблюдаются в речи билингвов как результат языкового контакта, называются явлениями интерференции».

Ученые выделяют три типа интерференции:

- координативный билингвизм, при котором две системы автономно сосуществуют в сознании говорящего и не взаимодействуют друг с другом (об этом типе билингвизма писал еще Л.В.Щерба, 1958: с. 47);

- коррелятивный, когда две языковые системы совмещены в плане содержания, но координированы в плане выражения (Щерба называл такое двуязычие «языком с двумя терминами»);

- субординативный, при котором происходит частичное подчинение второго языка первому.

В практике преподавания распространен субординативный билингвизм, когда две языковые системы находятся в контакте и происходит частичное подчинение изучаемого языка родному, что приводит к интерференции.

Труды многих психологов и психолингвистов посвящены вопросам смешанного и автономного функционирования двух языковых систем. Д.Н.Узнадзе пишет, что человек перед началом речи «...заранее претерпевает определенное изменение целостного характера, проявляющееся в установке на действие в определенном направлении». В этом направлении он и развертывает свою активность, т.е. говорит на определенном языке (Узнадзе, 1966: с. 45). По мнению Н.В.Имедадзе, «установка на действие в определенном направлении» может быть дифференцированной (говорящий пользуется одним из языков, которыми он владеет) и недифференцированной (смешивание этих языков). Налицо два типа двуязычия:

- «автономное производство речи» (говорящий четко разделяет системы языков, которыми он владеет, может дифференцировать каждый из них) и

- «совмещенное производство речи» (различие между языками в сознании говорящего невелико, и он не в состоянии дифференцировать их) (Имедадзе, 1978).

В первом случае говорящий, реализуя собственный речевой замысел, при недостаточной языковой компетенции будет совершать ошибки, которые являются результатом его творческих поисков. Во втором случае ошибки будут результатом «столкновения» элементов двух языковых систем и активного влияния родного (или ранее изученного иностранного) языка на изучаемый язык. Поэтому обучение нужно строить таким образом, чтобы учащийся разобрался в системе правил изучаемого языка и чтобы у него выработался механизм **автоматизированного** порождения речи.

Четкой грани между совмещенным и автономным производством речи у взрослых учащихся, по мнению известных грузинских психолингвистов Н.В.Имедадзе (1971) и Д.Н.Узнадзе (1996), провести нельзя. Так как даже при самых совершенных методах обучения учащийся часто сознательно или бессознательно опирается на родной язык в тех случаях, когда ему не хватает изученного материала в иностранном, т.е. делает ошибки в тех случаях, когда взаимодействуют системы родного и иностранного языков. Взрослые учащиеся являются носителями совмещенного производства речи, а следовательно в их речи будут встречаться ошибки, вызванные интерференцией.

Сопоставительный анализ родного и изучаемого/неродного языков как на теоретическом, так и на практическом уровне дает возможность предотвратить множество ошибок, возникающих в результате взаимодействия родного и неродного языка. Для предупреждения и устранения этих ошибок требуется проведение полного анализа обоих языков.

Анализ и сопоставление родного и изучаемого языков проводится по схеме:

- описание принципов анализа;
- отбор сопоставительных единиц;
- сопоставление этих единиц;
- прогноз трудностей и ошибок.

При типологическом сравнении контактирующих языков можно говорить о равенствах, структурных сходствах и различиях этих языков, но типологическое описание, непосредственно связанное с практикой обучения, должно рассматривать лингвистический материал с точки зрения прикладного значения. Основные направления прикладной лингвистики – **автоматическое распознавание и синтез речи, автоматические методы переработки текстовой информации...**

Сопоставительный анализ дает возможность рассмотреть предположительно существующие точки сближения, найти более или менее близкие аналогии и существенные различия. Привлечение фактов из родного языка дает положительные

результаты, когда аналогии между родным и изучаемым языком очевидны (существуют равенства). Когда родной язык влияет на изучаемый в плане совпадения происходит позитивная трансформация, транспозиция, а в плане различий происходит отрицательный перенос, интерференция. Лингвисты используют ошибки для целей сопоставительного языкознания. Методисты и психолингвисты используют ошибки для решения ряда проблем, связанных с содержанием процесса обучения и деятельности учащихся при овладении неродным языком.

По мнению большинства лингвистов, ошибка – это любое нарушение норм изучаемого языка. Н.Н.Рогозная предлагает следующее определение лингвистической ошибки. «Лингвистическая ошибка – это функциональное нарушение речевых отрезков, влекущее за собой искаженное представление об объекте познания (языка)» (Рогозная, 2001: с. 23). Важными считаются ошибки, возникающие на лексико-грамматическом и артикуляционном уровнях. «...Обучающийся, недостаточно владеющий иностранным языком, отталкивается от программы высказывания на родном языке, которая, обычно, безошибочна, то есть связана с уровнем бессознательного контроля, осуществляемого на родном языке. Переход от объективного к субъективному коду, то есть от кода образов и схем к элементам реального языка, связан с операцией выбора средств иностранного языка для выражения интенции. Именно на данном этапе, вследствие нетождественности систем выражения понятий в родном и иностранном языках, при осуществлении операции выбора языковых средств иностранного языка происходит «расхождение шва, именуемого ошибкой» (Леонтьев, 1970: с. 78). Ошибки на уровне побуждения не считаются важными: «...ошибки в замысле, программе не есть речевые ошибки. Речевые ошибки – это не всегда результат неправильной реализации замысла. Если же реализация соответствует замыслу, а замысел неверен, то следует говорить об ошибке логического, то есть экстралингвистического плана» (Бурденюк..., 1978: с. 29).

Таким образом, можно говорить о двух категориях ошибок:

- полностью нарушающие процесс общения или сильно затрудняющие его;
- не нарушающие процесс общения, понимания.

Первую категорию относят к коммуникативным ошибкам, высказывание неадекватно замыслу говорящего. Вторая категория ошибок не нарушает процесс понимания на основе языковой догадки.

Психологическими аспектами проблемы ошибок являются: механизм порождения высказывания и ошибки; ошибки как показатель прогресса в овладении иностранным языком; различение и сходство ошибок; типичные национальные ошибки; универсальные

речевые ошибки. Модель речевого высказывания в психолингвистике Запада следующая: намерения – грамматика – моторика.

В российской науке процесс порождения высказывания выглядит таким образом: мотив – мысль – внутреннее слово (смысл) – значение внешнего слова – слово (Выготский, 1982). Другие ученые предлагают иные модели. Мотив – мысль – внутреннее программирование (лексическая разверстка – грамматическое структурирование) – внешняя речь (Леонтьев..., 1970). Мотив – мысль (речевая интенция) – внутреннее программирование – смысловая структура, грамматическая структура – кинетическая программа – внешняя речь (Ахутина, 1989). Мотив – основная мысль высказывания – семантическая запись – глубинные синтаксические структуры – поверхностные синтаксические структуры – развертка (морфологическая, фонологическая, фонетическая) (Лурия, 1975).

Безошибочное же высказывание есть **речевой навык**, который вырабатывается речевой практикой. Навык определяется как упрочившийся благодаря упражнениям способ действия, как действие, которое совершается человеком без участия сознания, т.е. автоматически. Навык, сформированный в условиях, адекватных речевым, будет считаться продуктивным. «...Навык можно определить как способность совершить относительно самостоятельное действие в системе сознательной деятельности, которое благодаря наличию полного комплекса качеств стало одним из условий выполнения этой деятельности» (Пассов, 1989: с. 38). Пассов выделяет следующие качества навыков.

Автоматизированность. Навык есть автоматизированный компонент сознательно выполняемой деятельности. В понятие автоматизированности «входят: а) определенная скорость протекания действия; б) целостность и плавность действия, если оно не односоставно; в) экономность, т.е. отсутствие лишних движений; г) низкий уровень напряженности; д) готовность к включению...» (там же, с. 32). Все эти компоненты слиты воедино.

Устойчивость. Созданный навык должен быть готов к взаимодействию с другими навыками, а не терять свои качества. Такой навык будет устойчив.

Гибкость. На основе имеющегося навыка будет производиться одно и то же действие. Это значит, что навык является стереотипным. Но в то же время ему свойственно прямо противоположное качество – гибкость, подвижность (способность включаться в новой ситуации; способность функционировать на новом речевом материале). Гибкость формируется в процессе создания автоматизированности и устойчивости.

«Сознательность». Навыки теснейшим образом связаны с сознанием и обусловлены им. В момент совершения действия внимание рецепиента направлено на цель деятельности, а не на способы совершения действий, которые выполняются автоматически. На уровне сознательного действия мы замечаем сделанную ошибку.

Относительная сложность. На уровне навыка может порождаться не только отдельное слово, словосочетание, синтагма, но и целая фраза, даже фразы.

Термин «речевые навыки» демонстрирует свою принадлежность к речи как виду деятельности. Среди речевых целесообразно различать лексические и грамматические навыки, т.е. можно констатировать принципиальное различие механизмов, обеспечивающих порождение синтаксической конструкции, с одной стороны, и ее лексическое «наполнение» - с другой (Леонтьев, 2001).

В основе общения лежит **умение**. «Речевое умение есть способность управлять речевой деятельностью в условиях решения коммуникативных задач общения» (Пассов, 1989: с. 37). Л.С.Выготский предлагает анализ не по элементам, а по единицам. По его мнению, любой объект плодотворно членить не на элементы, а на единицы, так как последние сохраняют свойства целого объекта, а элементы – нет. Как, скажем, молекула воды сохраняет все ее свойства, а атомы водорода и кислорода – нет. Такой «молекулой речевой деятельности» является действие; если же речевая деятельность – умение, то его единицей будет навык. Навык должен обладать определенными качествами умения.

навык → речевое умение

Умение имеет много общего с навыками, но тем не менее это - самостоятельный феномен. Умение – это активный синтез навыков; владение системой психических и практических действий; регулирование действий; способность к мобилизации; то, что самостоятельно программируется самим человеком. Об умениях, необходимых для устного и письменного общения, нами уже говорилось выше.

Общеизвестно, что иностранный язык усваивается иначе, чем родной, но механизмы усвоения одни и те же. «...Ребенок усваивает в школе иностранный язык совершенно в ином плане, чем родной, - пишет Л.С. Выготский. Можно сказать, что *усвоение иностранного языка идет путем прямо противоположным тому, которым идет развитие первого языка*. Ребенок никогда не начинает усвоение родного языка с азбуки, чтения и письма, сознательного построения фразы, со словесного определения значения слова, с изучения грамматики, но все это обычно стоит в начале усвоения иностранного языка. *Ребенок усваивает родной язык несознательно и ненамеренно, а иностранный – начиная с сознательности и намеренности*. Поэтому можно сказать, что

развитие родного языка идет снизу вверх, в то время как развитие иностранного языка идет сверху вниз. В первом случае раньше возникают элементарные, низшие свойства речи, и только позже развиваются сложные формы, связанные с освоением фонетической структуры языка. Во втором случае раньше развиваются высшие, сложные свойства речи, связанные с осознанием и намеренностью, и только позже возникают более элементарные свойства, связанные с опознанием, свободным пользованием чужой речью.

Между этими противоположно направленными путями развития существует взаимозависимость. Такое сознательное и намеренное усвоение иностранного языка совершенно очевидно опирается на известный уровень развития родного языка. Ребенок усваивает иностранный язык, обладая уже системой знаний в родном языке и перенося ее в сферу другого языка. Но и обратно – усвоение иностранного языка позволяет ребенку понять родной язык как частный случай языковой системы, следовательно, дает ему возможность обобщить явления родного языка, а это значит осознать свои собственные речевые операции и овладеть ими» (Выготский, 1956: с. 291 - 292). Исходя из того, что неродной/второй язык усваивается тем же мозгом, что и родной/первый, выделяют следующие условия, необходимые для формирования речевого навыка (лексического, грамматического или произносительного):

- предваряющее слушание речи;
- имитацию как первую стадию усвоения;
- использование механизма аналогии;
- использование непроизвольного запоминания;
- многообразие ситуативных условий;
- одноязычность заданий;
- системность в работе мозга.

Для этого необходимо на определенном отрезке усвоения давать однотипные речевые образцы; регулярно подавать эти образцы в мозг учащегося; обращать внимание на относительную безошибочность речевых действий обучаемого, на адекватность заданий; управлять процессом формирования речевых навыков; следить за комплексностью усвоения. Избегать ошибок в процессе становления навыка особенно важно на начальном этапе (здесь они оказываются исключительно стойкими), необходимо проводить «профилактику» ошибок. «Учить речи нужно через правильную речь» (Пальмер, 1960: с. 56). Овладение речью ребенка и взрослого, изучающего иностранный язык, различно. Ребенок сначала осваивает звуковую форму слова, затем вникает в смысл слова и в конце формирует для себя грамматические, лексические, фонетические правила.

В условиях целенаправленного обучения учащийся овладевает этими знаниями комплексно. Ребенок анализирует и запоминает единицы языка лишь потому, что это является для него жизненной потребностью, необходимостью. У взрослого, изучающего иностранный язык, несколько иная мотивация. Ребенок окружен языком, учащийся чаще всего находится в сконструированной учебной ситуации, в ограниченной языковой среде. При изучении иностранного языка огромное значение имеет языковая среда. Отсутствие языковой среды и даже частичная языковая среда затрудняют освоение иностранного языка. Грузинские студенты, изучающие русский язык, находятся в ограниченной языковой среде. Они слышат русскую речь только по телевидению. Это, естественно, отражается на их знаниях. С каждым годом приходит контингент студентов со слабым знанием русского языка, но хорошо (и даже отлично) знающих английский язык. Если раньше со слабыми знаниями русского были студенты из районов, то сейчас средние знания у студентов, окончивших школу в городе (и даже в столице). Вместе с тем, многие семьи (состоятельные) стараются обучить своих детей русскому языку на дошкольном уровне благодаря русским няням, не владеющим грузинским языком (но это многим не по карману). Ребенок слышит живую разговорную русскую речь, имитирует ее (дети всегда имитируют ради необходимости имитировать, вне всякой речевой задачи, подчас они имитируют, не зная, что они имитируют, не осмыслив необходимого) и начинает сам говорить на русском языке параллельно со своим родным языком, который он слышит от родителей. Таким образом, поступая в школу, ребенок уже владеет двумя языками. Фактически усвоение начинается с имитации, играющей важную роль при овладении говорением. Ведь и динамический стереотип складывается не благодаря восприятию, а благодаря воспроизведению речи. Речи нельзя научить, ей можно только научиться.

Речевые действия могут совершаться по аналогии, возникающей и при усвоении родного языка, и при изучении иностранного языка.

Многие ученые и практики, исследуя механизм порождения высказывания, индивидуальную интеллектуальную когнитивную деятельность учащегося, этапы усвоения родного языка ребенком, сопоставляя ошибки детей и взрослых учащихся, обучая иностранцев видам речевой деятельности, решая проблемы коррекции, предлагали различные классификации ошибок. Рассмотрение этих классификаций позволяет выделить комплексные причины возникновения ошибок при изучении русского как иностранного и помогает решить самые разные лингвистические и методические задачи.

А.А.Леонтьев (1969), затрагивая психические и психолингвистические проблемы при порождении речи, делит ошибки на:

- ошибочные действия, неуместные в данной ситуации;
- ошибочное программирование речевого действия;
- ошибки в звене реализации программы высказывания (ошибочные речевые операции);
- ошибки, связанные с моторным программированием и его реализацией;
- ошибки, связанные с выбором вариантов;
- ошибочные оценки речевых явлений.

Но наша цель не анализ ошибок, связанных с порождением речевого высказывания, а анализ отрицательного языкового материала (интерференции) в русской речи иностранцев. В процессе обучения иностранному языку ошибки необходимо рассматривать не просто как нарушение норм в отдельных разделах изучаемого языка, а раскрыть сущность ошибки и причины ее возникновения. Лингвисты классифицируют ошибки по разным признакам.

С выделением видов речевой деятельности (говорение, письмо, аудирование, чтение) ошибки стали делить на:

- продуктивные (связанные с выдачей информации) и
- рецептивные (связанные с приемом информации).

Это совершенно разные виды ошибок, они не являются зеркальным отражением друг друга. Рецептивные ошибки намного сложнее определить, чем продуктивные, т.к. слушающий и читающий не всегда признают свое непонимание, хотя в аудитории преподаватель может установить степень понимания текста.

По отношению к формам общения С.Н.Цейтлин (Цейтлин, 1982: с. 29-30) выделяет ошибки:

- свойственные исключительно устной речи (орфоэпия, акцентология);
- свойственные исключительно письменной речи (орфография, пунктуация);
- не зависящие от формы речи, которые с свою очередь подразделяются на

следующие подтипы:

- а) словообразовательные;
- б) морфологические;
- в) синтаксические;
- г) фразеологические;
- д) стилистические

В первой главе нами была дана подробная характеристика устной и письменной речи, были описаны черты каждой из них.

С.П. Кордер по признаку категориальности выделяет ошибки:

- фонетические (искажающие общий фонетический рисунок слова, смыслоразличительные звуки, виды интонационных конструкций);
- лексические (полное искажение, незнание, неадекватное употребление слова...);
- морфологические (искажающие морфологическую структуру слова);
- синтаксические ;
- стилистические.

По степени значимости выделяются следующие ошибки:

- незначительные и
- значительные.

Оговорки относятся к незначительным ошибкам, они не нарушают коммуникацию. А грамматические ошибки – нарушение рода, числа, предложно-падежного управления – являются значимыми, хотя могут распознаваться на основании языковой догадки. По мнению Кордера, лексические и синтаксические ошибки, выражающиеся в незнании и замене слова, употребление неверного предложного управления в конструкциях или неверной интонации или звука, полностью могут изменить смысл высказывания (Кордер, 1966). В этом случае ошибка приводит к нарушению коммуникации.

В связи с этим ошибки делятся на:

- некоммуникативные (не носящие смыслоразличительный характер) и
- коммуникативные (носящие смыслоразличительный характер).

При продуктивных видах речевой деятельности (говорении и письме) некоммуникативные ошибки чаще всего являются нарушением тех или иных языковых норм в области фонетики, лексики, грамматики, синтаксиса... Если высказывание будет понятно собеседнику на основании развитого у него чувства языковой догадки и он сможет поддержать и продолжить диалог, то, несмотря на нарушения, высказывание можно считать коммуникативным. Здесь неполное нарушение смысла высказывания. Но иногда ошибки настолько затрудняют понимание высказывания, что невозможно продолжение коммуникации. Это могут быть: неправильное употребление в речи целого выученного высказывания, клише; неправильный выбор средств связи; замена лексических единиц; ошибочное употребление интонационных конструкций или звуков, имеющих смыслоразличительный характер и т.д. Это – нарушения, приводящие к *полному* непониманию коммуникации и делающие дальнейшее восприятие невозможным. Иногда правильно построенное и оформленное высказывание может не соответствовать контексту и не выразить интенции говорящего. Таким образом, абсолютно правильное с

точки зрения языкового оформления высказывание может быть некоммуникативным, ошибочным. Ошибки в таком случае проявляются не сразу, а после привлечения обширного контекста и тщательного анализа. Другая группа ошибок – это явные и легко уловимые ошибки.

В связи с тем, что одни ошибки видны сразу, а другие выясняются после тщательного анализа, выделяются:

- «открытые» (соответствие высказывания контексту) и
- «закрытые» (несоответствие высказывания контексту) ошибки.

По частотности появления в речи отдельных учащихся и однородных групп (Воронин, 1969) выделяют ошибки:

- типичные (часто встречающиеся) и
- нетипичные (редко встречающиеся).

Часто встречающиеся относятся к наиболее важным и сложным разделам изучаемого языка.

Выделяются также ошибки:

- коллективные и
- индивидуальные (Кордер).

Это деление условное, т.к. даже в группе с одинаковым уровнем развития родного и одинаковыми знаниями иностранного языка и возрастными данными частотность появления однотипных ошибок варьируется. Это зависит от атмосферы, царящей в аудитории; от степени подготовленности группы к занятию; от рече-мыслительной деятельности каждого учащегося и т.д.

Типичные групповые ошибки, как правило, – результат интерференции родного и изучаемого языков. Они могут прогнозироваться. Такие ошибки названы

- интерлингвальными (межъязыковыми).

Индивидуальные ошибки прогнозироваться не могут. Они связаны с внутренними процессами каждого учащегося и названы

- интралингвальными (внутриязыковыми) (Кордер).

По признаку случайности (Кордер, 1966; Мучник, 1972) выделяются:

- неслучайные (собственно) ошибки и
- случайные (оговорки).

Ошибки, обусловленные недостаточностью знаний в области языковых норм и свойственные начальному этапу обучения, порождаются процессами интерференции –

ложной аналогии. Мучник классифицировал оговорки как ошибки, появившиеся при наличии знаний и зависящие от целого ряда психических процессов учащихся.

По степени владения материалом Кордер делит ошибки на:

- «досистемные» (определенное языковое явление еще не изучено учащимся, однако коммуникативная ситуация требует самостоятельного конструирования высказывания);
- «системные» (ошибки, относящиеся к периоду изучения и закрепления языкового материала);
- «послесистемные» (определенное языковое явление изучено и закреплено, но по какой той причине ошибки все же присутствуют в речи).

С.Н.Цейтлин разделяет речевые и неречевые ошибки и выделяет среди неречевых:

- фактические (проявляющиеся в искажении факта) и
- логические ошибки (проявляющиеся в нарушении логического мышления).

Выделяют также ошибки:

- зависящие от деятельности учащегося (в силу незнания внутрисистемных отклонений внутри русского языка; невнимательности; привычки переводить все на родной язык; из-за отсутствия прочных навыков; из-за неверного понимания или неверного «застарелого» навыка) и
- неудовлетворительной работы преподавателя (недостаточная презентация и закрепление учебного материала преподавателем) (Рожкова, 1977; Цветкова, 1964).

Ошибки могут возникать на разных фазах порождения речевого высказывания.

Стремясь к улучшению процесса обучения, необходимо раскрыть сущность явления *ошибки*, описать причины их возникновения, предупредить и устранить их. При субординативном (классном) двуязычии интерференция требует специального лингвистического анализа материала обоих языков для «вскрытия» причин нарушений билингов. Наша цель – описать лингвистический аспект интерференции на основе практического материала. Анализом ошибок в русской речи послужила письменная и устная речь студентов-грузин негуманитарного профиля Тбилисского государственного университета и школьников (начальный и продвинутый этапы обучения).

Трудности, с которыми сталкиваются грузины при изучении русского языка, прежде всего обусловлены типологическими различиями.

Русский и грузинский – языки, принадлежащие к совершенно разным семьям и не обнаруживающие признаков исторического родства. Русский язык – один из восточнославянских языков, входящий в группу славянских языков и в индоевропейскую

семью языков. А грузинский язык входит в южную группу кавказских (иберийско-кавказских) языков. Исследуемые языки различаются структурной особенностью и строем: русский, как известно, относится к флективным языкам, а грузинский – к агглютинативным. Мы постараемся проследить за явлением отрицательного воздействия родного языка (в данном случае – грузинского) на иностранный (в данном случае – русский), найти точки сближения этих языков – языковые аналоги, равенства и расхождения или полное отсутствие языковой единицы. Мы не коснемся ошибок в графическом и фонетическом звеньях языковой системы, а лишь рассмотрим нарушения на лексическом, грамматическом, синтаксическом и просодическом уровнях. В языке все уровни тесно переплетаются друг с другом. Синтаксис – один из уровней языковой системы – взаимосвязан с морфологией и лексикой. Все синтаксические конструкции реализуются в языке на основании лексического материала, употребленного в соответствующих морфологических формах. Основной единицей синтаксического уровня является предложение. При сопоставлении вопросно-ответных единств в русском и грузинском языках нами были обнаружены определенные сходства и различия на грамматическом, синтаксическом и просодическом уровнях.

В грузинском языке все существительные делятся на две большие группы: категория или класс **ვინი (кто?)** – слова, называющие только человека (ქალი, კაცი, მოსწავლე, სტუდენტი, ნიბი, ვიორგი) и категория или класс **რა (что?)** – слова, обозначающие живые существа (мир животных, птиц и т.д.: ძაღლი, კატა, ძროხა, ქათამი) и предметы (მაგიდა, სკამი, წიგნი). Грузинский язык, в отличие от русского, довольно категоричен и ни в коем случае не допустит постановку вопроса **ვინი (кто?)** к тем существительным, которые обозначают названия животных. В связи с этим на начальном этапе обучения русскому языку мы сталкиваемся с ошибками типа:

- *Что это? - Это кошка.* Вместо: - *Кто это?*

Помимо этого в грузинском языке нет грамматической категории рода. Вследствие этого нет и согласования в роде. В XVII - XIX веках под влиянием греческого и русского языков некоторые грузинские лингвисты и писатели для обозначения лиц женского пола употребляли окончания *ა*: *მეფა* (царица), *ბატონა* (госпожа), *ხელმწიფა* (государыня), но они были слишком искусственны и не прижились, т.к. грамматическая категория рода чужда грузинскому языку (Хундадзе, 1902: с. 23). В русском же эта категория является системной, определяющей характер всего строя языка. Поэтому ошибки, связанные с согласованием в роде и выборе падежных окончаний, присутствуют на всех уровнях

обучения русскому языку. Довольно часто встречаются ошибки при составлении вопросительных конструкций с вопросительными местоимениями **чей, чья, чье, чьи** и употреблением указательных местоимений **этот, эта, это, эти (тот, та, то, те)**,

- Чья это родители?	Вместо:	- Чьи это родители?
- Чей это пальто?	Вместо:	- Чье это пальто?
- Чья это карандаш?	Вместо:	- Чей это карандаш?
- Чья этот шапка?	Вместо:	- Чья эта шапка?

В русском языке вопросительное местоимение **кто** не имеет форм грамматического рода и числа, предикат при нем в прошедшем времени стоит в мужском роде единственного числа, независимо от пола и числа лиц, о которых идет речь. В грузинском языке предикат при вопросительном местоимении **ვინ (кто)** также стоит в единственном числе, тут полное равенство, но ошибки вызваны из-за отсутствия грамматической категории рода.

- Кто пришла?	Вместо:	- Кто пришел?
- Кто была на собрании?	Вместо:	- Кто был на собрании?

В русском языке при оформлении вопроса при помощи вопросительного местоимения **что** в прошедшем времени сказуемое и определение всегда ставятся в форме среднего рода единственного числа. Типичные для грузин ошибки:

- Что случилась?	Вместо:	- Что случилось?
- Что случился?	Вместо:	- Что случилось?
- Что разбился?	Вместо:	- Что разбилось?

Подобного рода ошибки связаны с отсутствием в грузинском языке категории рода. Поэтому термин «род» не может быть применен и к именам прилагательным. Характерным нарушением в русской речи грузин, проявляющимся на начальном уровне обучения языку, является неправильное использование рода прилагательных.

- Какое это история?	Вместо:	- Какая это история?
- Какой книга она читает?	Вместо:	- Какую книгу она читает?
- Большой или маленький это библиотека?	Вместо:	
- Большая или маленькая эта библиотека?		
- Какие цвета волос у Нины?	Вместо:	- Какого цвета волосы у Нины?
- Какой цвет у него волосы?	Вместо:	- Какого цвета у него волосы?
- Какова музыку я слушаю?	Вместо:	- Какую музыку я слушаю?

Вопросительное местоимение **который/რომელი** употребляется в обоих языках, когда спрашивают о порядке предмета или определительности его к ряду других таких же

предметов. Но в грузинском языке вопросительное местоимение **რომელი** может указывать на одного или нескольких, в частности может употребляться в значении **ვინ, რა** (*რომელი ხარ მანდა? აკაკი*). Результатом кальирования будут ошибки типа:

- *Который врач сегодня работает?* Вместо: - *Кто (какой врач) сегодня работает?*

- *В котором городе состоялся концерт?* Вместо:

- *В каком городе состоялся концерт?*

Количественные числительные русского языка **один, одна, одно, два, две** имеют грамматическую категорию рода. Количественным числительным грузинского языка, как и другим частям речи не свойственна категория рода. Поэтому мы встречаем ошибки типа:

- *В аудитории двадцать два студентка.* - *В аудитории двадцать две студентки.*

- *На столе один словарь и один ручка.* Вм.: - *На столе один словарь и одна ручка.*

- *Я написал одна письмо.* Вместо: - *Я написал одно письмо.*

Иногда встречаем ошибки смешанного типа, где присутствуют и нарушение синтаксических схем, и несоответствие лексико-грамматического структурирования:

- *У вас есть две диска и две кассети.* Вм.: - *У вас есть два диска и две кассеты.*

- *Сколько дни вы в Москве провели?* Вм.: - *Сколько дней вы провели в Москве?*

- *Сколько листочки лежат на столе?* - *Сколько листов бумаги лежит на столе?*

Частотны суплетивные нарушения типа:

- *Мой отец 52 лет.* Вместо: - *Моему отцу 52 года.*

- *Сколько лет мой старший брат?* Вместо: - *Сколько лет моему старшему брату?*

- *Моя старшая сестра 18 год.* Вместо: - *Моей старшей сестре 18 лет.*

Сильное отрицательное воздействие интерференции проявляется в неумении оперировать грамматическими категориями русского языка, аналогии которых не представлены в грузинском языке (род) или представлены, но не в том объеме (падеж). Относясь к языкам агглютинативного типа, грузинский язык имеет широкую систему постфиксных образований – послелогов, которые сливаются со словами. Послелогов в грузинском языке выполняют те же функции, что и предлоги в русском. В падежной системе русского и грузинского языков существует колоссальная разница. В русском языке по падежам изменяются только именные категории (имя существительное, полное прилагательное, числительное, местоимение и причастие), а в грузинском могут склоняться и глагольные категории (масдар), и даже служебные части речи (послелог, союз, частица). В грузинском каждый падеж имеет свой показатель (общий и для имен

существительных, и для имен прилагательных...), который употребляется как в единственном, так и во множественном числе (кроме старой формы множественного числа, которая до сих пор встречается в языке). В отличие от русского в грузинском склоняются абсолютно все заимствования. Падежные окончания в русском языке зависят от рода и числа имени, поэтому падежные окончания весьма разнообразны (для существительных одни окончания, для прилагательных – другие, склонение числительных – вообще «дремучий лес»). Поэтому частотными нарушениями в русской речи грузин является неправильное употребление падежных окончаний и предлогов, особенно при выражении пространственных отношений. Зачастую это объясняется большим количеством исключений в русском языке.

- *О каких проектах вы работаете?* Вм.: - *Над какими проектами вы работаете?*

- *Что мы должны приготовить для экзамена?* Вместо:

- *Что мы должны подготовить к экзамену?*

- *На чем она смотрит?* Вместо: - *На что она смотрит?*

- *О кого заботится мама?* Вместо: - *О ком заботится мама?*

- *В чем они одеты?* Вместо: - *Во что они одеты?*

- *Что они играют?* Вместо: - *Во что они играют?*

- *Из куда идут студенты?* Вместо: - *Откуда идут студенты?*

- *Какого она характера?* Вместо: - *Какой у нее характер?*

- *Какого музыку вы слушаете?* Вместо: - *Какую музыку вы слушаете?*

- *Извини, у меня нет больше время, я спешу в доме.* - *Хорошо, до свидания.*

Вместо: - *Извини, у меня нет больше времени, я спешу домой.*

- *Мой отец работает в заводе (в почте) .* - *Мама была в рынке.* Вместо:

- *Мой отец работает на заводе (на почте) .* - *Мама была на рынке.*

В русской речи грузин частотны также ошибки при склонении прилагательных и соответственно причастий. В грузинском языке, как и в русском, прилагательные относятся к существительным, но в отличие от русского согласуются с ним только в падеже, в то время как в русском согласование происходит в роде, числе и падеже. Имена прилагательные в русском всегда согласуются с определяемыми словами и при склонении (отдельно или в сочетании с существительным) имеют постоянные, характерные для них падежные окончания. Находясь в препозиции, имена прилагательные грузинского языка с основой на согласный одинаково изменяются по падежам вместе с определяемым словом, стоящим как в единственном, так и во множественном числе (только в именительном, повествовательном и звательном падежах; представляют чистую основу, т.е. не имеют

падежных окончаний в дательном и обстоятельственном падежах; в родительном и творительном падежах имеют усеченные падежные окончания), а с основой на гласный не изменяются по падежам ни в единственном, ни во множественном числе. Склоняясь самостоятельно без существительных или выступая в роли постпозитивного определения, они принимают те же падежные окончания, что и существительные и на них распространяются те же фонетические законы, которые характерны для существительных. Прилагательные в грузинском не имеют своих формантов множественного числа, используются общие для всех именных частей речи суффиксы множественного числа –*ჲბ* и –*ბ*- (*მგობრჲბი* – *მგობარბი*, *კარგჲბი* – *კარგბი*). В русском языке прилагательные (как и существительные) имеют весь спектр падежных актуализаторов. Многочисленные ошибки связаны с тем, что не совпадают предложные системы в сопоставляемых языках. Межъязыковая интерференция вызвана системными различиями контактирующих языков. Частотны также ошибки так называемой регулярности – смешение мягкой и твердой основ прилагательных.

- *Я вижу большого дома, широкую улицу и симпатичную мужчину.* Вместо:

- *Я вижу большой дом, широкую улицу и симпатичного мужчину.*

- *На вечере я видела моей старой школьной подруги.* Вместо:

- *На вечере я видела мою старую школьную подругу.*

- *Я встретился моему старому школьному другу.* Вместо:

- *Я встретился с моим старым школьным другом.*

- *Мы разговаривали о моего старого школьного друга.* Вместо:

- *Мы разговаривали о моем старом школьном друге.*

Личные местоимения в грузинском языке при глаголах употребляются реже, чем в русском. Объясняется это тем, что по строю грузинского глагола в самой его форме дается как субъект, так и объект действия (например, *გავუკეთე* – я сделал это ему). Это ограничение придает грузинской речи динамичность и ускоряет ее темп. Для личных местоимений русского и грузинского языков характерной морфологической особенностью является суплетивизм, проявляющийся в склонении. В грузинском личные местоимения 1-го и 2-го лица *მე*, *შენ*, *ჩვენ*, *თქვენ* (**я, ты, мы, вы**) можно считать несклоняемыми, они имеют одну и ту же форму в четырех падежах (именительном, повествовательном, дательном и родительном, только местоимение *მე* в родительном падеже будет иметь форму *ჩემ*, когда оно сочетается с послелогом: *დღეამ ჩემთვის სახუჭარო იყოფა*. В родительном падеже эти местоимения употребляются только с послелогом) и вообще не

имеют форм в остальных трех падежах (творительном, обстоятельном и звательном, звательный падеж имеют лишь местоимения **შენ** и **თქვენ**, употребляемые вместе с другими словами, параллельно допустимы формы **შე** и **თქვე** (**შე დალოცვილო, თქვე საწყებო**). Местоимения 3-го лица **ის, ისინი** при склонении имеют две основы, во всех косвенных падежах употребляется основа **მა/-იმა**. В русском языке все личные местоимения склоняются и имеют формы всех падежей, отсюда возникновение в речи носителей грузинского языка суплетивных нарушений при употреблении личных местоимений.

- *Как ты понравился этот фильм?* Вместо: - *Как тебе понравился этот фильм?*

- *Сколько я (его) лет?* Вместо: - *Сколько мне (ему) лет?*

- *Какое ее лицо?* Вместо: - *Какое у нее лицо?*

- *Нравится им эти картины?* Вместо: - *Нравятся им эти картины?*

- *Хорошо, я могу дать вас очень интересную книгу.* Вместо:

- *Хорошо, я могу дать вам очень интересную книгу.*

- *У тебя есть семья? - Нет, а ты?* Вместо: - *Нет, а у тебя?*

- *Кто его муж?* Вместо: - *Кто ее муж?*

Грамматические ошибки чаще всего возникают из-за несовпадения грамматических структур родного и изучаемого языков. Влияние сложившегося языкового мышления родного языка порождает неправильно сконструированное высказывание. Среди грамматических ошибок наиболее частотны ошибки парадигматического уровня. Для грузин огромную трудность представляет согласование существительных с числительными. Происхождение этих ошибок кроется в межъязыковой интерференции – в том, что в грузинском языке существительные при числительных (а также со словами **ბევრი, ცოტა, რამდენი, რამოდენიმე, უამრავი**) стоят в единственном числе (**ოთხი მოსწავლე, ხუთი წიგნი, თორმეტი თვე**), а особенностью русского языка является то, что после числительных, стоящих в именительном или винительном падежах, существительные употребляются либо в именительном падеже (после числительных **один, одна, одно**), либо в родительном падеже единственного числа (после числительных **два/две, три, четыре, 22 - 24, 32 - 34** и т.д.), либо в родительном падеже множественного числа (после числительных от **пяти** до **двадцати, 25 - 30, 35 - 40** и т.д. и после слов, обозначающих неопределенное число: **много, немного, мало, несколько, большинство, меньшинство**, а также после

вопросительного местоимения **сколько**). Из-за этих различий возникают ошибки так называемого упрощения:

- *На столе две книга.* Вместо: - *На столе две книги.*
- *Сколько мясо (модоко, хлеб) купили для обеда?* Вместо:
- *Сколько мяса (молока, хлеба) купили вы на обед?*
- *Сколько стоит мороженое?* - 22 рубль. Вместо: - 22 рубля.
- *Сколько студент в аудитории?* Вместо: - *Сколько студентов в аудитории?*
- *В аудитории тридцать два студентка.* Вместо: - *Тридцать две студентки.*

Ошибки на недодифференциацию многочисленны, типичны и сохраняются длительное время. Почти на всех этапах обучения в русской речи грузин сохраняются нарушения при согласовании числительных с прилагательными и существительными. В русском языке после числительных **один, одна, одно** во всех падежах прилагательное и существительное согласуется с числительным в роде и падеже. После числительных **два/две, три, четыре** в именительном падеже существительное стоит в родительном падеже единственного числа, а прилагательное – в родительном падеже множественного числа (если оно относится к существительным мужского и среднего рода: *два больших дома, четыре больших окна*) или в именительном падеже множественного числа (если оно относится к существительным женского рода: *две большие комнаты*). После числительного **пять** и **всех остальных** в именительном и винительном падежах существительное и прилагательное стоят в родительном падеже множественного числа независимо от рода существительного (*пять больших домов, шесть больших окон, десять больших комнат*). В остальных падежах числительное, прилагательное и существительное согласуются в числе и падеже (*Это мать двух маленьких мальчиков/девочек. Она довольна этими двумя маленькими мальчиками/девочками. Она часто думает об этих двух маленьких мальчиках/девочках.*). В грузинском языке при всех числительных прилагательное и существительное стоят в единственном числе (ოცნო დიდო სახლი, ათო დიდო ოთახი. ეს ოცნო პატარა ბავშვის დედაა.). Об этом мы уже говорили выше.

- *В комнате два большие окна.* Вместо: - *В комнате два больших окна.*
- *В аудитории пять хорошие студентки.* Вместо:
- *В аудитории пять хороших студентов.*

Многочисленная группа ошибок связана с использованием глаголов движения, в частности, с неправильным выбором глаголов, принадлежащих к разным семантическим группам «пешком» или «на транспорте» и их префиксальными вариантами. В грузинском

грузинском языке используется глагол უფხბა /აზის/ (გარეთ წვიმაა). В русском языке глагол-связка **быть** в настоящем времени не употребляется. Глагол-связка უფხბა /აზის/ в грузинском языке не опускается, а может лишь упрощаться: –ს. Интерферирующее влияние грузинского языка, где эта связка обязательна, влечет за собой ошибки калькирования особенно на начальном этапе:

- <i>Здравствуйте, сегодня есть врач Сулханишвили?</i>	Вместо:	
- <i>Здравствуйте, сегодня работает врач Сулханишвили?</i>		
- <i>Где есть Нино?</i>	Вместо:	- <i>Где Нино?</i>
- <i>У моей подруги есть стройная фигура.</i>	Вместо:	
- <i>У моей подруги стройная фигура.</i>		

Следствием аналогии являются следующие ошибки:

- <i>Я учу в университете.</i>	Вместо:	- <i>Я учусь в университете.</i>
- <i>Где ты учишь?</i>	Вместо:	- <i>Где ты учишься?</i>
- <i>А где ты учишь?</i>	Вместо:	- <i>А где ты учишься?</i>
- <i>Я учу на педагогическом институте на факультет физико-математик.</i>	Вместо:	
- <i>Я учусь в педагогическом институте на физико-математическом факультете.</i>		
- <i>В каком классе она учит?</i>	Вместо:	- <i>В каком классе она учится?</i>
- <i>Какой предмет она учит?</i>	Вместо:	- <i>Какой предмет она изучает?</i>

В грузинском языке во всех этих случаях употребляется один глагол სწავლა /სწავლობს/, соответствующий русским глаголам *учиться, изучать, учить*.

В русской речи грузин встречаются также нарушения форм глаголов совершенного и несовершенного вида. Грамматическая категория вида представлена в обоих языках, но в русском языке она более сложна, разнообразна и развита, чем в грузинском. Ошибки на видовые пары, зарегистрированные в русской речи грузин, возникают из-за недооценки трудностей при презентации материала, что проявляется в образовании ложных аналогий и неправильных связей, вызванных внутриязыковой интерференцией. Нарушения видовых отношений:

- <i>Один молодой человек очень поздно встал каждое утро и поэтому всегда опоздал на работу.</i>	Вместо:	- <i>Один молодой человек очень поздно вставал каждое утро и поэтому всегда опаздывал на работу.</i>
- <i>1 рубль, - отвечал мальчик.</i>	Вместо:	- <i>1 рубль, - ответил мальчик.</i>
- <i>Вчера я купил книгу.</i>	Вместо:	- <i>Вчера я купил книгу.</i>

В русском языке для выражения взаимности можно употребить сочетание **друг друга**. Это значение в грузинском передается посредством взаимного местоимения **ერთმანზე**. На начальном этапе встречаются ошибки типа:

- *Они знакомы друг другу?* Вместо: - *Они знакомы друг с другом?*
- *Мы встречаемся с друг друга.* Вместо: - *Мы встречаемся друг с другом.*
- *Они купили книги для друг друга.* Вместо: - *Они купили книги друг для друга.*

Ошибки на грамматико-синтаксическом уровне проявляются в нарушении построения словосочетаний и предложений. Наблюдается как межъязыковая интерференция, так и внутриязыковая, приводящие к следующим нарушениям: отсутствие главных членов предложения, их неправильное согласование, временные несоответствия, нарушение границ предложения, неправильный выбор соединительных элементов, нарушения в выборе порядка слов и др. В любом языке каждому члену предложения соответствуют определенные синтаксические позиции, связанные общей семантикой, которая формирует позицию компонентов предложения. Синтаксис грузинского языка имеет ряд специфических черт по сравнению с русским. Обычная позиция сказуемого в грузинском языке - конец предложения. В связи с этим в русской речи грузин частотны нарушения субституционного характера (замещение синтаксической позиции) и транспозиция (перенос слов и словосочетаний из одной позиции в другую).

В русском языке вопрос согласования сказуемого с подлежащим (в числе) разрешен гораздо проще, чем в грузинском языке. В русском независимо от того подлежащее одушевленный или неодушевленный предмет сказуемое в основном согласуется с подлежащим в числе: *книга лежит - книги лежат; студент сидит - студенты сидят*. Такое согласование было свойственно древнегрузинскому литературному языку, но в современном грузинском языке вопрос согласования сказуемого с подлежащим намного сложнее:

1) если подлежащее в единственном числе, то сказуемое тоже в единственном числе, независимо от того одушевленный это предмет или неодушевленный: **ბავშვი თამაშობს, ძაღლი ყეფს, ხე დგას**;

2) если подлежащее стоит во множественном числе и является одушевленным предметом (будет оно отвечать на вопрос **ვინ** или **რა** из мира животных), то сказуемое согласуется с ним и тоже будет стоять во множественном числе: **ბავშვები თამაშობენ, ძაღლები ყევენ**;

3) если подлежащее, стоящее во множественном числе, выражено неодушевленным предметом, сказуемое не согласуется с ним в числе и будет стоять в единственном числе: ხეები დგას;

4) сказуемое стоит в единственном числе, если при подлежащем в качестве определения употребляются количественные числительные или слова ბევრი, ცოტა и местоимение ყველა: ოთხი ამხანაგი მოვიდა, ბევრი ბავშვი იყო, ყველა მოვიდა.

В связи с этим на начальном этапе обучения встречаются ошибки типа:

- *Сколько стоит булки?* Вместо: - *Сколько стоит булка?*
- *Книги и тетради лежат на столе.* Вм.: - *Книги и тетради лежат на столе.*
- *Все пришел.* Вместо: - *Все пришли.*
- *В комнате стоит столы и стулы.* Вм.: - *В комнате стоят столы и стулья.*

Для ясности речи большое значение имеет порядок слов в предложении вообще и, в частности, в грузинском предложении, хотя в большинстве случаев строй грузинского языка допускает свободное расположение слов в предложении. От перестановки слов в предложении დედამ შვილს წიგნი აჩუქა смысл не меняется, т.к. глагол-сказуемое აჩუქა управляет всеми словами в предложении и потому в результате перестановки слов не изменяется их взаимоотношение, выраженное посредством управления. Но, как известно, смысловое объединение слов для выражения какой-либо мысли происходит также путем согласования и примыкания. В русском языке равноправные слова связываются друг с другом при помощи союзов или интонации так же, как и в грузинском, а неравноправные – путем согласования (შეთანხმება), управления (მართვა), примыкания (მირთვა). Большая разница в том, что грузинскому свойственно обоюдное управление (საერთიერთო მართვა), чего в русском вообще нет. В грузинском языке глагол характеризуется полиперсонализмом (многочлием). Одноличные глаголы, подобно русским глаголам, указывают на лицо субъекта, но в грузинском есть двухличные глаголы, по своей форме указывающие на два лица – субъекта и объекта, и трехличные глаголы, указывающие на три лица – субъекта, прямого объекта и косвенного объекта. Этим обстоятельством вызвано: 1) обоюдное управление (საერთიერთო მართვა) членов предложения и 2) различие в предложении обусловленного (განპირობებული – პირმართი დამატება – პირდაპირი და ირიბი) и необусловленного (განუპირობებელი – უბრალო დამატება) дополнения. Грузинскому языку по обоюдному управлению свойственна взаимная зависимость сказуемого от подлежащего и подлежащего (и обусловленного дополнения) от сказуемого. ბავშვი

აკეთებს დავალებას. Глагол *აკეთებს* в 3-ем лице, что зависит от подлежащего *ბავშვი*, но вместе с тем падеж подлежащего и дополнения зависит от сказуемого. Значит, подлежащее управляет лицом глагола, а глагол в свою очередь управляет падежом подлежащего и дополнения. Если глагол *აკეთებს* перевести во вторую серию *გააკეთა* или в третью серию *გაუკეთებია*, то падежи подлежащего и дополнения обязательно изменятся: *ბავშვმა გააკეთა დავალება*. *ბავშვს გაუკეთებია დავალება*. Поэтому в речи русских, изучающих грузинский язык частотны ошибки типа:

- *ბავშვი გააკეთა დავალება*.

- *ბავშვი გაუკეთებია დავალება*.

В грузинском языке подлежащее в отличие от русского стоит в именительном, повествовательном и дательном падежах. Характер и форма глагола-сказуемого определяет постановку каждого из этих падежей для выражения подлежащего. Падеж подлежащего зависит от переходности/непереходности глагола-сказуемого и от того к какой серии он относится.

В русском языке подлежащее управляет лицом глагола-сказуемого и согласуется с ним в числе, а глагол-сказуемое управляет падежом дополнения. Значит, в русском языке - одностороннее управление. Обоюдное управление в грузинском языке имеется в том случае, если сказуемое выражено переходным глаголом, а если сказуемое выражено непереходным глаголом, то тогда, как и в русском, будет одностороннее управление. Ошибки управления могут быть различными: употребление одной определенной падежной формы при управляющих словах с однотипным или синонимичным значением (*заведующий кафедры*, вместо: *заведующий кафедрой*; ср.: директор завода); изменение управления слова под воздействием синонима или паронима, который выступает в качестве образца для первого (*Я этим очень рада*. Вместо: *Я этому очень рада*. Ср.: Я этим очень довольна. *Это качество характерно ему*. Вместо: *Это качество характерно для него*. Ср.: Это качество свойственно ему.); выбор ненормативного варианта падежной формы.

Синтаксические особенности сопоставляемых языков проявляются, прежде всего, в порядке слов, в оппозиции структурных схем. Заметим, что:

1) порядок слов в русском языке резко отличается от порядка слов в грузинском языке, например:

Тбилисский государственный университет имени Иванэ Джавахишвили

ივანე ჯავახიშვილის სახელობის თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტი

2) если управляющим именем является существительное, то в грузинском оно ставится за управляемым, а в русском - наоборот:

советник ректора, заведующий кафедрой

რექტორის თანამშრომელი, კათედრის გამგე;

3) в русской речи возможна постпозитивная постановка числительных, если необходимо выразить значение приблизительности, в грузинском такая перестановка невозможна:

человек десять, лет двадцать

ათი კაცი, ოცი წლის;

4) в грузинском сказуемое, как правило, ставится в конце предложения после подлежащего, дополнений, обстоятельств, т.е. для сказуемого характерна постпозиция. Что однако не всегда соблюдается и не всегда желательно. Для ясности мысли лучше, если сказуемое будет стоять ближе к подлежащему.

გამარჯვების შემდეგ ერეკლე მეფე თავისი ჯარით უკან ბრუნდებოდა.

5) в грузинском языке в вопросительных предложениях, содержащих вопросительные слова (вопросительные местоимения или наречия), наблюдается обязательная препозиция вопросительного слова по отношению к глаголу, что позволяет объединить их в одну неделимую группу, условно называемую «вопросительной группой». У глагола-сказуемого строго фиксируемая позиция – после вопросительного слова. Остальная часть объединяется в «позитивную группу». Порядок слов в вопросах подобного типа предполагает взаиморасположение названных групп. «Вопросительная группа» предпочитает начальную позицию, хотя встречается и в постпозиции, и в середине предложения. Логическое ударение – на «вопросительной группе», поэтому она «тяжелее» любого другого члена в отдельности. Об этом уже говорилось выше. Отсюда возникает в речи носителей грузинского языка неестественный для русского вопросительного предложения порядок слов. Русский язык проявляет в этом отношении больше самостоятельности: необязательно, чтобы за вопросительным словом следовало сказуемое-глагол:

- *რატომ მთავრობს ეს ადამიანი?*

- *შენ რას იტყვი ამზე?*

- *Отчего вы так скучно, так неколоритно живете?*

Отчего вы живете так неинтересно, так мало берете от жизни?

Следование порядку слов и синтаксической схеме родного языка проявляется в следующих нарушениях:

- Я учусь в Иванэ Джавахишвили Тбилисском государственном университете на точные и естественные науки факультет. Вместо:

- Я учусь в Тбилисском государственном университете имени Иванэ Джавахишвили на факультете точных и естественных наук.

- Нашего города улицы широкие. Вместо: - Улицы нашего города широкие.

- Мама своего сына красивый мяч купила. Вместо: - Мама купила своему сыну красивый мяч.

- Что думаешь ты об этом? Вместо: - Что ты об этом думаешь?

«Грузинский язык не различает наречий для указания на действие, протекающее в одном месте, и на действие, направленное к какому-либо пункту, как это характерно для русского» (Шанидзе, 1980: с. 614). Неразличение грузинским языком вопросительных слов **где** и **куда** приводит к ошибкам на субституцию, характерным для начального этапа обучения русскому языку и отличающимся устойчивостью. В грузинском языке вопросительным словам **где** и **куда** соответствует вопросительное слово ზღო и для указания места действия, и для направления движения. (Но, кроме этого, для указания на направленность действия употребляется наречие ზოთ, довольно часто используемое в художественной литературе и разговорном языке). В связи с этим в русской речи грузин мы встречаем ошибки типа:

- Где он пойдет в следующем году? Вм.: - Куда он поедет в следующем году?

- Где ездил Давид? Вместо: - Куда ездил Давид?

- Где они бегут? Вместо: - Куда они бегут?

- Где ты идешь? Вместо: - Куда ты идешь?

- Куда они живут? Вместо: - Где они живут?

В русской речи грузин встречаются также ошибки на смешение вопросительных слов **зачем** (цель) и **почему** (причина):

- Зачем пришли люди в зал? Вместо: - Почему люди пришли в зал?

- Зачем пришел он к тебе? Вместо: - Почему он пришел к тебе?

- Зачем опоздал он? Вместо: - Почему он опоздал?

- Почему врать? Вместо: - Зачем врать?

Вопросительные частицы **разве**, **неужели** и соответствующие им грузинские частицы ზაბა, ბუთუ, вносящие оттенки удивления, сомнения, неуверенности, настолько близки по значению, что могут быть взаимозаменяемыми (разница будет только стилистическая). Однако в преобладающем большинстве случаев значения этих частиц

расходятся и возможность замены друг другом исключается. Грузинские предложения с вопросительной частицей *ბუნთუ* более экспрессивны, чем соответствующие русские предложения с частицей **неужели**.

Вопросительная частица **ли** в русском языке, занимающая центральное место среди остальных частиц этой группы, характеризуется многообразием модальных значений и оттенков. Предложения с частицей **ли** требуют утвердительного или отрицательного ответа. Частица **ли** подчеркивает то слово предложения, которое обозначает интересующий говорящего предмет, лицо, явление. В грузинском языке нет аналогов этой частицы. В этом значении употребляются частицы: *ხომ, თუ, ვახა, ბუნთუ, თუ ანა*. Учащиеся подчас вообще не употребляют эту частицу и строят вопросительное предложение по образцу повествовательного путем изменения интонации. Происходит искажение структуры русского предложения, коммуникативной цели высказывания.

- Ты меня не проводишь?	Вместо:	- Не проводишь ли ты меня?
- Можете проводить меня?	Вместо:	- Проводите ли вы меня?
- Батуми красивый город?	Вместо:	- Красивый ли город Батуми?
- Сдал он экзамены?	Вместо:	- Сдал ли он экзамены?

Характерным нарушением в русской речи грузин является неправильное использование синтаксической категории времени в сложных предложениях. Часто грузины путают союзы **что** и **чтобы** после глаголов желания, хотения, которым в грузинском языке соответствует один союз *რამდ*:

- Мы сказали Давиду, чтобы он должен достать билеты на этот концерт.	Вм.:
- Мы сказали Давиду, что он должен достать билеты на этот концерт.	
- Я написал бабушке, что летом я обязательно приехал.	Вместо:
- Я написал бабушке, что летом я обязательно приеду.	
- Отец хочет, что я работаю на заводе.	Вместо:
- Отец хочет, чтобы я работал на заводе.	

Характерная особенность русского языка – эксплицитно представленные значения рода в глаголах прошедшего времени – представляет значительную трудность для грузин при изучении русского языка как иностранного:

- Анна пошел в магазин.	Вместо:	- Анна пошла в магазин.
- Давид поступила на медицинском факультете.	Вместо:	
- Давид поступил на медицинский факультет.		

- Мы пригласили на вечер писательницу, которая написал книгу о молодежи. Вм.:

- Мы пригласили на вечер писательницу, которая написала книгу о молодежи.

- Если бы он придет, я дал бы ему книгу. Вместо:

- Если бы он пришел, я дал бы ему книгу.

Просодическая система любого языка включает в себя описание слога, слова, фразы, сложного интонационного целого. Проявляется она в звучащей речи. Просодические средства теснейшим образом связаны с выражением наших чувств, мыслей и желаний в речи. Составляющие просодии: мелодика, динамика, паузирование, темп, тембр, ритм, ударение. В русском языке ударный слог выделяется четкой артикуляцией, длительностью. Именно русское ударение доставляет столько неприятностей при классном билингвизме. Русское ударение участвует в образовании слов и форм слов обычно наряду с другими средствами. Оно разноместное и подвижное, разные словоформы одного и того же слова могут различаться местом ударения. Фраза (= синтагма, ритмическая группа) состоит из одного или нескольких тактов, объединенных фразовой интонацией – мелодическим контуром, имеющим начальную, центральную и конечную фазы, в результате чего создается интонационная конструкция. Кроме того, фраза создается границами интонационного членения и фразовым ударением. Русский язык является одним из наиболее трудных в плане просодической структуры. В грузинском языке нет долгих и кратких звуков, в результате чего одинаковые по протяженности слоги несут лишь динамическое ударение, которое вообще слабо проявляется. Ударяемый слог не так резко выделяется среди неударяемых, как в русском; во всех случаях каждый гласный звук грузинского слова сохраняет свое главное звуковое значение, все гласные слышны четко. Грузинскому языку не свойственно также ударение, имеющее семантическую значимость (ср. мука' - му'ка, за'мок - замо'к, доро'га - дорога', сто'ит - стои'т). В грузинском языке ударение неподвижное и, как правило, подчиняется примерно следующим правилам: в двусложных словах ударение всегда падает на второй слог с конца, т.е. на первый слог (მამა, დედა); в трехсложных и более словах – на третий слог с конца (წიგნები, მატარებელი); в многосложных словах иногда, кроме основного ударения, которое всегда на третьем слоге с конца, встречается также второе – побочное ударение на первом слоге от начала (უნივერსიტეტი, აღმაშენებელი). На начальном этапе обучения для русской речи грузин характерно смещение словесного ударения или же неправильная его постановка.

Освоение русского ударения и ритмики слов и словосочетаний является базой для правильного интонирования. Интонация - звуковое средство языка, с помощью которого говорящий и слушающий выделяют в потоке речи высказывание и его смысловые части, противопоставляют высказывания по их цели (повествование, волеизъявление, вопрос) и передают субъективные отношения к высказываемому (Брызгунова, 1980: с. 96). Составляющими интонации являются: мелодика речи, осуществляемая повышением и понижением голоса во фразе; ритм речи, т.е. чередование ударных и безударных, долгих и кратких слогов; интенсивность речи, т.е. сила или слабость голоса при произнесении; темп речи, т.е. скорость протекания речи во времени и величина пауз между речевыми отрезками; тембр речи, т.е. звуковая окраска, придающая речи те или иные эмоционально-экспрессивные оттенки; фразовое и логическое ударения, служащие средством выделения речевых отрезков или отдельных слов во фразе. Интонация является одним из средств выражения грамматической полноты высказывания (интонация завершенности/незавершенности), модальности, цели (интонация сообщения, вопроса, побуждения), выражения синтаксических отношений между частями предложения (интонация перечисления, сопоставления, пояснения...), указания на эмоциональную окраску (интонация восклицательная) и т.д. Таким образом, интонации приписываются синтаксическая (дифференциация типов предложений, распределение информации), прагматическая (категория вежливости) и речеорганизующая (незаконченность) функции.

В грузинском языке, как и в русском, в конструкциях без вопросительного слова логическое ударение выделяет слово, обозначающее то, о чем спрашивает говорящий. Но при отсутствии логического ударения вопрос выражается глаголом, глагол актуализируется (при перестановке слов интонационный центр будет по-прежнему на глаголе), конечная гласная которого удлиняется; если глагол отсутствует, то удлиняется гласная слова, выражающего вопрос. Интонация восходящая, логическое ударение падает на последний слог.

Интонационный (мелодический) рисунок грузинского вопросительного предложения не зависит от наличия или отсутствия вопросительного слова или частицы, решающую роль играет место глагола-сказуемого в предложении и его просодические характеристики (тон, интенсивность, длительность). Мелодический контур меняется в зависимости от того, какую позицию занимает в нем глагол-сказуемое. Интонация в вопросительных предложениях без вопросительного слова имеет восходящий или восходяще-нисходящий характер, в зависимости от того, какое место в предложении занимает глагол-сказуемое:

- აბა, თქვენ გინახავთ ვისმე იქ ორმო, ან გაგიგონიათ?
 ილია, "კაცია – ადამიანი?!"

- აბა, თქვენ ვისმე იქ ორმო გინახავთ, ან გაგიგონიათ?

Интонация вопросительных предложений с вопросительным словом имеет следующий вид:

- ახლა რას იტყვი, ლუარსაბ?
 ილია, "კაცია – ადამიანი?!"

- ახლა, ლუარსაბ, რას იტყვი?

Русскую интонацию можно охарактеризовать как «зигзагообразную мелодику».

В звучащей русской речи учащихся присутствует грузинский акцент. Акцент – это подчинение чужой системы языка навыкам своего родного. Он принадлежит к той или иной языковой группе и, как правило, неизбежен на просодическом уровне. Акцент является продуктом речевых ошибок и охватывает все языковые уровни. Так как в грузинском языке нет мягких согласных, все согласные произносятся твердо. По аналогии родного языка в русской речи грузин согласные произносятся твердо, что придает их речи своеобразный грузинский акцент.

В связи с этим в русской речи грузин наблюдаются ошибки, связанные с неумением выделить логический центр в вопросительных предложениях; избыточная паузация; смещение словесного ударения; неадекватное распределение фразовых ударений, т.е. неправильная организация синтагмы. Искажается мелодический контур предложения, что проявляется в чрезмерном растягивании конечного гласного в вопросительных предложениях без вопросительного слова; интонационное выделение глагола-сказуемого в вопросительных предложениях с вопросительным словом; оформление повествования ровным тоном без ступенчатого понижения. Такие ошибки приводят к нарушению коммуникативного типа высказывания, к искажению коммуникативного намерения говорящего, препятствуют пониманию коммуникативного высказывания, приводят к интонации незавершения: собеседник ждет продолжения диалога, в то время, как с позиции говорящего фраза закончена. Коммуникация состоялась частично, не реализована коммуникативная цель.

Поэтому очень важно учитывать также и интонационные особенности родного и изучаемого языков. Овладение мелодикой и мелодическое оформление коммуникативного типа довольно трудный объект изучения, чему нельзя не уделять внимание в практике преподавания.

Таким образом, сопоставительный анализ русского и грузинского языков в условиях классного билингвизма помогает выделить при анализе интерферирующих систем двух языков типичные нарушения, становящиеся тормозом в русской речи грузин. Описание этих нарушений и их классификация поможет преподавателю предупредить ошибки в речи студентов. Анализируя материал по следующим параметрам:

- 1) полное тождество какой-либо языковой единицы;
- 2) частичное тождество;
- 3) формальное тождество;
- 4) несовпадение;
- 5) полное отсутствие единицы,

мы пришли к определенным выводам:

1) типологические различия сопоставляемых языков являются причиной возникновения интерференции. Интерференция глубоко проникает в «ткань» изучаемого языка и присутствует на всех языковых ярусах;

2) ошибки в процессе овладения иностранным языком – результат неразличения имеющихся в изучаемом языке оппозиций, а подчас – ошибочного различения аналогичных оппозиций в изучаемой системе;

3) при чисто лингвистическом описании допускаемых ошибок необходимо выделить следующие типы явлений:

- свехдифференциацию,
- недодифференциацию,
- реинтерпретацию (замену признаков системы одного языка признаками системы другого языка),
- субституцию.

Актуальность исследования проблемы имеет общетеоретическое значение, поскольку открывает новые возможности в плане сопоставительного изучения языковой ошибки.

Заключение

1. Анализ диалогических текстов русского и грузинского языков продемонстрировал, что смысл всего высказывания вытекает не только из значения составляющих его компонентов, а, в первую очередь, зависит от параметров прагматической ситуации (намерений говорящего, от фактора адресата, социальных и психологических признаков партнеров и т.д.).

В диалогическом тексте, как в зеркале, отражаются особенности собственно языковой системы и особенности функционирования этой системы в живой речи. Мимика, жесты, междометия вместе с контактностью и ситуативностью помогают поддержать постоянную и непосредственную обратную связь, линейность во времени. Анализ показал, что в сопоставляемых языках они имеют национальную специфику и могут проявляться по-разному.

2. Привлечение дисциплин, ориентированных на коммуникацию, (таких как: лингвопрагматика, коммуникативная лингвистика, этнолингвистика) позволило перенести анализ языковых единиц вопросительности в динамический план и выявило следующие оппозиции: вопросительной формы и вопросительного содержания, вопросительной формы и невопросительного содержания, невопросительной формы и вопросительного содержания.

3. Предлагаемая работа, выполненная в русле структурного и семантического подхода к вопросно-ответным единствам в русском и грузинском языках, подтверждает трактовку вопросительности как понятийной категории. Универсальность вопросительности подтверждается тем, что она свойственна языкам мира, но в разных лингво-культурных общностях имеет свои устоявшиеся стереотипы и формы выражения.

4. Внесение коммуникативных моделей (адресант – код – адресат и адресат – ответ – адресант) позволило использовать фактор человеческой интеракции, в процессе которой удалось выявить особенности функционирования кода (вопросительного предложения) и ответа на него.

Анализ материала конкретных языков дал возможность выявить ряд закономерностей, имеющих как универсальный, так и специфический характер.

5. Решающим фактором, определяющим иллокутивную цель высказывания, является не его языковая форма, которая лишь в прямых речевых актах соответствует

коммуникативному намерению, а иллокутивная цель и параметры коммуникативной ситуации.

В косвенных речевых актах вопросительность как иллокутивная цель и вопросительная форма высказывания не соответствуют друг другу, в чем проявляется асимметрический дуализм Карцевского на уровне текста.

6. В сопоставляемых языках вопросительная интенция может выражаться повествовательными и побудительными конструкциями, а вопросительные конструкции могут использоваться для выражения иных иллокутивных целей. Прагматический диапазон косвенных речевых актов довольно велик. В обоих языках вопросительные конструкции употребляются с разнообразными коммуникативными намерениями, а именно, для выражения: просьбы, совета, утверждения, запрета, побуждения, эмоций и т.д. Анализ коммуникативных намерений говорящего позволил выделить 3 группы подобных конструкций: вопросительно-воздействующую, вопросительно-относительную или регулятивную и вопросительно-этикетную.

При сопоставлении материала анализируемых языков прослеживаются в основном соответствия косвенных значений вопросительных конструкций, хотя не всегда можно найти аналоги. В обоих языках наблюдается явное преобладание косвенных речевых актов.

7. Когда две языковые системы находятся в контакте в рамках одного коллектива, происходит частичное подчинение изучаемого языка родному, а это приводит к интерференции, глубоко проникающей в «ткань» изучаемого языка и существующей во всех звеньях языковой системы. Речь человека, изучающего второй язык, долгое время находится «в плену» ранее изученной системы. Современная ортология нацелена на соблюдение норм русского литературного языка на основе научного анализа закономерностей языкового развития.

Сопоставительный анализ русского и грузинского языков в условиях субординативного билингвизма помог выделить при анализе интерферирующих систем двух языков типичные нарушения, становящиеся тормозом в русской речи грузин. Описание этих нарушений, их классификация и унификация поможет преподавателю предупредить целый ряд ошибок в русской речи грузин.

Библиография

1. Авалиани Т., Ардзенидзе А. Прагматика вопросительных конструкций. // Научные труды. Серия: Филология, Т.Х.– Санкт-Петербург-Тбилиси, 2005, с.5-12.
2. Австьян Э. Г. Природа лингвистического знака. - Ереван, 1968.
3. Адамец А. Порядок слов в современном русском языке. – Прага, 1966.
4. Акишина А. А., Кано Х., Акишина Т. Е. Жесты и мимика в русской речи. – Москва, «Русский язык», 1991.
5. Акишина А. А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет. М., 1975.
6. Алексидзе М., Гурули Л. Прагматико-семантическая характеристика речевого акта «извинения» в русском и в грузинском языках. // Научные труды. Серия: Филология, Т. Х. – С-Петербург-Тбилиси, 2005, с. 25-36.
7. Аллен Дж. Ф., Перро Р. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании. НЗЛ. Выпуск XVII – М., 1986, с. 322 –363.
8. Анисимова Г. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. – Москва, 2003.
9. Арват Н.Н. О взаимосвязи лексического и грамматического уровней.// Сб. Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. М.: Русский язык, 1980.
10. Ардзенидзе А. Стратегия и тактика вопроса в русском дискурсе. Канд. дисс. на соискание уч. ст. канд. фил. наук, 2003.
11. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата. – Изд. АН. Серия литература и язык, т. 40, № 4, Москва, 1981 .
12. Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
13. Арутюнова Н. Д. Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992.
14. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – Москва: Языки русской культуры, 1999, 896с.
15. Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI – Москва, «Прогресс», 1985.
16. Ахутина Т.В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: Изд. МГУ, 1989.

17. Баранов А. Н., Иванова Е. А. Лексические показатели минимальных диалогов (элементы типологии). // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, № 1. - Москва, 1999, с.76 – 87.
18. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога. // Вопросы языкознания, № 2. – Москва, 1992.
19. Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов. – Москва, 1981.
20. Белоусов В. Н., Ковтунова И. И., Кручинина И. Н.. Русская грамматика. Под редакцией Шведовой Н. И. – «Русский язык», Москва, 1990, с.639.
21. Белошапкина В. А. Современный русский язык. Синтаксис. – «Высшая школа». Москва, 1977.
22. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. – СПб., 1992.
23. Бернштейн В.И. Некоторые источники и формы проявления интерференции в процессе изучения иноязычной лексики // Взаимодействие языков в процессе обучения. Вильнюс, 1977.
24. Богданов В. В. Речевое общение. – Ленинград, 1990.
25. Бондаренко А. В. Функциональная грамматика. Ленинград, 1984.
26. Бондаренко А. В. Грамматическое значение и смысл. – Ленинград, 1978.
27. Борисова И. Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге. // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург, 1996.
28. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. – Москва: КомКнига, 2005, 320 с.
29. Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика. М.: Наука, 1980, т.1.
30. Будагов Р. А. Человек и его язык. – Москва, 1976.
31. Бурденюк Г.М., Григорьевский В.М. Языковая интерференция и методы ее выявления. Кишинев: Штиинца, 1978.
32. Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев, Вища школа. КГУ, 1979.
33. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. – «Высшая школа», Москва, 1978.
34. Валюсинская З. В. Вопросы изучения диалога в работах современных лингвистов. // Синтаксис текста. – Москва, «Наука», 1979, с.300 – 315.
35. Ван Дейк Т. Вопросы прагматики текста. НЗЛ. Выпуск VIII. – М., 1978.
36. Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. Москва, 1989.

37. Васильева А. Н. Основы культуры речи. –М., «Русский язык», 1990, 247с.
38. Вежбицка А. Речевые акты. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI – Москва, «Прогресс», 1985.
39. Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Изд. МГУ., 1969.
40. Верещагин Е. М. и Костомаров В. Г. «Язык и культура». Изд. «Индрик». - Москва, 2005 .
41. Виноградов В.А. Лингвистические аспекты обучения языку. М.: МГУ, 1972.
42. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
43. Виноградов С. И. Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи. – Москва, 1996.
44. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI – Москва, «Прогресс», 1985.
45. Воронин, Б.Ф. Ошибки в устной речи иностранца как психолингвистическая проблема // Психология грамматики. М., 1968.
46. Воронин, Б.Ф. Некоторые вопросы психологического анализа грамматических ошибок в устной речи иностранцев на русском языке // Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку. М., 1970.
47. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка. М.: Изд. АПН РСФСР, 1956.
48. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч. М., 1982, Т.2.
49. Вятютнев М. Н. Теория учебника русского языка как иностранного. Москва, 1984.
50. Гадалина Н.И. К вопросу об изучении ошибок в речи студентов-иностранцев // Экспериментальные исследования в методике преподавания русского языка как иностранного М., 1975.
51. Гайсина Р. М. Специализированные средства речевого контакта в современном русском языке. // Синтаксис и интонация. Выпуск II. – Уфа, 1973, с. 62 – 68.
52. Гак В. Г. Об использовании идеи симметрии в языкознании. // Лексическая и грамматическая семантика романских языков. – Калинин, 1980.
53. Гаузенблас К. Культура языковой коммуникации. НЗЛ. Выпуск XX. – Москва, 1987.
54. Гветадзе М. А. Коммуникативная лингвистика и типология текста. – Тбилиси, 1986.

55. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. II – «Просвещение». Москва, 1973.
56. Геловани М. Соматические фразеологизмы как языковые корреляты невербальных компонентов коммуникации // Научные труды. Серия: Филология, Т. X. – С-Петербург-Тбилиси, 2005, с. 79-84.
57. Гельгардт Р. Р. Рассуждение о диалогах и монологах: К общей теории высказывания. // Сборник докладов и сообщений лингвистического общества. - Калинин, 1971. Вып. 1.Т.2.
58. Голетиани Г.Г. Сопоставительная грамматика русского и грузинского языков. Ч.1., Морфология. Изд. ТГУ, Тбилиси, 1970.
59. Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения. НЗЛ. Выпуск XVI – Москва, 1985.
60. Горелов И. Н., Енгальчев В. Ф. Безмолвный мысли знак: Рассказы о невербальной коммуникации. – Москва, 1991.
61. Грайс П. Логика и речевое общение. НЗЛ. Выпуск XVI. – М., 1985.
62. Грамматика современного русского литературного языка. Под редакцией Н. Ю. Шведовой. – Москва, «Наука», 1970.
63. Грамматика русского языка. АН СССР. – Москва, 1954
64. Дейвисон А. Лингвистическое или прагматическое описание. НЗЛ. Выпуск XVII. – Москва, 1986.
65. Демьянков В. З. «Теория речевых актов» в контексте современной зарубежной лингвистической литературы. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII – Москва, «Прогресс», 1986.
66. Демьянков В. З. Загадки диалога и культура понимания // Текст в коммуникации. М., 1991.
67. Добрович А. Б. Общение, наука и искусство. – Москва, 2000.
68. Долинин К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия. // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Москва, 1999, № 1, с.36 – 53.
69. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. – «Наука», Москва, 1984.
70. Есперсен О. Философия грамматики. – «Наука», Москва, 1958.
71. Жинкин Н. И. Вопрос и вопросительное предложение. // Вопросы языкознания, № 3, 1965.

72. Журавлева В.В., Кедайтене Е.И. К проблеме механизма интерференции // Современное состояние и основные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы / МАПРЯЛ, М., 1982.
73. Залевская А.А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. Тверь: Изд. Тверского ун-та, 1996.
74. Зарецкая Е. Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации. – Москва, 2001.
75. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. – Москва, 1976.
76. Зенчук В.Н. Интерференция близкородственных языков как причина некоторых устойчивых синтаксических ошибок // Психология и методика обучения второму языку. М., 1971.
77. Зимняя И.А. Педагогическая психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1977.
78. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М., Просвещение, 1985.
79. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. М.: Русский язык, 1989.
80. Игнатъева Н.П. Грамматическая ошибка как показатель интерференции навыков при обучении иностранному языку // Психология и методика обучения второму языку. М., 1971.
81. Имедадзе Н.В. О двух уровнях лексической интерференции в процессе усвоения второго языка // Взаимодействие языков в процессе обучения. Вильнюс, 1971.
82. Имедадзе Н.В. Экспериментально-психологические исследования овладения вторым языком: Автореферат дис. ... д-ра психологич.наук, Тбилиси, 1978.
83. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Москва, 2002.
84. Исхакова Ф.С. Об интерференции родного языка и сопоставительном изучении иностранного // Иностр. язык в школе № 7, 1979.
85. Касьянова К. Если Магомет не идет к горе...// Знание – сила. 1992. № 1, с.15-23.
86. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва, 2002.
87. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. // В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX - XX веков в очерках и извлечениях. Москва, 1965.
88. Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Москва, 2001.

89. Каспранский Р. Р. К вопросу об исследовании интонационно-просодических характеристик речевого сигнала. // Синтаксис и интонация. Выпуск II. – Уфа, 1973, с. 92 – 100.
90. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. – «Наука». Ленинград, 1972.
91. Кибрик А. Е., Бергельсон М. Б. Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка. Известия АН. Серия: Язык и литература, т. 40, № 4. – Москва, 1981.
92. Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика. 5-ое издание. – Москва, 2004.
93. Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. – Ленинград, 1978.
94. Кифер Ф. О роли прагматики в лингвистическом описании. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI – Москва, «Прогресс», 1985.
95. Кларк Г. Г., Карлсон Т. Б. Слушающие и речевой акт. НЗЛ. Выпуск XVII. – Москва, «Прогресс», 1986, с. 270 – 322.
96. Кобозева И. М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. – Москва, «Прогресс», 1986, с.7 – 21.
97. Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Интерпретирующие речевые акты. // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – Москва, 1984, с. 63-71.
98. Ковалев А. Г. Коллектив и социально-психологические проблемы руководства. – Москва, 1975.
99. Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. – Москва, 1976.
100. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. / Под ред. Булыгиной Т. В. 2-ое изд. – «КомКнига», 2005.
101. Комахидзе Р. А. Синтагматика и парадигматика текста. – Тбилиси, 1995.
102. Комиссаров В. Н. Теория перевода. – «Иностранная литература», М., 1990
103. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. – «Иностранная литература». Москва, 1980.
104. Конецкая В. П. Социология коммуникации. – Москва, 1997.
105. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI. – Москва, «Прогресс», 1985, с. 349 – 384.

106. Крылова О., Хавронина С. Порядок слов в русском языке. – «Русский язык». Москва, 1976.
107. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – Москва, 1989.
108. Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. Изд. «Экзамен», М., 2002.
109. Лакофф Дж. Прагматика в естественной логике. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI – Москва, «Прогресс», 1985.
110. Лебедева Ю.Г. Звуки, ударение, интонация. Учебное пособие. М.: Русский язык, 1975.
111. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. – Москва, 1969.
112. Леонтьев А.А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному (психолингвистические очерки). М.: Изд. МГУ, 1970.
113. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – Москва, 2001.
114. Леонтьев А.А., Рябова Т.В. Фазовая структура речевого акта и природа планов // Планы и модели будущего в речи. Тбилиси, 1970.
115. Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва, «Советская энциклопедия», 1990.
116. Львов М. Р. Основы теории речи – Москва, 2000.
117. Мамудян М. Лингвистика. – «Прогресс». Москва, 1985.
118. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1998.
119. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. – Москва, 2000.
120. Мучник А.И. Типовые явления речевого переноса // Психолингвистика и обучение иностранному языку. М., 1972.
121. Николаева Т. М. Лингвистика текста. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск VIII – Москва, «Прогресс», 1978.
122. Осокин В. В. Логическое ударение. – Томск, 1968.
123. Остин Дж. Слово как действие. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII – Москва, «Прогресс», 1986.
124. Павилёнис Р. Понимание речи и философия языка. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII – Москва, «Прогресс», 1986.
125. Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога. // Известия АН, Серия: Литература и язык, т. 41, № 4, - Москва, 1982.

126. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. Москва, 1985.
127. Пальмер Г. Устный метод обучения иностранным языкам. М., 1960.
128. Парыгин Б. Д. Основы социально - психологической теории. – Москва, 1971.
129. Пассов И. Основы коммуникативной методики.– Москва, «Русский язык», 1989.
130. Петрова В. В. Философия, семантика, прагматика. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI – Москва, «Прогресс», 1985.
131. Пешковский А. М. Избранные труды. – Москва, 1959.
132. Поварнин С. О теории и практике спора. – Минск, 1992.
133. Попов Л. Г. Спор, дискуссия, полемика. – Москва, 1991.
134. Попов П. С. Суждение и предложение. // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – «Прогресс». Москва, 1950.
135. Попова З. Д. Порядок слов в предложении. – Воронеж, 1965.
136. Почепцов Г. Г. Слушатель и его роль в актах речевого общения // Языковое общение: Единицы и регулятивы: Межвузовский сборник научных трудов. Калинин, 1987.
137. Почепцов О.Г. Коммуникативные аспекты семантики. – Киев, 1987.
138. Проблемы общения в психологии. Сб. статей. Ответств. ред. Б. Ф.Ломов. – Москва, 1981.
139. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. М.: Изд. «Флинта», Изд.«Наука», 2004.
140. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Изд. «Флинта», Изд.«Наука», 2007.
141. Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. – Москва, 1974.
142. Радиевская М. Г. О дифференциальных признаках некоторых интонационных единиц при различении коммуникативных типов предложений. // Синтаксис и интонация. Выпуск II. – Уфа, 1973, с. 101 –105.
143. Рогозная Н.Н. Лингвистический атлас нарушений в русской речи иностранцев. – Иркутск, 2001.
144. Розенцвейг Ю.В., Уман Л.М. К проблеме грамматической интерференции // Проблемы структурной лингвистики. М., 1962.
145. Розенцвейг Ю.В., Уман Л.М. Интерференция и грамматические категории // Исследования по структурной типологии. М., 1963.

146. Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию. – «Высшая Школа». Москва, 1978.
147. Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию. – «Высшая Школа». Москва, 1990.
148. Рождественский Ю. В. Теория риторики. 2-ое издание. – Москва, 1999, 482 с.
149. Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. М., 2000.
150. Рожкова Г.И. К лингвистическим основам методики преподавания русского языка иностранцам, 1977.
151. Румнев А. А. О пантомиме. – Москва, 1964.
152. Русская грамматика. АН СССР. Т.II – Изд. «Наука», Москва, 1980, 709 с.
153. Савиньон С. Коммуникативная компетенция: теория и практика обучения. – Москва, 1983.
154. Сейдок П. Возможные коммуникативные стратегии. – Москва, 2002.
155. Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII – Москва, «Прогресс», 1986.
156. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII – Москва, «Прогресс», 1986.
157. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII – Москва, «Прогресс», 1986.
158. Скворцов Л. И. Культура речи. // Русский язык: Энциклопедия. Под редакцией Ф.М. Филина. – М., 1979, с.119-121.
159. Социальная психология. Под общей ред. Г.П. Предвечного, Ю.А. Шерковина. Москва, 1975.
160. Сталл П. Значение, содержание и прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI – Москва, «Прогресс», 1985.
161. Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значения. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI – Москва, «Прогресс», 1985.
162. Столнейкер Р. С. Прагматика. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI – Москва, «Прогресс», 1985.
163. Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII – Москва, «Прогресс», 1986.
164. Сусов И. П. Прагматическая структура высказывания // Языковое общение и его единицы. Калинин: Изд. калинин. унив., 1986, с. 7-11.
165. Таванец П. В. Суждение и его виды. – «Прогресс». Москва, 1953.

166. Тевдорадзе И. Просодия грузинского литературного языка. – Санкт-Петербург, 2005.
167. Теория функциональной грамматики. – «Наука». Москва, 2001.
168. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1996.
169. Уман Л.М. Что такое грамматическая интерференция // Ученые записки Орловского пед. ин-та, 1963. Т.17. Вып.2.
170. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. – «Прогресс». Москва, 1983.
171. Федорова Л.Л. Типология речевого взаимодействия и его место в структуре общения. Вопросы языкознания № 6. – Москва, 1991.
172. Фирсанова Г.И. Описание интонационных особенностей вопросно-ответных предложений в современном русском языке // Синтаксис и интонация. Выпуск II. – Уфа, 1973, с. 106 - 114.
173. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. Москва, Гос. ИРЯП, 1998.
174. Формановская Н.И. Речевая интенция как объект исследования в лингвистическом и методическом аспектах. // Лингводидактический поиск на рубеже веков: Юбилейный сборник. – Москва, Гос. ИРЯП, 2000, с. 213 – 224
175. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. – Москва, Изд. «Икар», 2002.
176. Франк Д. Семь грехов прагматики. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII – Москва, «Прогресс», 1986.
177. Хоанг Фэ. Семантика высказывания. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI – Москва, «Прогресс», 1985.
178. Хомский Н. Синтаксические структуры. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск II – Москва, «Прогресс», 1962.
179. Хундадзе С., Литературный грузинский язык. – Кутаиси, 1902.
180. Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. М.: Просвещение, 1982.
181. Чехов А. П. Рассказы и повести. Сочинения в четырех томах. Под ред. Г. П. Бердникова. – Москва. «Правда», 1984.
182. Широкова А.В. Сопоставительная типология разноструктурных языков (фонетика, морфология). М.: Добросвет, 2000.
183. Ширяев Е. Н. Культура речи. // Русский язык: Энциклопедия. 2-ое изд. Под редакцией Ю. Н. Караулова. – Москва, 1997, с. 204-205.
184. Шуба Н. И. Современный русский язык. – Киев, 1999.

185. Щерба Л.В. О понятии смешения языков // Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958, Т.1.
186. Юсупов У.К. Проблемы сопоставительной лингвистики. – «Фан». Ташкент, 1980.
187. Язык. Сознание. Коммуникация. Вып 16. М., МАКС-Пресс, 2001.
188. Ястрежембский В.Р. Методологические аспекты лингвистического анализа диалога // Диалог: Теоретические проблемы и методы исследования . Сб. научно-аналитических обзоров ИНИОН. М., 1991, с. 82-110.
189. აფრიდონიძე შ. სიტყვათგანლაგება ახალ ქართულში. – თბილისი, "მეცნიერება", 1986.
190. აფრიდონიძე შ. ნაწილაკთა განლაგება "ზოგად კითხვებში". გამომც.: „იბერიულ-კავკასიური ენათმეცნიერება“. თბილისი, 1986.
191. ახვლედიანი გ. ზოგადი ფონეტიკის საფუძვლები. – თბილისი, 1970.
192. გაფრინდაშვილი ნ, თვალთვაძე დ. რიტორიკის შესავალი. თბილისი, 2007.
193. დავითიანი ა. სიტყვათა შესამების პოზიციური თავისებურებანი ქართულში. // ჟურნალში «უცხოური ენები სკოლაში», №3, 1968.
194. დავითიანი ა. ქართული ენის სინტაქსი. თბილისი. "განათლება", 1973.
195. თოფურია ე. კითხვითობის სემანტიკის მქონე ენობრივი ერთეულების პრაგმატიკული მნიშვნელობები ინგლისურ, ფრანგულ და ქართულ ენებში. ფილოლოგიურ მეცნიერებათა კანდიდატის ხარისხის მოსაპოვებლად წარმოდგენილი დისერტაცია. თბილისი, 2004.
196. კვაჭაძე ლ. თანამედროვე ქართული ენის სინტაქსი. – თბილისი, "განათლება", 1977.
197. კიზირია ა. შემასმენლის ადგილი წინადადებაში. // "ქართული ენა და ლიტერატურა სკოლაში", № 3, 1950.
198. კიზირია ა. მარტივი წინადადების შედგენილობა ძველ ქართულში, თბილისი, 1966.
199. ლებანიძე გ. ანტროპოცენტრიზმი და კომუნიკაციური ლინგვისტიკა. თბილისი, 1998.
200. ნებიერიძე გ. ენათმეცნიერების შესავალი. თბილისი, "განათლება", 1999.
201. უღვინტი ს. ქართული ენის რიტმიკულ-მელოდიკური სტრუქტურა. თბილისი, თსუ, 1984.

202. რულოვსი ს. ე. იდეალისტის ნაამბობი. თბილისი. გამომცემლობა "link", 2005.
203. საყვარელიძე ნ. თარგმნის კომუნიკაციურ-პრაგმატული ექვივალენტების პრობლემა. თბილისი, თსუ, 1996..
204. შანიძე ა. ქართული გრამატიკის საფუძვლები, ტ. I, თბილისი, "განათლება", 1962.
205. შანიძე ა. სალიტერატურო ქართულის საჭირობოროტო საკითხები. თბილისი, "განათლება", 1979.
206. შანიძე ა. ქართული გრამატიკის საფუძვლები, ტ. III, თბილისი, "განათლება", 1980.
207. ჩიქობავა არ. მარტივი წინადადების პრობლემა ქართულში, I, თბილისი, "განათლება", 1968.
208. ჯავახიშვილი მ. ახალი სალიტერატურო ქართულისათვის. სინტაქსი. თხზულებანი, ტ. VI, თბილისი, 1964.I
209. Bates E. Language and Context. The Acquisition of Pragmatics. N.Y.etc., 1976.
210. Chomsky N. Syntactic Structures. – The Hague, 1996.
211. Ekman P. Universal Facial Expressions of Emotions.// Culture and Personality: Contemporary Readings/ Chicago, 1974.
212. Große E.U. Text und Kommunikation. Stuttgart, Berlin, 1976.
213. Richmond Y. From Da to Yes. Understanding the East Europeans. Intercultural Press, Inc. 1996.
214. Sapir E. – Selected Writings. Barkley, 1964
215. Smith H. L. Language and the Total System of Kommunikation. – In: Linguistics Today / Ed. A. H. Hall. N.Y.; 1969.